

От автора:

«Кто жил так, что память о нём свято сохраняется в душах людей, которых он любил, тот, я думаю, сделал своё дело для продолжения своего существования и после смерти». Приведённые слова немецкого писателя Георга Эберса как нельзя лучше раскрывают идею этой книги.

Из неё вы узнаете, что Ивана IV в Казани называли «Явыз Иван», что этот город связан со славными деяниями таких замечательных татарских просветителей, как Хальфины, Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Фаизханов, что именно здесь происходило духовное формирование корифеев культуры М. Горького и Ф. Шаляпина, что имена Героев Советского Союза М. Девятаева, Н. Столярова неотделимы от столицы Татарстана.

Возможно, кто-то из читателей найдёт «своего» героя, захочет узнать о нём больше, возьмёт его за образец. Кого-то, возможно, заинтересуют определённые перипетии истории, науки чрезвычайно увлекательной.

Все личности, изображённые здесь, очень разные – роднит их то, что они, так или иначе, соприкасались с Казанью, а ещё – остались в памяти потомков и, значит, избежали тления.

РЕНАТ БИКБУЛАТОВ • КАЗАНЬ. ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ • КНИГА ПЕРВАЯ

РЕНАТ
БИКБУЛАТОВ

КАЗАНЬ

КНИГА
ПЕРВАЯ

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ

*Посвящаю моим любимым
дочери Гузель и внучке АLINE*

Казань
2015

ББК 63.3(2РосТат)

УДК 9(С146)

Б 60

Под редакцией заслуженного работника культуры Республики Татарстан
Л. Г. Алексеевой

Б60 Бикбулатов Р. Казань. Знаменитые люди. Книга первая. – 2-е изд. испр.,
доп. – Казань: Издательство «Заман», 2015. – 256 с., ил.

В последнее время в Казани заметно возрос интерес читательской аудитории к истории и культуре древнего города.

Эта книга раскрывает один из аспектов летописи одного из крупнейших городов Поволжья – она рассказывает о государственных деятелях, известных представителях науки, искусства, литературы, чьи судьбы соприкасались с Казанью.

Издание рассчитано на самый широкий круг читателей, оно обращено ко всем тем, кого интересует история, краеведение.

В книге использованы старинные фотооткрытки из фондов Национального музея Республики Татарстан, Музея истории Казанского (Приволжского) федерального университета и личной коллекции автора.

ISBN 978-5-4428-0088-3

© Издательство «Заман», 2015

РЕНАТ
БИКБУЛАТОВ

КАЗАНЬ

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ

КНИГА ПЕРВАЯ

МАХМУД-ХАН

ПЕРВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Первым правителем нового феодального государства — Казанского ханства — с 1445 года был представитель золотоордынской династии Махмуд (Махмутек), сын Улуг-Мухаммада (1405—1445). Точной даты рождения хана Махмуда история не сохранила. Никоновская летопись только отмечает, что летом 1444 года Улуг-Мухаммад захватил города Нижний Новгород и Муром, а его сын Махмуд 7 июля 1445 года разгромил под городом Суздаль войска Василия II, великого князя Московского. Василий II попал в плен и был вынужден признать над собой власть Улуг-Мухаммада, вы-

платил ему дань, обязался возвратить хану мещерские земли, выкупленные в 1342 году у Токтамыша. Впоследствии на них было создано Касимовское ханство. Предположительно, Улуг-Мухаммад был убит в Казани в 1445 году после заговора. После смерти отца на ханский престол в довольно молодом возрасте сел Махмуд, это косвенно подтверждается тем фактом, что русские летописи всегда называют его уменьшительным именем Махмутек.

Историк Н.М. Карамзин сообщает, что в 1446 году 700 человек из войска хана Махмуда совершили поход на город Устюг, взя-

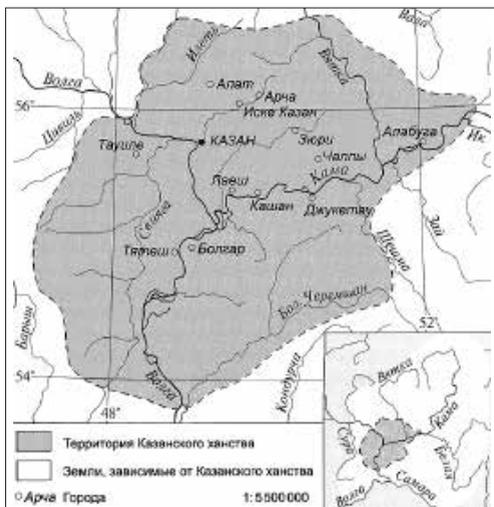
ли его, получили большой выкуп, но на обратном пути счастье изменило им, и при переправе через Ветлугу многие утонули. Такой же поход против русского государства совершил хан Махмуд в 1448 году, добившись уплаты дани, наложенной в 1445 году.

В первые годы своего правления хан Махмуд, как пишет Н.М. Карамзин, «построил новую, деревянную (крепость — Р.Б.), представил оную в убежище болгарам, черемисам, моголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами россиян. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмуда царём и... возобновителем или истинным первоначальником царства Казанского, основанного на развалинах древней Болгарии, государства образованного и торгового». О строительстве укрепленного города сообщает и казанский летописец: «...и постави... деревянный град крепок на новом месте крепчайший старого, недалеча от старыя Казани, разорённый от московския рати».

Становлению Казанского ханства способствовало то, что Зо-

лотой Орды как таковой уже не существовало, а её преемница Большая Орда не являлась серьёзной угрозой к его возрождению. Международное положение Казанского ханства было довольно прочным, оно стало самостоятельным государством.

Но усиливалась и Московская Русь, в то время объединившая вокруг себя другие русские княжества. Страстный противник Большой Орды, Москва пока не могла мешать Казани вести самостоятельную политику. И именно в годы правления хана Махмуда серьёзных столкновений между ними не было. В Казанском ханстве царили мир и спокойствие. За 20 лет (1446–1466) широко развивается взаимное сотрудничество, крепнут торговые связи. Казань превращается в главный центр международной торговли в Поволжье. Постепенно Казань становится центром товарообмена во всей Восточной Европе. Сюда со своими товарами съезжаются купцы из Средней Азии, Сибири, Персии, Закавказья, Поволжья, Руси. Ежегодная Казанская ярмарка чем-то напоминала международную ярмарку бывшего Булгарского царства, продолжала его славные традиции. Ярмарка проходила летом

Границы Казанского ханства

напротив Казани, на волжском острове, который русские купцы прозвали «Гостиный остров». В весеннее половодье различные постройки, здания, амбары на нём часто оказывались под водой. В 1445 году Московский митрополит Иона посылает в Казань двух слуг с рухлядью (пушным товаром) и в письме к казанскому вельможе Шаптяку, именуемому им «приятелем», в униженном тоне просит его представительства перед царём Махмутеком. Ясно, что престиж Казани был высок уже в начале второй половины XV века, если русскому иерарху представлялось целесообразным искать по-

кровительства казанского сановника.

Василий II в 1452 году отдал во владение царевичу Касиму, одному из сыновей Улуг-Мухаммада, мешерский город на Оке. Вскоре здесь, в пределах Руси, возникло Касимовское ханство, которое специально было создано для постоянного вмешательства во внутренние дела Казани. Через касимовских царевичей Москва стремилась контролировать Казань и управлять её политикой.

Казанское ханство времён Махмуд-хана представляло собой серьёзную политическую силу, что гарантировало ему мирное развитие, способствовало привлечению сюда большого количества населения. В этот период Казань разбогатела, стала большим цветущим городом, одним из центров исламской цивилизации. От Великого Булгара к этому времени остались лишь развалины, которые никто не восстанавливал. Население страны всё чаще стали называть казанцами и татарами. За 107 лет существования Казанского ханства (1445–1552) Махмуд вписал в её историю яркие страницы. Есть все основания считать, что тогда окончательно сформирова-

Казань. XV век (фрагмент). Ф.Халиков, 1998

лась государственная структура ханства, организовалось и укрепилось внутреннее государственное устройство. При хане Махмуде началась новая эпоха в средневековой истории татарского народа, оставившая глубокий след в дальнейших судьбах всех народов Волго-Уральского региона.

Хан Махмуд умер в 1467 году в возрасте около сорока лет. После его смерти, последовавшей, очевидно, ввиду болезни, на престол был посажен старший сын Махмуда Халиль, который был женат на княжне Нур-Султан, дочери ногайского правителя Тимура. Считается, что Халиль умер бездетным в 1467 году.

Казань в первой половине XVI в.

Казанцы выдвинули ханом второго сына Махмуда — Ибрагима.

Летом 1977 года казанская археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова под руководством известного учёного А.Х.Халикова начала раскопки в районе башни Сююмбеки. Экспедиция обнаружила мавзолеи с остатками богатых погребений. После их комплексного изучения в 1997 году в сборнике статей «Мавзолеи Казанского Кремля. Опыт историко-антропологического анализа»

были опубликованы обстоятельные итоги обследования остатков двух каменных мавзолеев. Сопоставительное изучение источников привело авторов к выводу о принадлежности этих мавзолеев ханам Махмуду и Мухаммад-Амину. Была проведена антропологическая реконструкция найденных черепов по методу академика М.М.Герасимова (работа Татьяны Балугево́й), которая позволила нам увидеть «документальные портреты» казанских ханов Махмуда и Мухаммад-Амина.

ОЛЕАРИЙ

«ГОЛШТИНСКИЙ ПЛИНИЙ» ДВАЖДЫ ПОБЫВАЛ В КАЗАНИ

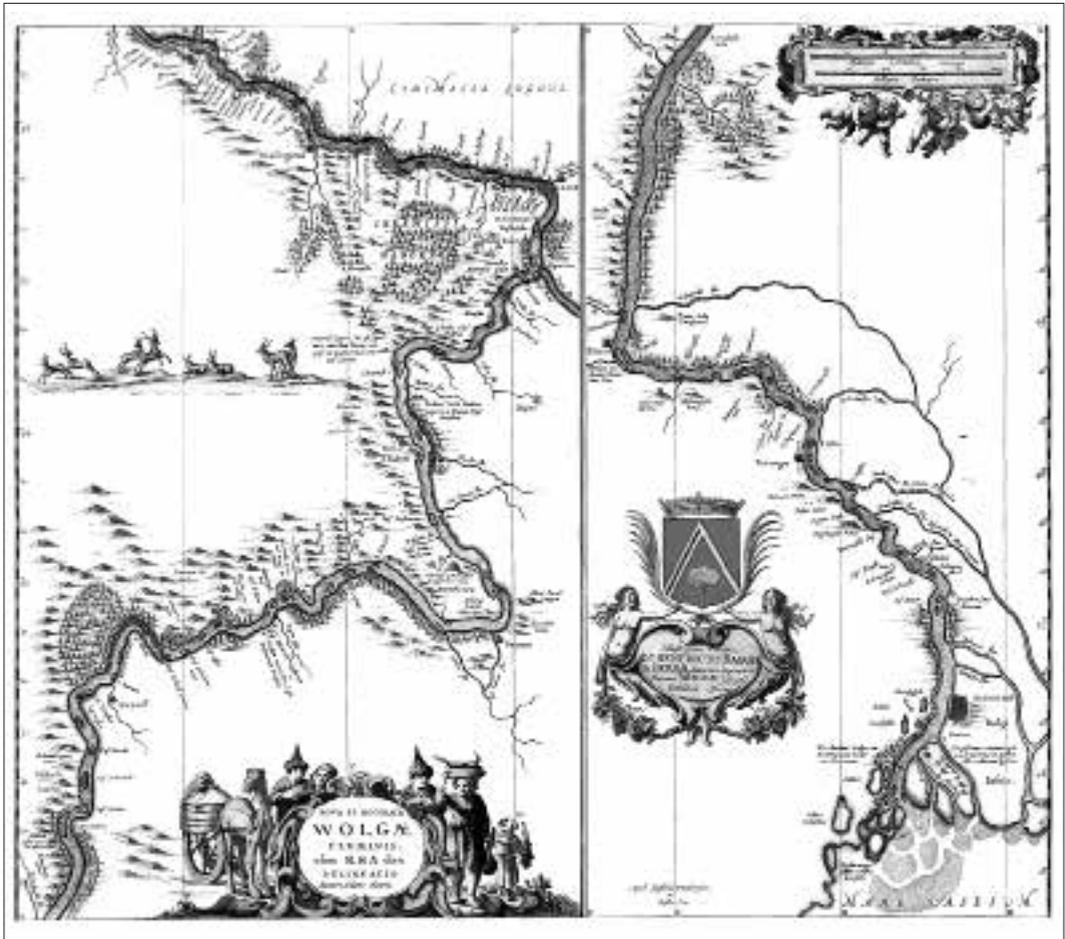

Для тех, кто интересуется историей Казани, как правило, предлагается картина средневекового города, опоясанного двойным кольцом крепостных стен. На гравюре латинская надпись поясняет, что это «Kazan Tartarorum» – татарская столица Казань. Эта гравюра была опубликована в книге секретаря голштинского посольства Адама Эльшлегера, которого русские называли «Олеарий».

Известный немецкий путешественник и учёный Адам Олеарий (Эльшлегер) (1603–1671) в 1633 году в составе шлезвиг-голштинского посольства посетил Россию, намереваясь по

Волге и Каспийскому морю добраться до Персии с целью наладить торговые и дипломатические отношения с этой восточной страной. Цели своей посольство не достигло, но её секретарь и советник Олеарий составил подробное «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», которое впервые было опубликовано в Шлезвиге в 1647 году. На русский язык «Описание путешествия...» впервые было переведено в середине XIX века. Последнее из дореволюционных изданий было отпечатано в 1906 году.

Олеарий появился в наших краях впервые в 1636 году, когда,

Карта Волги, созданная на основе карты А. Олеария. 1682

проездом в Астрахань, он остановился в Казани и, по своему обыкновению, вознамерился подробно осмотреть город, сделать его описание и зарисовки.

Вот как Олеарий описывает это своё первое посещение: «Го-

род Казань лежит на левом берегу Волги, в семи верстах от берега, в ровной местности, на небольшом холме; вокруг города протекает река Казанка, от которой и город и вся область получили своё название... Этот город,

подобно всем расположенным на Волге городам, окружён деревянными стенами, с башнями, и дома в нём также деревянные, но кремль этого города хорошо защищён толстыми каменными стенами, орудиями и солдатами. Город заселён русскими и татарами, но кремль одними лишь русскими и ни один татарин не должен быть в нём, под страхом смертной казни. Великий князь отрядил в кремль не только воеводу, он назначил в город ещё особого наместника, которые должны были управлять жителями и править суд...». А вот ещё одна запись: «Во время (нашего приезда — Р.Б.) воеводою в Казани был брат нижегородского воеводы. И ему послы, как делали они это по отношению к другим, послали свой подарок, а именно прекрасный большой перстень с рубином.

Когда мне сказали, что корабль 15 августа (1636 г. — Р.Б.) весь день должен будет оставаться на якоре, я с фон Мандельсло отправился в город, чтобы осмотреть его и начертить, а заодно и купить вещей, которые бы нам понравились. Мы на рынке ничего не застали, кроме плодов, которых тут продавали большое количество, — особенно

много дынь, бывших не меньше тыкв. Также точно имелась здесь солёная рыба... Так как, однако, послу Брюгману не понравилось, что мы собрались в город, то корабль снялся с якоря... тогда мы взяли две подводки и ехали довольно долго по берегу вслед за судном. Наконец, мы пересели на лодку и дали себя перевезти на корабль...».

Поскольку голштинское посольство не выполнило своё предназначение, не наладило торговые и дипломатические отношения с Персией, то, возвращаясь домой в 1638 году, вновь посетило Казань. В «Описании путешествия...» Олеария читаем: «8-го (ноября 1638 г. — Р.Б.) вечером при большом холоде, зашли в казанскую речку. Мы остановились в доброй четверти мили от города, против монастыря (в устье Казанки, у Зилантовой горы — Р.Б.).

Сначала воевода Иван Васильевич Морозов, бывший год назад советником царя, принял нас плохо. Причиной было, с одной стороны, что тотчас же не пошли навстречу общей их жадности к подаркам,.. с другой — он стремился тогда помешать нашему путешествию и намерению. Послы, переслав

Казань в книге А. Олеария (фрагмент). 1636

к нему великокняжескую подорожную, любезно приветствовали его и просили о квартирах. Он, однако, не захотел допустить до себя посланцев, сказав им: «Пусть они идут обратно на суда...». Нам пришлось при большом холоде несколько дней выдержать на лодках; тем из нас, у кого одежда была скудна,

пришлось очень тяжело... Только 13 (ноября – Р.Б.) нам разрешили продвинуться к самому городу, куда мы с большим трудом и должны были пробираться сквозь лёд. Однако нас поместили лишь в слободе, а не внутри круговой стены. 20 ноября послы подарили воеводе обе лодки и поднесли ещё другие подарки,

которые с благодарностью были приняты и вызвали со стороны воеводы большую готовность помогать нам в пути. 6 декабря русские праздновали свой праздник св. Николая. Целых 8 дней подряд добрые друзья, мужчины и женщины, усердно посещая друг друга, уходили пьяные домой; иных же таскали... и немцев сделали участниками своей попойки и веселья; из вежливости нельзя было отказать им, и пришлось вместе с ними веселиться...

Побыв спокойно в Казани пять недель, пока установился хороший санный путь, мы 13 декабря около полудни вновь собрались в путь. Направились вперед 60-ю санями... Мы поехали вверх по Волге и 21 декабря выехали в Нижний, отстоявший от Казани на 60 миль...».

Относительно своей гравюры «Casan Tartatorum» Адам Олеарий, как его образно называют «голштинский Плиний», писал, что эту гравюру (как впрочем и другие гравюры книги) выре-

зал в Шлезвиге его домашний гравировщик Отто Кох и «..не следует думать, что они взяты из других книг или рисунков на меди. Напротив, я сам нарисовал собственноручно большинство этих рисунков (некоторые же из них — наш бывший врач Г. Граман, мой верный товарищ) с натуры. Потом они были приведены в законченный вид при помощи хорошего художника Августа Иона, много лет назад учившего меня в Лейпциге рисованию».

Что касается «Описания путешествия...», опубликованного Олеарием, то оно по своей точности является одним из важнейших исторических свидетельств иностранца, посетившего наш край в XVII веке. Знание русского, персидского и арабского языков помогло Олеарию создать прекрасное произведение, имеющее не только литературное, но и историческое значение, многие страницы которого посвящены описанию Казани.

ПЁТР I

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР В КАЗАНИ

Пётр I — одна из самых противоречивых фигур в истории государства Российского. Нелюбимый при жизни большинством населения, прозванный в народе царём-антихристом, Пётр заметно вырос в глазах последующих поколений. Через сто лет личность эта уже сильно приукрашена, так что в конце концов венценосца начали называть Петром Великим.

Надо отдать должное, Пётр сделал поразительно много для одного человека. Несмотря на, мягко говоря, не совсем правильный образ жизни, в короткий срок (Пётр умер в неполные 53 года) ему удалось создать ар-

мию и флот, построить большое количество мануфактур и горных предприятий, провести множество реформ, учредить Морскую академию, инженерные и артиллерийские школы, открыть первый русский музей — Кунсткамеру с публичной библиотекой. При Петре появилась первая русская газета «Ведомости» и введён «гражданский шрифт», а с 1700 года — новый календарь.

Пётр был умён, даже гениален. Ум его — широкий, гибкий — легко охватывал все сферы государственной деятельности. По широте взглядов царь намного опережал свой век. Однако в свои деяния Пётр вносил

слишком много горячности, резкости и страсти. Царь постоянно и всюду спешил.

Действия Петровских указов и его результаты, которые коснулись в том числе Казани и Казанского края, подтверждают это.

В ходе проведения в стране административной реформы Петром I была создана в 1708 году Казанская губерния, которая должна была участвовать в финансировании нужд армии и флота из своих средств.

Развёрнутое при Петре I огромное строительство, содержание регулярной армии и флота, развитие промышленности требовали постоянного пополнения казны. В целях обеспечения доходов государства было введено множество косвенных налогов.

Тяжёлым бременем на население ложились многочисленные повинности. Среди них была и такая, как строительная... Труд тысяч крестьян был использован при строительстве Петербурга, Кронштадта, крепостей. Так, 12 мая 1708 года Пётр I издал указ об отправке пяти тысяч татарских мужчин на строительство Санкт-Петербурга. Это был насильственный набор, их отправляли командами, под кон-

воем. Десятки тысяч татар, спасаясь от набора, снимались со своих насиженных мест и сбегали в башкирские степи. К 1716 году из 47 тысяч крестьянских дворов пустовало примерно 20 тысяч. Санкт-Петербург строился без плана, в результате чего появились кварталы без улиц, переулки-тупики и порт без воды. Новая столица, выросшая на болоте, буквально была выстроена на костях, стоила нескольких сот тысяч жизней.

В этот период был нанесён удар по земельным владениям татар. До 1713 года в крае насчитывалось около двух тысяч татарских помещиков. Вскоре, в 1713 и 1715 годах, были изданы жестокие указы о «крещении иноверцев». В первом из них татарские мурзы, имеющие крещёных крестьян, обязывались принять христианство в течение полугода. Во втором был приказ отбирать у некрещёных помещиков крещёных крестьян вместе с полагающимися им лугами и пахотной землёй. Это была программа уничтожения национального дворянства и насильственного обучения русскому языку всех татар. Именно в это время татарские помещики в своём большинстве остались без рабочих рук:

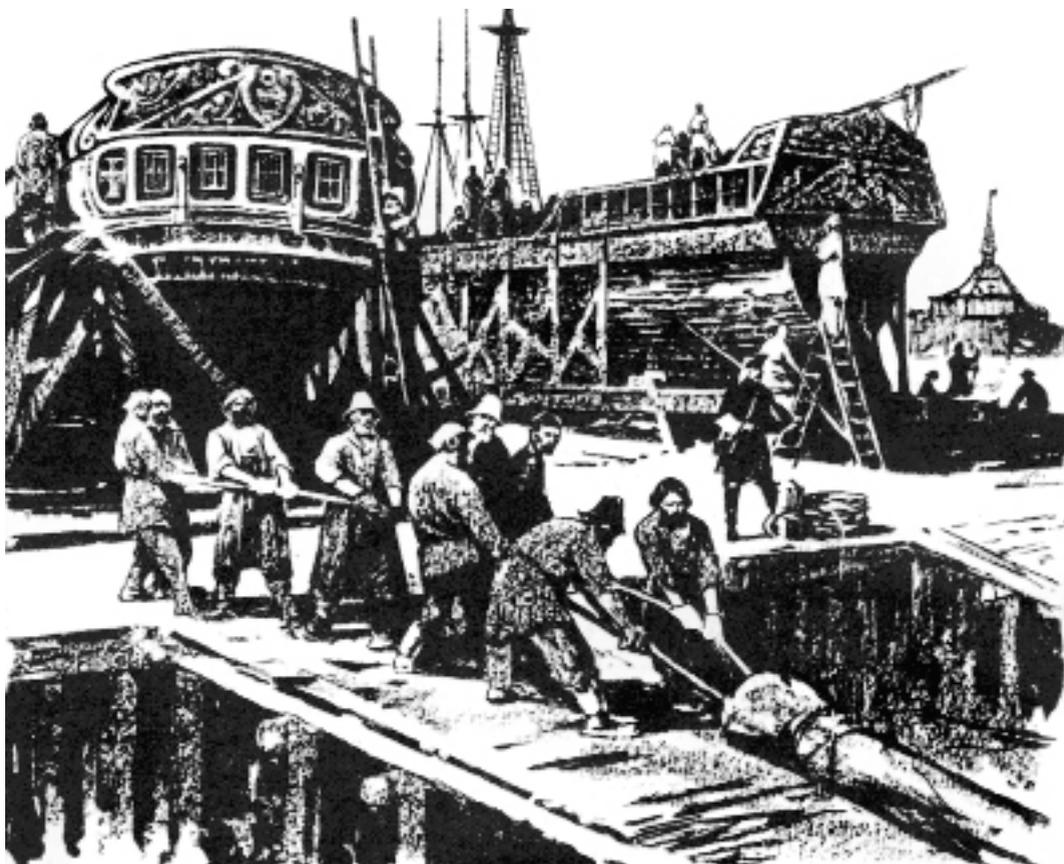
ведь крепостные были переведены в разряд государственных крестьян, а холопы приравнены к крепостным. У отказавшихся креститься поместья были отняты. Волей-неволей татарские помещики меняли свой образ жизни — начинали заниматься торговлей, мелкой промышленностью, промыслами. Впоследствии они были зачислены в податное сословие и потеряли дворянские привилегии. Уместно напомнить слова Петра I, сказанные им в Казани: «Земли бывшего Казанского ханства, где ещё проживают татары, являются злокачественной опухолью на теле Российской империи».

С первой четвертью XVIII века связано развитие крупной промышленности, что затронуло и Казанскую губернию. Её представляли в основном государственные предприятия.

В 1714 году по указу Петра I о создании шерстяных мануфактур основывается Казанская суконная мануфактура («шерстяной завод»). Тогда в Казань из Москвы был направлен подполковник Афанасий Грузинцев для «установления суконного дела». В 1719 году на предприятии уже работали более 200 человек. Однако качество выпускаемой про-

дукции было весьма невысоким (другого и не могло быть при использовании труда крепостных, не заинтересованных в его результатах). У Петра I была абсолютная убеждённость в том, что промышленностью он может управлять точно так же, как и армией, — с помощью приказов и жестоких наказаний. Пётр I писал казанскому губернатору: «Пробы казанских сукон мы видели, которые гораздо плохи, а паче окрашены зело худа, того для старайся дабы тое фабрику в лутчее состоянии приветси, и для того их мастеров со всем заводом, которых ведаёт Афанасей Грузинцов, возми в своё ведение». Но и передача «шерстяного завода» в руки местных властей существенно не поправила положения.

Начинается ещё более жестокий этап угнетения татарского народа. Так, Петровским указом 1718 года было положено начало такому крупному предприятию, как Казанское адмиралтейство. Оно предназначалось для строительства, ремонта и длительного хранения морских и речных судов. Здесь строились бомбардирские суда, фрегаты, бригантины, галиоты и лёгкие гребные суда для Балтийского и Каспийского флотов.

Строительство судов в Адмиралтейской слободе

Выбор места основания Адмиралтейства не был случайным. Казанский край в те времена был богат «корабельными» лесами — дубовыми и сосновыми рощами. Лес для строительства судов заготавливали не только под Казанью, но и за десятки вёрст от неё, а затем по рекам достав-

ляли в Адмиралтейство. Это был огромный, каторжный труд. Его возложили на государственных крестьян, преимущественно нерусских, значительная часть которых была приписана к Адмиралтейству. С изданием указа Петра I от 31 января 1718 года появились так называемые лашманы

(лесорубы). Именно они несли феодальную повинность в пользу государства по заготовке, обработке и вывозке корабельного леса. Им предписывалось для бесплатной заготовки корабельных лесов брать служилых мурз, татар, чувашей и мордву. За крещёных эту повинность отбывали некрещёные. В 1719 году по Казанской губернии лашманов насчитывалось 23750 человек, что составляло почти половину государственных крестьян. Ежегодно на лесозаготовках погибали сотни крестьян. Многие становились калеками.

Для нужд судостроения в 1719 году в Казани был основан пумповый завод. Первоначально это кожевенное предприятие располагалось в Суконной слободе. Здесь изготавливались пумповые кожи для корабельных помп (насосов), а также подошвенная кожа для армии.

ПРИБЫТИЕ В КАЗАНЬ

При Петре I Россия расширяла свои границы не только на северо-западе, но и на юго-востоке. Здесь Пётр I обращал особое внимание на укрепление позиции России в районе Каспийского моря, Северного Кавказа. Для защиты российской торговли

Пётр I начал военные действия против турок под предлогом ограбления ими русских купцов в Шемахе и Дербенте.

В 1722 году Пётр I закончил подготовку к походу, названному впоследствии Персидским, и отправил в Астрахань суда с гвардией, артиллерией и провиантом.

13 мая император покинул Москву, 15 мая к нему в Коломне присоединились генерал-майор И.В. Головин, князь Д. Кантемир, генерал-адмирал Ф.М. Апраксин и супруга Петра I Екатерина Алексеевна. Весенние волжские воды быстро несли лёгкую флотилию. Она прибыла в Казань 27 мая. Пальбою из 13 пушек и колокольным звоном встретили в Казани высокого посетителя. Во встрече царя участвовали лишь выбранные из слобод «достойные» люди. Пётр I поехал прямо в Благовещенский собор, где принёс благодарственное молебствие. Затем он посетил губернатора. Остановился он в небольшом каменном доме, принадлежавшем купцу и предпринимателю Ивану Афанасьевичу Михляеву¹.

¹ Дом Михляева (Дряблова), единственно сохранившийся памятник гражданской архитектуры конца XVII века, находится во дворе швейной фабрики №4 (ул. М. Джалиля, 19).

Пётр I дорожил временем, поэтому в тот же день приступил к обозрению Казани. В губернской канцелярии он осмотрел текущие дела и потребовал книгу, в которую записывались посылаемые из петербургской канцелярии указы. Книга оказалась утерянной. Император сильно разгневался, и, даже находясь далеко от Казани, вспомнил об этом, и издал указ, чтобы беспорядок был устранён.

28–29 мая. В эти два дня Пётр I обозревал казанские монастыри и церкви, посетил Татарскую слободу, где разговаривал со многими известными старшинами татарского общества. Знакомясь с городом и ревизуя казанские учреждения, Пётр I не забывал об общегосударственных делах, посылая из Казани указы и распоряжения разным лицам и по разным вопросам. В эти дни он, казалось, не нуждался в отдыхе, не давая покоя и другим. Он обладал удивительной способностью заставлять людей выходить из состояния инертности и эксплуатировал запас их жизненной энергии. Рядом с Петром I всякий становился работником. Царь заставлял людей трудиться не только палкой, но и собственным примером.

30 мая. Свой день рождения он провёл в заботах о предстоящем походе и разных государственных делах. Именно в этот день Иван Афанасьевич Михляев оповестил царя, что соорудит за свой счёт храм во имя святых апостолов Петра и Павла в память о пребывании Петра I в Казани².

В тот же день Пётр I осмотрел на Шарной горе (ныне ул. Калинина) казённые пумповый завод и суконную фабрику и посетил частную суконную фабрику купца Михляева. По преданию, при посещении царём фабрики Михляев преподнёс императору целый поднос золотых и серебряных денег, а жена его — миску жемчуга и драгоценных камней. Петра I поразила огромная разница в производстве двух фабрик — государственной и частной. Так как суконная фабрика, основанная им, была построена в спешке, в чём он был сам виноват, то и работала она весьма вяло и убыточно для казны: покупали слишком дорогую шерсть, сукно выходило некачественным. Пётр I и на пумповом (кожевенном) заводе нашёл дела в плохом

² Петропавловский собор был построен (с помощью Петра I, приславшего опытных строителей для его сооружения) в 1726 году, уже после смерти императора.

Петропавловский собор. Э.Турнерелли, 1839

состоянии, хотя здесь и работал опытный кожевенный мастер из англичан, который на заводе обустроил 28 чанов и ежегодно выделявал от 300 до 400 разного рода кож, отправлявшихся в Петербург. После осмотра фабрик гневу Петра I не было предела, он очень круто обошёлся с управляющим суконной фабрикой полковником Грузинцевым, не избежали жестокого наказания и два немца — братья Юнги, жившие в Верхнем Услоне, которые заведовали овчарным заводом и снабжали суконную фабрику шерстью. Но царю очень понравилось, как поставлено дело по изготовлению сукна у купца Михляева, и он впоследствии (письмо от 15 июня 1724 г.) пожаловал ему и казённую суконную фабрику. Михляев соединил свой завод с пожалованным и расширил здание новыми пристройками на Шарной горе.

Вечером 30 мая Пётр I праздновал свое 50-летие. Известный богач, купец Г. Д. Строганов принял на себя издержки по угощению. Главной бедой царя было чрезмерное пьянство. Пётр сам пил сверх меры и требовал, чтобы и другие следовали его примеру. Пьянство разрушало могучий организм самодержца. Попойка

Петра I поражала своим размахом и на сей раз затянулась на десять дней. Только к 8 июня Пётр I пришёл в себя. В день отъезда, 8 июня, он стал заниматься делами по Адмиралтейству, отправил указ к адмиралу Крюсу, чтобы тот принимал всякий корабельный лес, который будет приходиться из Казани.

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

Пётр I взял с собой в Персидский поход 106-тысячное войско, 30 тысяч которого составляли татарские всадники, солдаты, гребцы. Конница в составе девяти тысяч лошадей отправилась сухим путём вместе с нерегулярным 70-тысячным войском.

18 июля Пётр I отбыл с судами по воде в Астрахань. По пути он посетил развалины легендарного Булгара, где обратил внимание на неудовлетворительное состояние древних памятников и уже из Астрахани 2 июля прислал в Казань распоряжение на ремонт Большого минарета. Было велено также сделать копии текстов с болгарских эпитафий (надгробных надписей). Именно тогда переводчики Юсуф Ижбулатов и Кадырмухаммад Сунчалаев скопировали и перевели около 50 образцов болгарских

надгробных надписей для Петербургской Академии наук.

Во время прибытия Петра I в Астрахань на водах Каспия развевались вымпела 15-ти судов казанского строения, на одном из которых, корабле «Принцесса Анна» (под командою Соймонова), впервые в истории русского флота командовавшим этой эскадрою генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным был поднят генерал-адмиральский флаг. Местом встречи был назначен Дербент. 23 августа, после не особенно кровопролитной стычки с войсками султана, Пётр I совершил торжественное вступление в город. Транспорты с припасами, предназначенными для питания, затонули в Каспийском море. Войскам грозила голодная смерть. В течение нескольких дней кавалерия Петра I вынуждена была спешиться: из-за отсутствия фуража лошади падали тысячами. Ввиду жары и отсутствия питьевой воды, пиши среди солдат распространились болезни. Пётр I оставил в Дербенте небольшой гарнизон и с плачевными результатами возвратился в Астрахань. Вверив командование генералу А. Матюшкину, он уехал назад в Петербург. Матюшкин захватил города Решт

и Баку. Гибель флота в Персидском походе была результатом спешки в ходе его постройки. Флот строился из недостаточно сухого дерева, снаряжение оказалось плохого качества, матросы были плохо обучены.

Тогда же в Астрахани, в походной типографии Петра I, была подготовлена и издана советником императора Дмитрием Кантемиром (по происхождению крымским татаринном) и старшим переводчиком тайного совета императора Кутлумухаммадом Тевкелевым первая татарская книга в России. С этого издания, представляющего собой «Манифест» Петра I, начинается история татарского наборного книгопечатания с применением передвижного арабского шрифта. Целью издания «Манифеста» было ознакомление местного населения с причинами похода и желание обеспечить успех задуманного предприятия через обращение печатным словом к населению занимаемых территорий, с тем чтобы заручиться его поддержкой.

После возвращения из Персидского похода Пётр I вознамерился продолжить его в скором времени. На занятых территориях побережья Каспийского

моря для строительства укреплений было оставлено много солдат, среди них и татарского происхождения. В 1723 году император направил консула М. Л. Аврамова к казанскому губернатору, с тем чтобы он помог собрать «потребное число из татар, жителей казанских переводчиков и отпустить их с ним в Астрахань». Из Казанского уезда для строительства крепости на реке Кура были насильственно отправлены пять тысяч татар. Из них 3792 уже по дороге скончались от эпидемии, 110 человек сбежали и лишь 40 вернулись домой полукалеками. И это ещё не всё: в мае 1724 года Пётр

послал Матюшкину распоряжение, чтобы «басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколько возможно, убавлять, а именно турецкого закона». Новый поход должен был начаться в 1725 году, для чего к весне этого года «работные люди» из казанских татар, мари и чувашей уже были в Реше, в готовности к отплытию в Каспий были и суда, а некоторые из них даже были отправлены. В это время пришло известие о смерти Петра I, и новый поход не состоялся.

Таковы основные дошедшие до нас сведения о взаимоотношениях Петра I с Казанью и Казанским краем.

ЕКАТЕРИНА II

ЕЁ ЗДЕСЬ ЗВАЛИ «ЭБИ-ПАТША»

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Когда шла подготовка к путешествию императрицы Екатерины II по восточным областям Российской империи, она 12 марта 1767 года встречается в Москве с автором первого путеводителя по Казани «Опыт Казанской истории» Петром Ивановичем Рычковым и более часа разговаривает о тех местах, которые ей предстоит посетить. Екатерина II к поездке в Казань готовилась особенно тщательно, со свойственной ей расточительностью. Путешествие Екатерины II началось 2 мая 1767 года из Твери, откуда она отправилась вниз по Волге. Свита императри-

цы была огромна — около двух тысяч человек. Вся эта делегация отплыла на четырёх галерах: «Волга», «Тверь», «Ярославль», «Казань». Екатерина II с графом Г. Орловым облюбовала галеру «Тверь», где было сделано всё, чтобы на её борту гости чувствовали себя не менее комфортно, чем в столичном дворце.

ДОРОГА К ХРАМУ

К Казани императорская флотилия подошла к вечеру 26 мая и благодаря тому, что весенний разлив ещё не совсем спал, вошла в реку Казанка, остановившись почти у самого Кремля. Когда Екатерина II сошла с галеры,

её восторженно приветствовала многотысячная толпа казанцев и сам губернатор Казани. Сев в приготовленную для неё карету, императрица направилась к Благовещенскому собору. Вся дорога к храму была устлана алым сукном. У ворот ограды собора императрицу встречал архиепископ Вениамин, представители высшего духовенства и семинаристы в белых одеждах. После торжественной службы государыня направилась к Спаским воротам. По обе стороны стояли гарнизонные батальоны и отдавали Екатерине II честь «уклонением знамён с музыкою и барабанным боем».

Для приёма императрицы специально был подготовлен дом купца И.П.Осокина, владельца суконной мануфактуры. Именно отсюда она писала Никите Панину: «Я живу здесь в купеческом каменном доме, девять покоев анфиладою, все шёлком обитые, кресла и канапеи (диваны — Р.Б.) вызолоченные, везде трюмо и мраморные столы под ними».

28 мая императрица посетила девичий Богородицкий монастырь, где отстояла обедню и приложила к чудотворной иконе Казанской Богоматери брил-

лиантовую корону, а другую такую же пожертвовала на местный образ Спасителя. В воротах монастыря Екатерину II ждала встреча со столетним Н.А.Кудрявцевым, бывшим вице-губернатором Казани, который при Петре I организовывал Казанское адмиралтейство.

Кудрявцев, тронутый лаской и вниманием императрицы, подарил ей цуг — шесть замечательных вороных коней в упряжи, а она в ответ прислала ему золотую табакерку.

«ВОЗОБНОВИТЬ В ГИМНАЗИИ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»

В Казани к тому времени уже существовала мужская гимназия, одна из первых в России. Она стала отчим домом для многих выдающихся деятелей науки и культуры. Трудно переоценить значение этого учебного заведения в формировании духовной атмосферы города.

В гимназии, которая в то время размещалась в деревянном доме купца Шахова, рядом с Грузинской церковью (ныне дом не сохранился), Екатерина II, по-видимому, не была, но её приближённые во главе с графом Г.Орловым посетили это

учебное заведение. Результатом визита был указ от 3 сентября 1767 года, которым увеличивались средства, выделяемые на него.

Н. Загоскин пишет: «Узнав, что при гимназии прекратились театральные зрелища, которые прежде постоянно устраивались, императрица выразила по этому поводу сожаление и поручила губернатору Андрею Никитичу Квашнину-Самарину «содействовать возобновлению в гимназии театральных представлений и сколь возможно склонять к тому здешнее дворянство, которое посредством сих представлений могло научиться приятному обращению и необходимой в свете ловкости».

Приём императрице казанцы оказали фантастический. Местная знать старалась перещеголять друг друга в щедрости и гостеприимстве. Возможно, именно тогда родилась прекрасная традиция дарить особо почётным гостям тубетейки. Растроганная Екатерина II писала из Казани: «Если бы позволить, то горожане себя вместо ковра постлали, а в одном месте по дороге мужики свечи давали, чтоб предомноу поставить, с чем их и прогнали».

«ХРОМОЙ В ЧЁРНОЙ ШУБЕ»

Особые симпатии снискала Екатерина II у мусульман. Императрицу посетила группа мусульманских священнослужителей, купцов и предпринимателей. Это ходатайство слободские татары мотивировали большими затруднениями в исполнении своих религиозных требований, указывая, что «в той старой слободе хотя и осталась одна мечеть деревянная, но та весьма малая, к тому ж очень ветха, и они, будучи лишены по своему закону таковых мечетей, а в другие отдалённые места ходить на молитву было невозможно, почему и оставили они почти все свои промыслы и рукоделии». Было получено высочайшее позволение Екатерины II на строительство в Старотатарской слободе двух каменных мечетей. Екатериной II был принят указ о веротерпимости (1773), открыто в Уфе мусульманское Духовное собрание (1789). Это было мудрое решение, ибо до того императрица Елизавета Петровна вела явную антимусульманскую политику. Её варварский указ от 19 ноября 1742 года предписывал разрушение всех мечетей в Казанской губернии и недопущение возведения новых.

Местный глава епархии Лука Канашевич, известный как «Хромой в чёрной шубе» («Аксак каратун»), остался в памяти татар как самый жестокий гонитель мусульманской религии. Это при нём в течение двух лет из 536 мечетей в Казанском уезде было разрушено 418. После пожара 1749 года Лука Канашевич добился переселения части жителей Старотатарской слободы на новое место — близ деревни Поповка. На этом месте возникла Новая Татарская слобода. В 1752 году по докладу Луки был принят указ «О сломании казанскими татарами построенных мечетей».

Но Екатерина II как мудрый дальновидный политик смягчила антимульманские настроения. Она понимала, что спокойствие многонационального государства в немалой степени держалось на стабильности в религиозной сфере. Добиться последнего можно было путём предоставления представителям различных конфессий возможности свободного отправления своих культов. В 1769 году императрица ликвидировала «контору новокрещенских дел», осуществлявшую насильственное крещение татар и других народов, а Казанского

архиерея назвала гонителем и выдворила его в другую епархию. С созданием центральной властью в Уфе мусульманского Духовного собрания, ставшего органом управления мусульман России, его главой был назначен муфтий Мухаммаджан Хусаинов. Правительство выплачивало ему жалованье, по тем временам огромное — полторы тысячи рублей в год. Помощникам муфтия, муллам из казанских татар также было определено государственное жалованье.

Однако ослабление религиозных притеснений не означало отмену политики христианизации. Татарское население края в своём большинстве по-прежнему сохраняло приверженность исламу.

Ещё раньше, в 1763 году, Екатерина II подписала указ, разрешающий татарским купцам свободно торговать на всей территории Российской империи.

ПИСЬМО ВОЛЬТЕРУ ИЗ КАЗАНИ

Накануне отъезда Екатерины II из Казани, 31 мая, в загородном губернаторском доме (за нынешним зданием нового корпуса технического университета на ул. Б.Красная) казанцы

Галера «Тверь»

устроили народный праздник. Все народы, населяющие Казанскую губернию, представили императрице свои национальные костюмы и национальное творчество при свете грандиозной иллюминации, устроенной по такому случаю. Эта этнографическая выставка очень понравилась императрице, и в знак особенного своего благоволения она пожаловала золотую шпагу президенту местного магистрата, купцу Аникееву.

Вот что она писала из Казани Вольтеру: «Я угрожала

вам письмом из какого-нибудь азиатского селения. Теперь я в Азии. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно не сходны между собою. Надобно, однако ж, дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно очень найти общие начала, но подробности... и какие подробности. Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!»

Не ускользнуло от императрицы и малое количество каменных домов в Казани, и она ука-

Ангар, где хранилась галера «Тверь»

зом от 4 июня 1767 года издаёт правила «для споспешествования к устройению каменных домов в Казани».

ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ?

Нагулявшись по маскарадам и балам, данным в её честь, Екатерина II со всей своей шумной свитой, собачками и поварами первого июня отплыла в Симбирск.

Что же стало с теми местами, где побывала российская императрица?

Дом, где останавливалась Екатерина II, сохранился до наших дней (ул. Рахматуллина, 6 — бывший Петропавловский переулок). Этот дом был построен в 1767 году специально к приезду Екатерины II владельцем суконной мануфактуры И.П.Осокиным по проекту В.И.Кафтырева и был первоначально двухэтажным. В конце XIX века здание было перестроено в трёхэтажное с сохранением объёма. Оно интересно ещё и тем, что в 1813—1814 годах здесь было Дворянское собрание, а после большого пожара

Копия галеры «Тверь» на улице Санкт-Петербургской

1842 года — судебная палата. В правом крыле здания находилась гостиница, где останавливалась М. Н. Волконская на пути в сибирскую ссылку к мужу — декабристу Сергею Волконскому; 5–8 сентября 1833 года именно здесь жил А. С. Пушкин, а в 1913 году — Ф. И. Шаляпин.

Галера «Тверь» после окончания путешествия Екатерины II была доставлена в Казань. Её было велено хранить на память

потомству, «не переменяя того вида, какой она имела во время высочайшего путешествия, и сделать для неё удобное хранилище». Уже в советское время хозяином галеры стал Центральный музей ТАССР, и на «Твери» открыли филиал музея. Но жарким днём 1956 года из-за ребячьей шалости с огнём историческое судно сгорело.

К 1000-летию нашего города, благодаря взаимным культур-

Карета Екатерины II в Национальном музее Республики Татарстан

ным связям Казани и Санкт-Петербурга, в городе появилась пешеходная улица, названная в честь северной столицы. Её начало украшает миниатюрная копия галеры «Тверь» как символ Адмиралтейства, созданного Петром I в Казани.

Теперь несколько слов о карете, на которой разъезжала Екатерина II по нашему городу. Карета была изготовлена лучшими экипажниками и, по преданию,

при отъезде из Казани была подарена императрицей архиепископу Казанскому и Свияжскому Вениамину. Однако в описях архиерейского дома карета не значилась. Но известно, что летом 1889 года местный архиепископ Павел передал экипаж городской Думе, а Дума, в свою очередь, в 1896 году подарила его только что открывшемуся городскому музею (ныне Национальный музей Республики

Мечеть Эфенди (ныне мечеть Ш. Марджани). В. С. Турин, 1834

Татарстан). Сегодня, по прошествии двух с лишним веков, потерявшая былое величие карета отреставрирована. Копия кареты в металле выставлена на улице Баумана.

Что касается общерусской святыни — первообраза чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, на которую Екатерина II возложила бриллиантовую корону, то её похитил из собора некто В. Чайкин-Стоян в ночь на

19 июня 1904 года. Небольшая часть похищенных им сокровищ была найдена, но икону спасти не удалось — она была уничтожена Чайкиным.

Интересна история, которую описал П. Дульский в своей книге «Памятники казанской старины». Одна из легенд гласит, что императрица Екатерина II в свою бытность в Казани посетила жившую на покое в Савиново фрейлину и подарила ей

свою походную церковь, которая за ветхостью была разобрана через тридцать два года.

Сразу же после отъезда императрицы в 1767 году на средства купца М.И. Юнусова и ряда других зажиточных торговцев Татарской слободы начали строить мечеть Эфенди (ныне мечеть Ш.Марджани). С её строительством связан исторический курьёз. Когда строители начали возводить высокий минарет, городские власти написали на высочайшее имя жалобу: татары строят слишком высокий минарет. На это императрица Екатерина II мудро ответила: «Я определила им место на земле, а в небо они вольны подниматься по своему усмотрению, потому что небо не входит в мои владения».

Любопытно, что старая часть Казани строилась с учётом планировки, составленной первым профессиональным архитектором города Василием Кафтыревым, учеником видного московского зодчего Д.В. Ухтомского. Этот проект в Санкт-Петербурге 17 марта 1768 года утвердила Екатерина II.

Казань помнит и то, что, когда в 1774 году город был разгромлен пугачёвцами, Екатерина II пожертвовала большие средства для его восстановления.

При непосредственном участии Екатерины II в Казани был основан пороховой завод. К его сооружению приступили в 1786 году, и уже через два года здесь стали «приготавливать порох».

Екатерину II в Казани ласково и уважительно называли «Эби-патша», что значит «бабушка-царица».

А в заключение хочется процитировать ещё одно письмо императрицы, которое она писала из нашего города графу Н.И. Панину: «...Ещё я не означила для моего отселе отъезда: нам здесь весьма хорошо, и истинно как дома...». А вот строки её казанского письма сенатору А.В. Олсуфьеву: «...Сей город, бесспорно, первый в России после Москвы... во всём видно, что Казань — столица большого царства. По всей дороге приём мне был весьма ласковый и одинаковый, только здесь ещё кажется градусом выше...».

И. П. ДЕРЖАВИН

**«ОТЕЧЕСТВА
И ДЫМ
НАМ СЛАДОК
И ПРИЯТЕН...»**

Уже при жизни о нём слагали легенды. Говорили, что в XV веке (во времена правления великого князя Василия Васильевича Тёмного) в Москву приехал некий татарин, мурза Багрим, из Большой Орды. Окрестил его великий князь в православную веру христианскую да за честную службу земли пожаловал. А уж от Багрима-то произошли Акинфовы, Теглевы, Нарбековы. Один из Нарбековых (начинавший службу в Казани) получил прозвище «Держава». От него и пошёл обычай из рода в род держаться казанских мест. Поместья у тех хозяев были недурные — между Волгой и Камой по берегам реч-

ки Мёша. Тут-то возьми и родись на свет самый знаменитый потомок Державы. Рождение столь долгожданного сына было событием едва ли не для всей округи. А произошло это в 1743 году в одно из воскресений июля. Младенца крестили в родовом поместье близ Казани — селе Сокуры (ныне входит в состав Лаишевского района Татарстана), где он и провёл детские годы. При крещении новорождённый был наречён Гавриилом (в честь празднуемого в тот день собора архангела Гавриила).

Люди в округе отмечали, что мальчик был даровит и смышлён от природы, на пятом году жизни

выучился читать. Когда Державину исполнилось пятнадцать, он поступил в Первую Казанскую мужскую гимназию, которая разместилась в двухэтажном каменном доме Кольцова (ныне дом не сохранился), где ему предстояло постичь азы арифметики, геометрии, музыки, танцев и фехтования. Из языков предпочтение отдавалось латинскому, французскому и немецкому. Однако специальных учебников не было, мальчиков обучали «вере — без катехизиса, языку — без грамматики, числам и измерению — без доказательств, музыке — без нот».

Количество гимназистов, приступающих к обучению в начале года, к концу его увеличивалось в восемь раз. Но несмотря на всё возрастающую конкуренцию, Державин неизменно числился в ряду первых учеников.

Имя юного Державина красовалось в десятке лучших «за прилежность, успехи и доброе поведение» и было отмечено в газете «Московские ведомости» (1759). За год учёбы в гимназии Державин открыл в себе способность к рисованию — его геометрические чертежи и карты Казанской губернии, нарисованные пером, обратили на себя внимание директора гимназии, драматурга

М.И.Верёвкина. Тот отвёз державинские рисунки в Петербург графу И.И.Шувалову (основателю Академии художеств). Шувалов был приятно удивлён работой талантливого гимназиста и поспешил зачислить Державина в Инженерный корпус. Так шестнадцатилетний юноша надел солдатский мундир.

Как известно, ежегодно 25 апреля отмечалось как день коронации императрицы Екатерины I. По этому случаю в 1760 году в Казани, в губернаторском доме, состоялись торжества. Гимназистам была поручена ответственная миссия — играть на высоком празднестве комедию Мольера «Школа мужей». Вот как описывает это событие М.Верёвкин: «Театр, ей-богу, такой, что желать лучше не можно: партер, обитый красною каразею, в 12-ти лавках состоявший, поместил в себе четыреста человек; а в парадизе такая теснота...» После комедии был дан ужин и бал. В загородный дом губернатора на Арском поле были приглашены двести семьдесят гостей. В честь праздника устроили фейерверк, а почётная роль фейерверкера досталась на этот раз самому Державину.

Театральная площадь с памятником Г. Р. Державину

Чем дальше, тем ярче выделялся из толпы соучеников Гавриил Державин. По просьбе Верёвкина он рисует план города Чебоксары, а позже составляет описание развалин столицы древней Булгарии.

В это время Державин увлекается сочинениями Ломоносова и Сумарокова, зачитывается переводами «Телемака», «Аргениды» и «Маркиза Глаголя». По признаниям самого Державина, именно чтение пробуждает в нём

желание «марать стихи». Однако первые опыты стихосложения он предпочитает уничтожать, зачастую не желая выносить их на суд даже самых близких друзей.

Три года пробыл Державин в гимназии. В начале 1762 года он получил требование из Петербурга вместо Инженерного корпуса немедленно явиться в Преображенский полк. В девятнадцать лет Державин становится солдатом Преображенского полка и отправляется в Петербург.

Впоследствии судьба ещё не раз приводила Державина в Поволжье, в том числе и в Казань. В одну из таких поездок он (всё же будучи человеком военным) принял участие в подавлении пугачёвского бунта. С 1784 года Гаврила Романович Державин занимает высокие государственные посты в России; именно в это время он становится признанным поэтом. В 1803 году Державин подаёт в отставку. Последние дни он проводит в далёком северном имении Званка Олонецкой губернии, где продолжает писать стихи:

*Забудется во мне
последний род Багрима,
Мой вросший в землю дом
никто не посетит...*

Печальный прогноз поэта, к счастью, не нашёл подтверждения.

Казань, к примеру, Державина не забывала никогда. 27 сентября 1816 года на заседании Казанского общества любителей отечественной словесности (почётным членом которого являлся в своё время Державин) было решено воздвигнуть памятник поэту. В мае 1845 года проект памятника, созданный академиком архитектуры К.А.Тоном, статуя

и барельефы, автором которых явился академик С.И.Гальберг, были утверждены. По личному указанию Николая I бронзовый «Державин» был установлен в Казани в университетском городке. Торжественное открытие памятника состоялось 23 августа 1847 года. Поэт встретил своих поклонников в величественной позе мыслителя, восседающего на камне с лирой. Позади самого памятника расположились барельефы, а на лицевой стороне пьедестала значилось: «Г.Р. Державин — 1846». Впрочем, гостить в университетском городке «Державину» пришлось недолго: в 1870 году он был перенесён на Театральную площадь. По решению большевиков в 1931 году памятник Державину был и вовсе снесён с пьедестала и отправлен на переплавку (как и памятник Александру II). Использовали его для изготовления бронзовых втулок трамвайных колес. Этот варварский акт описал в своё время Ахат Мушинский в книге «Шейх и звездочёт».

В настоящее время в Национальном музее Республики Татарстан можно увидеть личные вещи Державина: золотые карманные часы, письменный стол, чернильницу и кресло (эти ценные

Памятник Г. Р. Державину в Лядском саду

Письменный стол и кресло Г.Р.Державина

экспонаты были подарены Казанскому университету родственниками поэта в 1845 году).

В Казани в 2003 году был воссоздан памятник Г.Р.Державину, который установлен в Лядском саду на улице М.Горького. Поэт к Казани всегда питал особые чувства:

*Мила нам добра весть
о нашей стороне:
Отечества и дым
нам сладок и приятен...*

Чтут память классика русской литературы Г.Р.Державина и его земляки — лаишевцы. Музей Лаишевского края, расположенный в самом центре посёлка, на площади Державина, также носит его имя. Державинские места в районе — отреставрированная Богоявленская церковь в селе Егорьево, могилы родителей Гаврилы Романовича на егорьевском кладбище, покоящихся рядом с предками старинного рода Державиных.

ПАВЕЛ I

«КАЗАНЬ ВСТРЕЧАЛА ЕГО КОЛОКОЛЬНЫМ ЗВОНОМ»

В последнее время отношение к политической и государственной деятельности императора Павла I резко изменилось. Оказывается, ещё современники отмечали высокие душевные качества Павла I. Солдаты его любили и называли своим отцом. Павел I обладал феноменальной памятью, свободно изъяснялся на нескольких европейских языках. Довольно ярко были выражены и художественные склонности юного князя: Павел I обожал театр и понимал толк в живописи.

Вскоре после восшествия Павла I на престол были отменены чрезвычайный рекрутский набор по 10 человек с тысячи, хлебная

подать, крайне разорительная для крестьян. Затем вышел запрет на продажу крестьян без земли.

Павел I пресекал злоупотребления в разных частях управления, особенно в военной и придворной.

ЗАЧЕМ ПАВЕЛ I ПРИЕХАЛ В КАЗАНЬ?

В мае 1798 года Павел I со своими сыновьями Александром и Константином совершает поездку по России: через Новгород и Тверь — в Москву, а оттуда в Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Тихвин, Новую Ладугу и Шлиссельбург.

*Тайницкая башня
Казанского кремля*

Павел I ехал в Казань с целью осмотра стянутых сюда по этому поводу войск Оренбургской военной инспекции. В неё входили воинские части, расположенные в Оренбургской, Казанской, Уфимской и Пермской губерниях. Он прожил в Казани целую неделю. Императора сопровождала обширная свита: на станциях выставлялось на кортеж по 400 лошадей.

Прибыв в Свияжск, последнюю перед Казанью остановку, 24 мая, Павел I в тот же день

отбыл в Казань на катере, приготовленном Казанским адмиралтейством. Вечером императорский катер вошёл в Казанку, где у Тайницкой башни Кремля была устроена особая пристань. У пристани собралась огромная толпа зевак. Но тут произошла заминка: катер сел на мель, и высокие особы переехали на берег в лодке простого лодочника. Отдавая императору рапорт, казанский генерал-губернатор Борис Лассий пал на колени, народ последовал его примеру.

Спасская башня Казанского кремля

Въехав в Кремль через Спасские ворота, император при торжественном колокольном звоне и конвоируемый отрядом конных бухарцев проследовал к Благовещенскому кафедральному собору, где приложился к местным святым иконам, а затем отбыл в приготовленную для него квартиру. Квартира была явно скромной: это был одноэтажный деревянный дом генерал-майо-

ра Алексея Петровича Лецкого. Он находился на краю Арского поля, на самом выезде из города.

НЕДЕЛЯ В ГОРОДЕ НА ВОЛГЕ

Николай Загоскин, краевед, обстоятельно расписал, как проводил время Павел I в Казани. 25 мая, на второй день пребывания, Павел I посвятил утро приёму делегаций, а вечером присутствовал на торжественной встрече, устроенной в его честь в Дворянском собрании.

26 мая император произвёл инспекторский осмотр войск, а вечером был приглашён на бал, устроенный в честь высочайшей особы в доме бывшего казанского наместника, генерал-майора Семёна Баратаева. На этом балу присутствовали мусульманский муфтий, высшая мусульманская знать и купечество.

Государю представлялись казанские татарки и купеческие жёны и дочери. На балу пел хор певчих и играли крепостные оркестры помещиков Павла Есипова и Христофора Молоствова. Император с сыновьями принимал участие в танцах, осчастливив этим многих дам и девиц. За представление государь изволил пожаловать поясную бриллиан-

Вид на Богородицкий женский монастырь

товую пряжку владельцу труппы П. П. Есипову.

С 27 по 29 мая Павел I присутствовал на военных учениях, где отметил удачную стрельбу Уфимского дивизиона и разгневался на плохую — Рыльского полка.

После окончания манёвров Павел I пожаловал орден св. Анны 2-й степени полковнику А. Ф. Ланжерону, а командиру

Уфимского дивизиона Л. Н. Энгельгардту — шпагу с Аннинским крестом.

Как дальше сообщает Н. П. Загоскин, все эти три дня вечером у дома, где остановился император, проходили народные гулянья в садах, на которые особыми повестками от двора приглашались представители дворянства, купечества и местного мусульманства. Во время последнего из

Гостиный двор. В. С. Турин, 1834

этих гуляний император принимал от городского головы Петрова и представителей купечества поднесённые ему изделия местной промышленности — мыло, кожи и т. п.

30 мая. Утром последнего дня пребывания в Казани Павел I участвовал в закладке собора Казанского Богородицкого монастыря. Император собственноручно положил первый камень в основание будущего храма.

По окончании торжества Павел Петрович был благословлён иконою Казанской Божьей Матери и, сопровождаемый сыновьями и свитой, направился на берег Волги. Здесь уже ожидал императора катер, на котором высокие гости переправились в село Верхний Услон, чтобы далее сухопутно следовать в Петербург. Жители села Верхний Услон торжественно встретили императора и его сыновей,

преподнесли им большого живого осетра в специально изготовленном корыте.

Уезжая из Казани, «благодатный», по определению поэта Г.Р. Державина, Павел I повелел отпустить для постройки нового Гостиного двора беспроцентную ссуду в 200 тысяч рублей из губернских доходов с рассрочкой на десять лет, пожаловал городу мельницу на Казанке и баню в устье Булака, велел прирезать к городу значительное количество выгона земли, леса и лугов, пожертвовал 10 тысяч рублей на постройку новых лазаретов, отдал под помещение гимназии обширный губернаторский дом на Воскресенской (ныне Кремлёвской) улице (восточная часть нынешнего главного университетского корпуса), отпустил 25 тысяч рублей на постройку нового собора Казанского Богородицкого монастыря, дал местному помещику П.П. Есипову разрешение на открытие в Ка-

зани публичного театра. Улицу, на которой проживал император в доме генерала Лецкого, он повелел именовать впредь улицей Лецкого, в разговорной речи казанцы называли эту улицу Лядской (улица Лецкая была переименована в 1923 году в улицу Большая Галактионовская, а в 1949 году ей было присвоено имя М. Горького. Сегодня осталось название Лядского сада, который примыкал к дому генерала Лецкого). Городской голова Петров был пожалован шпагою. Кроме этого, Павел I передал в ведение университета библиотеку князя Потёмкина (ныне в составе Научной библиотеки Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета). Полагают также, что Павел I подал идею о переводе из Петербурга в Казань части Азиатской типографии сената, что стало основой для начала книгопечатания в Волжско-Камском регионе.

А. ГУМБОЛЬДТ

«ПРЕБЫВАНИЕ В ЭТОМ ЖИВОПИСНОМ ГОРОДЕ ИНТЕРЕСНО»

О посещении Казани знаменитым немецким путешественником, естествоиспытателем, географом Александром Гумбольдтом ярко и образно написал Н. Загоскин в «Путеводителе по Казани». А. Гумбольдт со своими спутниками по приглашению императора Николая I совершал своё путешествие «в интересах науки и страны» на Урал, в Сибирь и к берегам Каспийского моря, дабы изучить природные богатства России.

Было ясное, тихое утро 23 мая 1829 года. На берегу широко разлившейся Казанки группа профессоров университета во главе с попечителем округа М. Н. Му-

синым-Пушкиным и ректором университета Н. И. Лобачевским встречала знаменитого естествоиспытателя. Судно прибыло из Нижнего Новгорода.

А. Гумбольдт и его спутники остановились в гостинице Дворянского собрания (ныне ул. Рахматуллина, 6). Отдохнув здесь с дороги, путешественники начали знакомство с городом с университета, которым остались вполне довольны. Среди встречавших в университете Гумбольдт был рад увидеть профессора астрономии И. М. Симонова, с которым он был знаком ещё по Парижу. Гости особенно хвалили университетскую «се-

натскую комнату с падающим сверху освещением», за эту комнату они по ошибке приняли университетскую церковь (ныне музей истории университета), которая имела такое освещение.

Затем М. Н. Мусин-Пушкин познакомил их с городом, побывали учёные и в Татарской слободе, где им показали мечеть. Вот как описал эту прогулку профессор минералогии Берлинского университета Г. Розе: «Сам город Казань, а также слободы имеют прямые, широкие улицы, в большинстве своём пересекающиеся и состоящие в основном из деревянных домов, которые редко имеют более чем один этаж и часто окружены садом. Здесь много церквей и монастырей с колокольнями, часто удивительной архитектуры, как церковь Петра и Павла, снаружи расписанная огромным количеством фигур в ярких красках. Слободы же, которые от города не отдалены и не отличаются от него, населены татарами. Они составляют около трети всего населения. В городе Казани приблизительно 50 тысяч человек. Они живут в основном торговлей, имеют много шорных и мыловаренных фабрик, продукция которых очень ценится и рассылается

далеко. Мы ездили и в эти слободы, и татары повели нас в одну из своих молелен, сделали они это с услужливостью. Она (мечеть) была из дерева и состояла из прихожей и квадратного зала, чистого и простого, — черты, которыми отличаются вообще все жилища татар.

Покрытые толстым слоем пыли, мы возвратились к себе. Улицы Казани вымощены, раньше они были, как и другие города, вымощены деревянными плахами, когда во время восстания Пугачёва в 1774 году город был сожжён, сгорели не только дома, но и мостовые, посредством чего пожар ещё более усилился и тушение было затруднено».

Вечер этого первого дня Гумбольдт со своими спутниками провёл у профессора К. Ф. Фукса. Тем для бесед было предостаточно. Гумбольдт и Фукс, оба, правда, в разное время, слушали лекции в Гёттингенском университете.

Гумбольдт с интересом рассматривал богатейшие коллекции растений, насекомых, птиц, собранные К. Фуксом, а учёный Г. Розе не мог налюбоваться на уникальную коллекцию минералов, собранных хозяином в Мурзихе на Урале. К. Фукс показал

Старотатарская слобода

гостям редкое собрание восточных рукописей и монет, много рассказывал об истории местного края и так заинтересовал всех, что назавтра решено было как можно раньше выехать в Булгары, прославленную столицу средневекового государства Волжская Булгария, разорённую в 1236 году войсками Батыя.

Вот как описывает путешествие в Булгары профессор Г.Розе: «24 мая 1829 года мы поехали вниз по Казанке до Волги, оттуда открылся нам

прекрасный вид на Казань, которая очень живописно смотрится с возвышенности, и Волга снова показалась нам приятной для путешествия...

У деревни нас ожидали крестьяне с лошадьми, которые довозили до Булгар. Встретили нас хлебом и солью...

В Булгарах многие постройки засыпаны песком и землёй... было бы большой потерей, если эти старые памятники совсем исчезнут... Под развалинами старых памятников часто находят серебряные

и медные монеты, медные серьги, кольца и другие предметы, немало которых нам предлагали купить крестьянские дети...»

Только 25 мая учёные вернулись в Казань.

26 мая был организован обед в честь гостей попечителем М.Муסיным-Пушкиным, куда были приглашены все профессора университета. Встреча была прекрасно подготовлена и прошла содержательно и оживлённо.

В тот же день ректор Н.И.Лобачевский и профессор И.М.Симонов произвели вместе с А.Гумбольдтом измерение наклона магнитной стрелки и напряжённости магнитного поля Земли в окрестностях Казани, взяв при этом с М.Н.Мусина-Пушкина обещание устроить при университете магнитную обсерваторию, которое впоследствии было выполнено.

В это время в Казани проходил национальный татарский праздник — Сабантуй, который

гости посетили вместе с К.Фуксом, с интересом наблюдая национальные игры и борьбу. Как писала местная пресса, гости были «пышно» угощены при этом татарами.

Последний вечер в Казани путешественники вновь провели в доме К.Фукса. Гостеприимный хозяин преподнёс А.Гумбольдту для королевского музея Берлина реликвии древней истории Булгарского государства: прекрасное и многочисленное собрание монет, найденных в Булгарах.

Впоследствии А.Гумбольдт писал: «Коллекция минералов с Урала профессора К.Фукса, общество профессора И.М.Симонова, приветливый приём со стороны попечителя М.Н.Мусина-Пушкина сделали наше пребывание в этом живописном городе очень интересным».

Гумбольдт и его спутники пробыли в Казани всего пять дней и 28 мая выехали в г.Пермь.

К. Ф. ФУКС

**«КЛЯНУСЬ
ВЕРНО
И НЕЛИЦЕМЕРНО
СЛУЖИТЬ ПОЛЬЗЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ...»**

Имя Карла Фёдоровича Фукса неразрывно связано с историей первых лет Казанского университета. Фукс прославил Казань и своё имя научными изысканиями в области естествознания, местной археологии, истории, этнографии, социальной медицины. Он был известен современникам как талантливый врач, замечательный педагог, энциклопедически образованный человек.

Немец по происхождению, Карл Фёдорович родился 6 сентября 1776 года в Герборне, маленьком прирейнском городке, в семье профессора. Четыре года учился в Герборнской академии, слушал лекции в Гёттингенском

университете, затем в Марбургском, где ему присвоили учёную степень доктора медицины, после чего он попадает в Россию как практикующий врач. В 1804 году его зачисляют медиком в состав российского посольства, отправляющегося в Китай, куда путь шёл через Казань. Так случилось, что здесь он задержался, и, как оказалось, навсегда.

4 сентября 1805 года Фукс, на русский манер ставший Карлом Фёдоровичем, был назначен профессором естественной истории и ботаники в только что открывшемся Казанском университете. Фукс имел врождённую склонность к профессорской де-

тельности, его лекции покоряли слушателей. В программу своих ботанических лекций он вводил прогулки со студентами по полям для собирания растений и насекомых. Известный русский писатель С. Т. Аксаков, учившийся тогда в Казанском университете, с восторгом вспоминает об увлечении студентов — учеников Фукса собиранием бабочек. Профессор К. Ф. Фукс положил начало постановке естествознания в Казанском университете, с его именем связано и образование молодой местной школы натуралистов. На своих лекциях Фукс высказывал идею создания первого ботанического сада в Казани, который и был заложен весной 1806 года на склоне горы на территории университетского двора, а потом перенесён в 1834 году на берег озера Кабан.

В 1819 году К. Ф. Фуксу была поручена кафедра патологии, терапии и клиники, а в следующем году на него же было возложено чтение лекций по анатомии, физиологии и судебной медицине. Некоторое время он олицетворял в единственном числе почти весь медицинский факультет. Вскоре Фукс был избран деканом «врачебного отделения», так в то вре-

мя назывался медицинский факультет.

Медицинская деятельность Карла Фёдоровича началась сразу же после приезда его в Казань, когда он был назначен врачом гимназической больницы. Фукс имел славу чуть ли не чудодейственного исцелителя. Он стал первым медиком, кому татары открыли двери своих домов. Его приглашали даже к заболевшим женщинам, что было доказательством высшей степени признания его врачебного искусства. Выбор им места для своего дома, в центре татарской части города, указывает на стремление поближе узнать быт и нравы татар. Фукс, владевший несколькими европейскими языками, поселившись в Казани, изучил русский, татарский и арабский. С утра до ночи шли к нему в дом у Сенной площади больные, сироты и бедняки, зная, что доктор никому не откажет. Бедных Фукс не только бесплатно лечил, но за свой счёт часто выписывал им и лекарства из аптеки.

Деятельность К. Ф. Фукса была чрезвычайно многообразна. В 1812 году он первый стал печатать в «Казанских известиях» краткие заметки о состоянии здоровья жителей г. Казань. Один

из учеников профессора пишет о нём: «К. Ф. Фукс, при обширной своей практике, глубоко изучил болезни, свойственные здешнему климату, с редкой проницательностью предсказывал появление эпидемии, перемены погоды, верно определял влияние её на здоровье жителей г. Казани и, вероятно, никто лучше его не знал быт нашего города».

В 1820 году стараниями К. Ф. Фука было издано на татарском языке одно из первых руководств по практической медицине и гигиене, которое сыграло положительную роль в санитарно-просветительской работе среди татарского населения.

Вершины славы искусного и самоотверженного врача Фукс достиг во время холерной эпидемии 1830 года, разработав свой метод лечения болезни и обучив ему студентов медицинского факультета.

Большой заслугой учёного было изучение и описание Казанского края. «Приехав в Казань, — пишет он, — я нашёл там очень много любопытного и описал всё, что мог. Татары тотчас обратили на себя моё внимание. Я занимался ими с усердием и описывал их религиозные обряды, праздники, обычаи и образ

семейной жизни. В продолжение нескольких лет я имел случай быть и иногда ездил нарочно по татарским деревням разных уездов». Его книга под названием «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» до сих пор представляет чрезвычайный интерес. Недаром К. Фука называют в числе первых исследователей культуры и быта татар.

Фукс интересовался и историей татарского народа, записывал предания, собирал рукописи и составил замечательную коллекцию древних восточных монет. В 1817 году он напечатал первые главы своего труда «Краткая история города Казани», тщательно изучив, наряду с татарскими, и русские рукописи и летописи.

Четыре года, до мая 1827 года, К. Ф. Фукс занимал должность ректора Казанского университета. Клятвенное заверение в «верной службе и пользе государственной», данное им 13 июня 1823 года при вступлении на эту должность, хранится в Национальном архиве Республики Татарстан. При нём была закончена постройка главного здания, сразу сделавшегося достопримечательностью города, и ректорского

Дом К. Фукса

дома, в котором находилась его квартира. «В должности ректора, — по словам современника, — Фукс дал новую жизнь учёной части университета, приобрёл уважение города, доверие и любовь университетского сословия».

Весёлый, общительный характер, обширные познания помогали сближению профессора с казанским обществом, российскими и зарубежными знаменитостями. Он быстро заводил знакомства, сам бывал во многих домах. Его дом стал своего рода культурным центром Поволжья.

В начале сентября 1833 года дом Фуков посетил А. С. Пушкин, отправившийся в места действия пугачёвского восстания. Фукс познакомил Пушкина с участником пугачёвских событий — казанским купцом Л. Ф. Крупениковым, сам целый день провёл с великим поэтом, знакомя его с казанцами, которые могли быть полезными для сбора материалов к задуманной им книге. Пушкин писал своей жене из Казани о Фуксе: «...умный и учёный немец, одолжил меня очень — и я рад, что с ним

познакомился». Вечером 7 сентября в честь приезда великого русского поэта в доме Фуксов состоялся большой литературный вечер.

Александра Гумбольдта, знаменитого путешественника, посетившего Казань, Фукс также принимал у себя дома и знакомил со своими минералогическими коллекциями, собранными на Урале. В настоящее время на улице Московской отреставрирован дом Фукса.

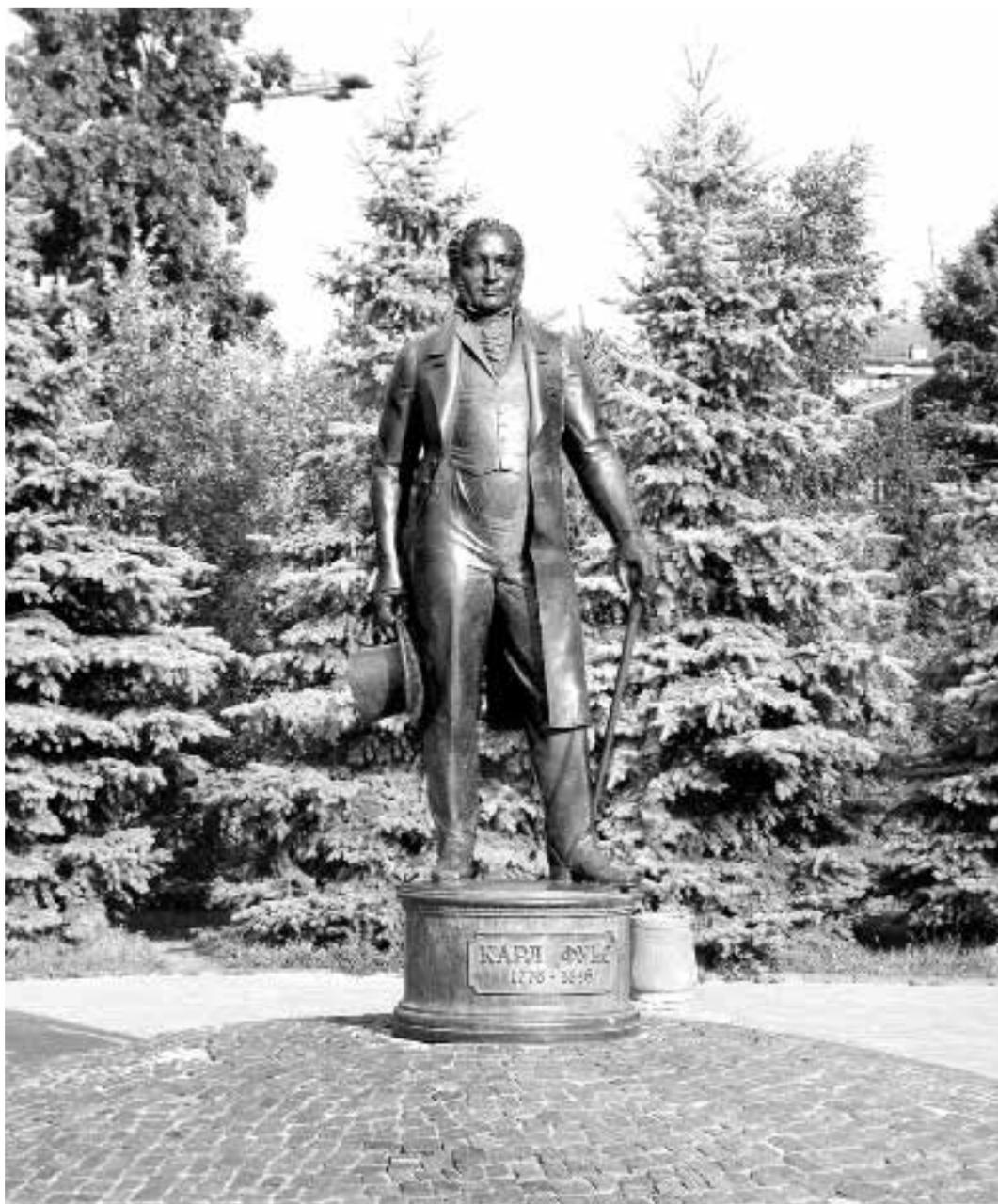
Известный государственный деятель того времени М. М. Сперанский, нанёсший визит Фуксу, будучи проездом в Казани, пишет в своём дневнике: «Профессор один, Фукс — чудо. Многообразность его познаний. Знания его в татарском и арабском языке. Весьма деятелен. Большое его влияние на татар в медицине».

Смерть К. Ф. Фукса, последовавшая в 1846 году в семидесятилетнем возрасте, прервала его обширную работу. До последних дней он не прекращал своей медицинской и общественной деятельности. Весть об этой тяжкой общей потере разнеслась по городу с быстротой молнии. «Фукс наш умер. Фукс наш умер», — заговорили тысячи голосов, и толпы соболезнующих спешили в дом

покойного увериться в самом деле в этой горькой истине», — писала газета «Казанские губернские ведомости». Провожать Карла Фёдоровича в последний путь шла такая масса народа, что в то время, когда катафалк подъезжал уже к Грузинской улице (ныне ул. К. Маркса), хвост процессии тянулся ещё на Проломной (ныне ул. Н. Баумана). «Не только на улице, но и в окнах домов, на заборах и крышах видны были люди, следившие за похоронной процессией. Особенно же внимание привлекли густые толпы татар, которые шли без шапок».

Могила К. Ф. Фукса с памятником, находящаяся в лютеранской части Арского кладбища, сохранилась до наших дней. Одна из улиц в Вахитовском районе Казани названа его именем — Фуксовская. Имя Фукса городские власти запечатлели и в названии уютного садика на берегу Казанки, где установлен памятник Карлу Фёдоровичу Фуксу.

Подвижники, подобные Карлу Фуксу, принадлежат не только своему времени. Ибо они пробуждают в людях и мысль, и чувство, служат маяком, разгоняющим мрак, открывают дверь в будущее.

Памятник К. Фуксу

АЛЕКСАНДР I

«ОТ ЭТОЙ ФИГУРЫ ВЕЯЛО БЛАГОРОДСТВОМ»

Наследник трона — великий князь Александр (будущий Александр I) вместе с отцом — императором Павлом I и многочисленной свитой 24 мая 1798 года прибыл в Казань. Это была поездка, в которой Павел I знакомил сына со страной и её народом. Путешествие было долгим, утомительным. Они проехали через Тверь, Москву, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Ярославль. Казани была уделена ровно неделя.

В ту пору Александру исполнился 21 год. Это был уже вполне сложившийся человек с определившимся характером. По описаниям современников, будущий император выглядел

так: «Александр высокий, хорошо сложенный, но чуть сутулый, с уже редющими волосами, которые скоро перейдут в искусно выполненные зачёсы, скрывающие рано определившуюся лысину, но открывающие прекрасный высокий и чистый лоб, с мягким и свободным взглядом голубых глаз, ловкими и изящными движениями, с чарующей улыбкой, неизменно спокойным негромким голосом, всегда изящно и со вкусом одетый — от этого лица, от этой фигуры веяло благородством, умом, доброжелательностью, что так притягивало людей разных социальных слоёв к Александру».

Итак, великие князья Александр и Константин остановились в доме богача В.И.Чемезова. Перед домом значился парк, который наводняла масса причудливых построек для разного рода развлечений: переходные висячие мосты через овраги и рвы, беседки, павильоны, гроты, искусственные пещеры. Этот дом на горе (Катановский пер., 1) и теперь удачно вписывается в «интерьер» современных построек Казани.

Второй день пребывания в Казани членов императорской семьи был чрезвычайно насыщен. Они удостоили своим присутствием торжественную церемонию, устроенную в честь визитёров в Дворянском собрании. 26 мая они развлекались на балу в доме бывшего казанского наместника, генерал-майора Семёна Баратаева. Краевед Н.П.Загоскин высказывается по этому поводу: «Император и наследник принимали участие в танцах, приглашения к которым удостоили многих дам и девиц». Любопытно и то, что Павел I перед отъездом из города сказал: «Я нашёл в Казани много обходительных и просвещённых дам и в самой Москве таковых мало находил».

Сыну своему Александру он прививал целеустремлённость, решительность и активность, обременив его многими ответственными обязанностями (шеф Семёновского полка, военный губернатор Петербурга, глава военной коллегии). Поэтому с 26 по 29 мая Александр вместе с отцом присутствовали на смотре войск Оренбургской военной инспекции и на воинских учениях, которые проходили на Арском поле. Поэтому Павел I при сыне устраивал разгоны за плохую стрельбу, нерадивое отношение к делу, хвалил отличившихся...

В день отъезда, 30 мая, Павел и Александр участвовали в закладке собора в Казанском Богородицком женском монастыре.

Великий князь Александр после смерти отца в 1801 году становится императором. (Сегодня мы знаем, что Павел I был убит с молчаливого согласия своего старшего сына Александра.)

Уже будучи императором Александром I, он, как и его отец, делает подарки Казани, принимая живейшее участие в создании в ней университета и военного госпиталя. Интересно, что уставы Московского и Казанского университетов (последний подписан Александром 5 ноября

Рыбнорядская площадь

1804 года) были идентичны. В них значилось: «Это высшее учебное заведение, основанное для распространения знаний. В нём молодые люди готовятся для выхода в разные отрасли государственной службы. Науки, преподаваемые в университете, являются необходимыми для всех, кто хочет быть полезным самому себе и своему Отечеству независимо от того, какую роль в жизни и какую службу они выберут». Впоследствии прослав-

ленный Казанский университет выпустил десятки тысяч специалистов по самым разнообразным отраслям знаний, многие из которых стали гордостью не только России, но и мира.

Что же касается дальнейших преобразований, предпринятых Александром I по отношению к Казани, в 1809 году была наложена резолюция на прошение «О создании в Казани особого военного госпиталя на государственном содержании, в который по-

Военный госпиталь

ступать будут больные воинские чины от всех находящихся в Казани и проходящих через Казань команд и рекрутских партий». В то время это был крупнейший военный госпиталь Поволжья. Уместно напомнить, что третьим подарком императора Александра I было то, что в 1812 году он повелевал всем судам, приходящим в Казань, привозить по 10–30 камней. В Казани до 1829 года не было улиц и площадей, мощённых камнем. Тротуары делали из досок,

а проезжую часть мостили брёвнами, ставя их торцом, что было опасно при пожарах. Впервые камнем была вымощена Рыбно-рядская площадь (ныне пл. Г. Тукая), в последующем (1829–1833) были замощены камнем улицы Крепостная (в Кремле), Рыбно-рядская, Проломная, Воскресенская, Петропавловская, Успенская, Московская и т.д. С «лёгкой руки» Александра I Казань стала приобретать лоск «европейско-азиатской» столицы.

Н. Я. БИЧУРИН

**ОТЕЦ
ИАКИНФ**

Стоит в некрополе Александро-Невской лавры (Санкт-Петербург) невысокий чёрный обелиск. На почерневшем от времени и непогоды камне крупными буквами значится: «Иакинф Бичурин». Чуть ниже — столбик китайских иероглифов и строгое сочетание дат: «1777—1853».

Редкий прохожий не остановится и не задастся вопросом: чей прах здесь покоится? Откуда на русской могиле, лишённой привычного православного креста, загадочные иноязычные слова? Что все это значит? А вот что. В переводе надгробная надпись звучит так: «Труженик ревностный и неудач-

ник, свет он пролил на анналы истории».

Так сказано о знаменитом востоковеде — отце Иакинфе (в миру — Никита Яковлевич Бичурин). Он родился 29 августа 1777 года в селе Акулево Чебоксарского уезда Казанской губернии. Отец его, приходский священник из крещёных инородцев, решил направить сына по своим стопам и отдал мальчика в Казанскую семинарию. Там Никита приобрёл фамилию Бичурин (по названию села, где находился приход отца). Учился он хорошо, способности были редкостные, схватывая всё на лету, памятью своей изумлял и профессоров,

и однокашников. В 1797 году по указу Павла I семинарию переименовали в духовную академию (просуществовала в таком качестве до 1818 года, затем ей возвратили старое название — семинария. Новая духовная академия была учреждена в Казани в 1842 году). В семинарских же (а после и в академических) учебных ведомостях Никиты Бичурина неизменно присутствовало — «понятия отличного», «превосходного» или «препохвального». Запах книжной пыли, так казалось Никите-ученику, включал в себя нечто неповторимое: манящее и сладостное. Как утверждают современники, книги возбуждали в нём ненасытный волчий аппетит. Надо сказать, что он не просто читал их, а глотал: самые разные — исторические хроники, богословские и философские трактаты, а если попадались, то и романы и повести. Из всех дорог более остальных привлекала его научная. Воображение живо рисовало будущее, где он отчётливо видел себя в роли профессора истории.

Но жизнь складывается так, что по окончании духовной академии Никита принимает монашество. В ту минуту, когда исчез

из мира Никита Бичурин, а его место занял монашествующий Иакинф, он попрощался не только со своим прошлым, но и с ранее запланированным будущим, со всем, что было доселе значимо и ценно для него.

В 1800 году Иакинф Бичурин становится учителем высшего красноречия в Казанской духовной академии, которую он только что окончил. Верные друзья по-прежнему книги, с которыми он не расстанется до конца жизни. Служение науке — вот его стезя, его призвание. И каждый вечер, вернувшись из академии, он садился к столу, зажигал свечу и читал древних и новых авторов, листал старые хроники, совершенствовался в латыни и греческом, изучал французский.

Дела по службе между тем идут своим чередом. Сразу после пострига, оставаясь в Казани, он зачислен в соборные монахи столичной Александро-Невской лавры и 22 июля 1800 года произведён в иеродиаконья. В августе следующего года посвящён в иеромонахи, а в ноябре уже управляет Иоановским монастырём (ныне действующий монастырь святого Иоанна Предтечи на ул. Профсоюзная под Кремлём). Таким

Духовная семинария

образом, под началом 24-летнего Иакинфа оказалось более сотни монахов и послушников. Весь долгий и тернистый путь от простого чернеца до настоятеля Иакинф проделал весьма скоро. Перед ним открылась блестящая духовная карьера, хотя путь сей был далеко не прост. За это время Иакинф успел стать и архимандритом в Иркутском Вознесенском монастыре, и ректором в Иркутской семинарии, и побы-

вать в святой монашеской обители города Тобольск.

В 1807 году по счастливой случайности он был командирован в Китай в качестве главы церковной миссии в Пекине. Иакинф отправляется туда не ради выгоды, а увлекаемый желанием познать неизведанное. По прибытии в Пекин принимается за изучение языка, истории, литературы, государственного и общественного строя Китая.

Ивановский монастырь. Э.Турнерелли, 1839

Во всём этом он видит источник знаний и опыта, которые должны быть использованы во благо отечественной и мировой науки. Вниманием Иакинфа практически полностью овладевает история Китайского государства и его народа. Не ограничиваясь знанием латинского, греческого, французского и немецкого, он изучает и китайский язык. В Пекине Иакинфом были написаны важнейшие монографии, подго-

товлены материалы основных трудов, которые затем увидели свет на родине. Недаром именно Н.Я.Бичурин считается основателем китаеведения в России.

Возвращение на родную землю в 1821 году оборачивается для Иакинфа ударом: на пять лет его определяют в Валаамский монастырь. Но ценнейшие труды монаха и блестящее знание китайского заставляют властителей освободить его из

ссылки и определить местожителемство Александрo-Невскую лавру. Здесь он проживает до конца своих дней. Здесь напишет новые книги. Как высказывался о его способностях один из современников, «отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать целое учёное общество».

Многочисленные труды монашесствующего Иакинфа по Китаю, Монголии, Тибету и другим странам Дальнего Востока далеко опередят (по охвату материала и интерпретации событий) современных ему авторов России и Европы. Высоким признанием научной ценности исследований Иакинфа явится четырёхкратное присуждение ему Демидовской премии, наиболее почётной научной российской награды. В 1828 году за выдающиеся успехи в области востоковедения Иакинф будет избран первым членом-корреспондентом Российской Академии наук, а в 1831 году — действительным членом Азиатского общества в Париже. Трудami Иакинфа всерьёз были заинтересованы Пушкин, Шиллинг, Гумбольдт, Полевой, Погодин и др.

Иакинф сотрудичал с самыми престижными периодическими

изданиями Москвы и Санкт-Петербурга, его имя не сходило со страниц русских и зарубежных журналов.

Сегодня в библиотеках Санкт-Петербурга хранится свыше семидесяти трудов Иакинфа, в том числе два десятка книг и множество статей и переводов, которые в тридцатые и сороковые годы XIX века регулярно появлялись на страницах почти всех издававшихся тогда столичных журналов.

Собранная им во время посещения Китая и последующих поездок в Монголию китайская и тибетская литература сосредоточена в институтах востоковедения и этнографии Академии наук Российской Федерации.

След, оставленный Иакинфом не только в отечественном востоковедении, но и в истории нашей культуры, настолько значителен, что давно пора воскресить из небытия этого большого учёного и интереснейшего человека. Это Иакинф прославил нашу Казань, нашу родину. Это его труды позволили впервые в Европе создать в Казанском университете кафедру монгольского языка и кафедру языка китайского.

*С. М. АКСАКОВ***ПЕРВЫЙ
СТУДЕНТ
УНИВЕРСИТЕТА****ИСПЫТАНИЕ ОБУЧЕНИЕМ**

Сын патриархальных помещиков, родом из Уфы, Сергей Аксаков провёл свои детские годы на родине в дедовском имении Ново-Аксаково (Заволжье). Девяти лет от роду Серёжу привезли в Казань и поместили в одно из старейших провинциальных учебных заведений — Первую Казанскую мужскую гимназию. Преподаватель, принимавший вступительный экзамен у Аксакова, пришёл в восхищение от столь развитого во всех отношениях мальчика, и Аксаков был принят в число казённых воспитанников гимназии. Оторванный от привычной домашней обстановки,

тяжело переживая разлуку с матерью, мальчик заболел острым нервным расстройством. Родные были вынуждены забрать его из гимназии обратно домой. И лишь год спустя Аксакова снова решились «командировать» в Казань. На этот раз Аксаков был зачислен уже в качестве вольноприходящего. Вторичная разлука с матерью прошла для молодого Аксакова значительно легче.

Казанская гимназия отличалась сравнительно неплохой постановкой обучения, хорошим, хотя и пёстрым, составом преподавателей. Здесь царила атмосфера, в общем,

Первая Казанская мужская гимназия

вполне благоприятствовавшая развитию духовных интересов учащихся. Вспоминая свои гимназические годы, Аксаков тепло и благодарно отзывался о преподавателе русской словесности Н. М. Ибрагимове: «Это был хороший преподаватель, знающий своё дело». Преисполнен уважения был Аксаков и к И. И. Запольскому, преподававшему физику в той же гимназии. Но особенно восторженно писатель отзывался о математике Г. И. Карташев-

ском (впоследствии породнившимся с Аксаковыми). Фанатик формул и уравнений, Карташевский сразу заметил юного гимназиста и всерьёз занялся воспитанием мальчика. Зная страсть Аксакова к литературе, преподаватель накопил для него множество книг, среди которых были сочинения Ломоносова, Державина, Сумарокова, французские книги.

Осенью 1804 года в Казанскую гимназию пришло радостное известие об официальном утвержде-

дении устава университета, и 14 февраля 1805 года состоялось историческое событие – Казань праздновала рождение университета, находившегося в том же здании, что и гимназия (ныне это левое крыло главного корпуса К(П)ФУ). Спустя неделю гимназистов собрали в зале, ознакомили с новым уставом и зачитали список будущих студентов. Первым номером в списке значился Сергей Аксаков, тринадцати лет, поэтому его и называют «первым казанским студентом». А далее ещё тридцать два имени. Счастливым были выданы студенческие шпаги (атрибут обряда, сравнимого разве что с посвящением в рыцари).

ИЗ ПАСТУШКОВ» ДА В КНЯЗИ

В конце августа 1805 года в университетских аудиториях начались первые лекции.

Многие студенты, в том числе и Аксаков, продолжали учиться в гимназии, будучи уже зачисленными в университет. Параллельно с учебными занятиями они усиленно занимались литературой, писали и зачитывали друг другу свои сочинения в прозе и стихах. Как результат творческих дерзаний в студенческих

кругах родилось «Литературное товарищество», а впоследствии возникла мысль создать рукописный «Журнал наших знаний». По сравнению с гимназическими «Аркадскими пастушками» журнал представлял собой уже более серьёзный, зрелый литературный опыт.

В 1806 году был учреждён кружок любителей отечественной словесности, куда вошёл и Аксаков.

Кроме всего прочего, университетская молодёжь того времени страстно увлекалась театром. Студенты ежедневно бывали на спектаклях, хотя для этого приходилось порою пропускать вечерние занятия. Профессора и преподаватели смотрели на исчезновение значительной части своей аудитории снисходительно, а Н.М.Ибрагимов (сам страстный театрал), частенько, прерывая собственные лекции, любил озадачить студентов вопросом: «А что, господа, не пора ли нам в театр?»

Именно в тот период (1805–1806) молодой Аксаков и его друзья так увлеклись игрой знаменитого московского актёра П.А.Плавильщикова (он в ту пору гастролировал в Казани), что решили снова, как в гимна-

Парк «Казанская Швейцария»

зии, попытать счастья на сцене. В скором времени в одной из комнат студентов были представлены комедия М. И. Верёвкина «Так и должно» и пьеса А. П. Сумарокова «Приданое обманом». Приглашённые на премьеру зрители пришли в неопиcуемый восторг. Сам Аксаков исполнял в спектакле одну из главных ролей. «В награду за отличное поведение» студенты получили

разрешение устроить собственный театр в университете с декорациями, занавесом и кулисами. Директором труппы был избран Аксаков.

О ЧЁМ ПОЮТ СОБИРАТЕЛИ БАБОЧЕК?

Увлекавшийся, пылкий и любознательный, Аксаков с детства был неравнодушен к природе и слыл одним из любимейших

учеников профессора натуральной истории Карла Фукса. Именно ему Аксаков обязан главным увлечением юности — собиранием бабочек, так страстно им описанным в студенческом рассказе с одноименным названием. Это Аксакову и А. Панаеву (лучшему другу будущего писателя) мы обязаны расхожим названием «зелёной зоны» Центрального парка города, именно они окрестили её Казанской Швейцарией. Из высказываний Александра Панаева: «Сравниваю описание Швейцарии с теми местами и, кажется, нахожу сходство. И с общего согласия мы назвали их «Казанская Швейцария».

«Когда же приближалась осень и наступали тихие лунные ночи августа, — вспоминает студент Панаев, — мы любили после ужина собираться на ступеньках петь под кларнет Гроздовского русские песни. Мы пели их с чувством, с увлечением, и стройные голоса наши разносились по обширному двору. Живший в университетском доме профессор Яковкин не только не запрещал нам этого удовольствия, но и растворял у себя окна, чтобы слушать нас с своим семейством».

ПРОЩАНИЕ С КАЗАНЬЮ

Тем временем в жизни Аксакова произошли некоторые важные перемены. Его воспитатель и наставник Г. И. Карташевский, поссорившись с университетским начальством, оказался вынужденным покинуть Казань и уехать служить в Петербург. Он стал убеждать родных Аксакова, что для воспитания юноши целесообразнее будет избрать государственную службу в столице.

По этой причине в начале 1807 года Сергей Аксаков подал просьбу об увольнении из университета «для определения к статским делам». Но молодые годы, проведённые в Казани, он по праву считал лучшими в своей жизни. «Всё, что сохранилось во мне доброго, — писал Аксаков, — считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я оттуда. Память таких годов, — продолжает он, — неразлучно живёт с человеком и, неприметно для него, освещает и направляет его шаги в продолжение целой жизни».

Тяжело было расставание с родным университетом, шумной молодой жизнью, невозвратной порой бесшабашной юности.

Накануне отъезда Аксаков прощался с друзьями: «Обнявшись, длинной вереницей исходили мы все комнаты, аудитории и залы. Потом крепко, долго целовались. Толпа студентов и даже гимназистов высыпала проводить меня на крыльцо. Я обернулся, ещё раз взглянув на товарищей, на здание университета — и пустился почти бегом. За мною неслись знакомые голоса: «Прощай, Аксаков, прощай!»

После короткого путешествия к родным в Оренбургскую губернию и последующего полугодового пребывания в Москве Аксаков обосновался наконец в Петербурге. Там и началась его литературная деятельность, принесшая писателю общероссийскую известность.

Сегодня произведения Сергея Тимофеевича Аксакова дороги нам как чистый родник души

человека, неразрывно связанного с природой, неиссякаемый источник познания жизни, красоты окружающего мира. Для казанцев мемуары Аксакова — бесценный кладёзь познания истории и культуры целого города начала XIX века. Казанский период жизни отражён писателем в автобиографическом произведении «Воспоминания». И не случайно одна из улиц Кировского района Казани носит имя Аксакова. Вот только жаль, что в нашем древнем величественном городе не сохранилась замечательная усадьба Бронникова, где провёл свои гимназические годы юный Серёжа Аксаков. На этом месте (ул. К. Маркса, 57) ныне расположилось здание выставочного зала Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан.

НИКОЛАЙ I

КАЗАНСКАЯ ПЛОЩАДЬ НАЗВАНА В ЧЕСТЬ ИМПЕРАТОРА РОССИЙСКОГО

Император Николай I прибыл в Казань 20 августа 1836 года из Нижнего Новгорода на частном пароходе астраханского купца Яралова (пассажирского пароходства на Волге в то время ещё не было). На берегу Волги его встречали военный губернатор С.С.Стрекалов и высшие чины города, оттуда император проехал в Кремль в Благовещенский кафедральный собор, где встречался с высшим духовенством и поклонился местным святым иконам.

21 августа. С утра император поехал на смотр войск на Арском поле. В этот момент произошли непредвиденные события. Сотни рабочих суконной мануфактуры

вместе с жёнами, детьми и стариками двинулись на Арское поле, чтобы вручить императору жалобу против роста норм выработки, обременительных военных постоев и издевательств мастеров. Только по данным комиссии, расследовавшей год назад положение на предприятии, треть суконщиков умерла от истязаний и непосильной работы, около 140 человек были сосланы в Сибирь или отданы в рекруты. Закончилась акция суконщиков тем, что в конце января 1837 года на предприятии, оцепленном войсками, была устроена массовая экзекуция. Тех, кто отказался дать подписку

о полном повиновении, пороли розгами. Более 30 человек оказались в больнице.

Прервав смотр войск на Арском поле, император проехал в Кремль и лично выбрал место для построения «военного губернаторского дома с императорской квартирой», подчеркнув при этом, что фасадом дом должен быть «обращён на церковную площадь», а рядом стоящую обгоревшую Введенскую церковь необходимо восстановить и соединить закрытым переходом с дворцом. Участок для постройки дворца был выбран на том месте, где стоял бывший комендантский дом, который, в свою очередь, располагался, предположительно, на месте Дворца казанских ханов.

Исполняя приказ царя, в 1837 году был составлен соответствующий проект губернским архитектором А. Шмидтом. Непонятны причины, по которым этот проект не был осуществлён.

Известному зодчему, академику архитектуры К. А. Тону было поручено составить новый проект, мало того, Тон был вынужден дважды заниматься проектированием губернаторского дворца для Казани, последний из них был выполнен в 1843 году.

К. А. Тон сохранил П-образную конфигурацию главного здания, но существенно изменил его планировку и размеры. Площадь с 700 кв. сажен была снижена до 480 кв. сажен. Находясь в Киеве 19 сентября 1843 года, царь утвердил этот проект. Подробная план-смета возведения дворца была рассчитана на пять лет. Руководителем строительства назначен архитектор Мальте, а ему в помощники выделен архитектор Песке. И тут пытались опять изменить направление фасада дворца, отказывались восстанавливать церковь. Но царским указом 11 января 1845 года было велено немедленно приступить к возведению дворца согласно Величайшему утверждению от 19 сентября 1843 года.

9 мая 1845 года был заложен фундамент губернаторского дворца, а в 1848 году он был открыт.¹ Весной 1849 года начались работы по восстановлению Введенской церкви.

Наряду с Кремлём Николай I уделил особое внимание памятни-

¹ Сегодня это резиденция Президента Республики Татарстан. Недавно отреставрированная, она является настоящим украшением Казанского кремля, великолепно не только внутренним убранством, но и внешним оформлением, особенно в вечернее время, при своеобразном освещении.

Памятник русским воинам, павшим при взятии Казани

ку, установленному в 1823 году по проекту архитектора Н. Ф. Алфёрова на месте братской могилы русских воинов, павших в 1552 году при штурме Казани. Император спускался в склеп памятника, где пояснения ему давал настоятель Зилантовского монастыря архимандрит Гавриил... Выйдя из склепа на свежий воздух, император любовался открывавшимся отсюда великолепным видом Кремля.

В тот же день император со свитой осматривал университет в сопровождении попечителя округа М. Н. Мусина-Пушкина. Первым делом высокий гость проследовал в университетскую Крестовоздвиженскую церковь². Здесь ему понравился иконостас и его освещение, шедшее через круглое отверстие на крыше

² В бывшей Крестовоздвиженской церкви сейчас располагается музей истории университета.

и в потолке, откуда дневной свет проходил через цветные стекла. В актовом зале университета состоялась встреча с профессорами, служащими и студентами, император приветствовал их короткой речью. Весьма остался доволен высокий гость аудиториями, кабинетами университета, а в университетском городке — анатомическим театром, астрономической обсерваторией, библиотекой, химической лабораторией. Стоя на террасе астрономической обсерватории, царь поражался обозримым широким волжским просторам, крутым берегам Верхнего Услона, высоким минаретам мечетей Юнусовской, Байлар³, Иске-Таш, Голубой в Татарских слободах. Проходя через университетский городок, он лично указал место установки памятника великому русскому поэту Гавриле Романовичу Державину. Оно было определено между главным корпусом университета и анатомическим театром. Здесь была удобная площадка, она имела форму полукруга и небольшой сквер посередине. Вскоре, уже в Санкт-Петербурге, император Николай I,

³ Юнусовская мечеть сегодня нам известна как мечеть Ш.Марджани, а Байлар — Апапаневская.

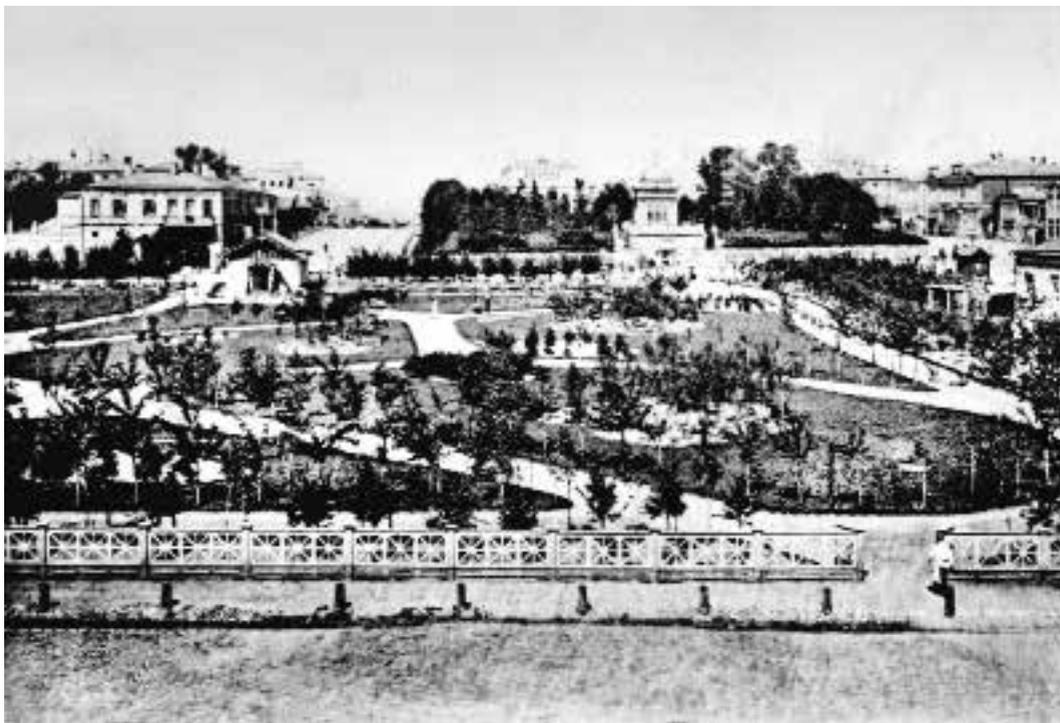
по представлению министра внутренних дел Д. Н. Блудова, утвердил проект памятника Г. Р. Державину работы академика архитектуры К. А. Тона со статуей и барельефами академика С. И. Гальберга. Впоследствии, 23 августа 1847 года, при огромном стечении народа в университетском городке состоялось поистине торжественное открытие этого замечательного памятника.⁴

А пока что высокий гость проследовал в старую двухэтажную университетскую клинику.

Рассказывают, что, войдя туда, император спросил: «А где же у вас больные?». «Их нет, Ваше императорское Величество», — был ответ. «А отчего так?» — продолжал государь. «По случаю каникулярного времени», — был ответ. «Вот как», — засмеялся император. — «Стало быть, у вас и для больных каникулярное время полагается!».

Вечером государь был приглашён на бал, устроенный в честь высочайшей особы местным дворянством.

⁴ Памятник Г. Р. Державину простоял в университетском городке до 1870 года, затем был перенесён на Театральную площадь, где был снесён в 1931 году.

Николаевский сквер

Тронутый оказанным ему тёплым и сердечным приёмом, Николай I, уезжая из Казани, повелел отпустить из казны 200 тысяч рублей на постройку новых университетских клиник.

После пожара 1842 года казанцы бывшую Кузнечную площадь обратили в торговую и дали название «Николаевской». Эту пло-

щадь с размещавшимися в дни праздников балаганами так любил посещать мальчик Федя Шаляпин, будущий знаменитый певец. В 1891 году эту площадь переоборудовали под городской сквер с таким же названием. С 1924 года сад стал называться Ленинским. Сегодня это Бутлеровский сквер.

А. С. ПУШКИН

«НЕ НАПРАСНО ПОСЕТИЛ ЭТУ СТОРОНУ»

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин посетил наш край в сентябре 1833 года. Он писал «Историю Пугачёва» и решил осмотреть места сражений, побеседовать с очевидцами событий Крестьянской войны.

В Казань Пушкин приехал в 12-м часу ночи 5 сентября, въезжал он со стороны Ягодной слободы (сегодня Кировский район города), проехал мимо Зилантова монастыря, затем выехал на Большую Проломную улицу (ул. Н. Баумана) и, наконец, поднявшись в гору, подкатил к почтовой станции (угол Театральной и Покровской улиц, ныне за

зданием технического университета по ул. К. Маркса, 31/7).

Приехав в Казань, поэт решил ввиду позднего времени переночевать в гостинице Дворянского собрания (ныне ул. Рахматуллина, 6). Здесь Пушкин неожиданно повстречался со своим другом юности, товарищем по лицу — поэтом Е. А. Боратынским, который по пути в имение Каймары, находящееся в окрестностях Казани, тоже остановился в гостинице. Друзья проговорили до глубокой ночи. Расстались они рано утром.

Боратынский поспешил известить казанских литераторов, в том числе поэтессу А. А. Фукс,

о радостной новости. А Пушкин, забыв о бессонной ночи, об усталости с дороги, с неудержимой любознательностью пустился осматривать Казань.

Он понимал, что правдивые сведения о Пугачёве можно получить только в гуще простонародья — у бедняков, у рабочих.

На окраине города, в Суконной слободе, в конце улицы, называвшейся «Маленькое поле», находился тогда популярный среди казанских суконщиков «Горлов кабак» (ныне на этом месте Дом офицеров Казанского гарнизона — ул. Петербургская, 55). Такое название закрепилось за питейным заведением потому, что по воскресеньям и праздничным дням здесь собиралось много рабочих, которые, напившись, орала во всё горло песни. Зная о роли суконщиков в пугачёвском восстании, Пушкин направился в этот кабак.

Из беседы со старым суконщиком В. П. Бабиным поэт узнал много ценных сведений. Поскольку Бабин не был «самоличным» свидетелем взятия пугачёвцами Казани, он передал Пушкину рассказ своих родителей, которые были очевидцами тех событий. Бабин рассказал о взятии Пугачёвым Казани

в июле 1774 года, о плане лагеря, разбитого Пугачёвым, о месте установки пушек. Поведал о разгроме пугачёвцев правительственными войсками и об отступлении Пугачёва в сёла Савиново, Караваяво и Сухая Река, о жестокой расправе карателей с пугачёвцами после их поражения. «Вешали за ребро, сажали на кол. Виселицы стояли лет десять после Пугачёва, и петли болтались», — записал Пушкин слова Бабина.

Сделанную на двух с половиной страницах, исписанных мелким почерком, запись рассказа Бабина поэт использовал потом в VII главе «Истории Пугачёва» — при описании осады Казани пугачёвцами 12–15 июля 1774 года.

В той же Суконной слободе поэт «заодно и кстати» осмотрел старое одноэтажное здание суконной фабрики на углу Георгиевской и Мостовой улиц (ныне улицы Миннуллина и Петербургская), а также Шарную Гору (ныне ул. Калинина), откуда Пугачёв, расставив свои пушки, начал наступление на Казань.

Остаток дня 6 сентября поэт посвятил обработке «по свежим следам» записи своей беседы

Вид Казанской крепости. В. Турин, 1834

с Бабиным, а вечером условился проводить Боратынского на следующее утро в Каймары.

Утром 7 сентября провожать Боратынского приехал известный казанский учёный К. Ф. Фукс, встретившийся с Пушкиным. Позже супруга профессора вспоминала со слов мужа, что они в полчаса успели так хорошо познакомиться, как бы уже долго жили вместе». Проводив Боратынского и распрощавшись

с Фуксом, на дрожках, запряжённых тройкой лошадей, Пушкин поехал воочию ознакомиться с местами боевых действий пугачёвского войска. Он проехал от центра города по Грузинской улице, Арскому полю, Сибирскому тракту, где 10 июля 1774 года Пугачёв разбил высланный ему навстречу казанский конный легион полковника Николая Толстого. Дорога вела Пушкина дальше, за город, к Троицкой

Зилантов монастырь. Э.Турнерелли, 1839

мельнице. Именно здесь, на обрыве, с которого была отлично видна вся Казань, находилась главная ставка Пугачёва, расположившего своё войско в 20 тысяч человек.

Приехав к деревне Троицкая Нокса, поэт объехал места сражения у селения Царицыно (ныне Советский район города), около которого 12, 13 и 15 июля 1774 года шли упорные бои пугачёвцев с регулярным войском

под командованием полковника Михельсона.

Возвращался Пушкин в город тем же Сибирским трактом. Александр Сергеевич знал, что здесь везли в ссылку и некоторых декабристов — его друзей.

В 12-м часу дня Пушкин приехал к Кремлю, окружённому уже ветхими, полуразрушенными зубчатыми каменными стенами и башнями. На его осмотр ушло полтора часа. Остаток дня 7 сен-

тября он провёл в доме местного поэта и театрала Э.П. Перцова (ул. Профсоюзная, 23), с которым был знаком уже ранее, обедал там и играл в шахматы.

Около 6 часов вечера поэт отправился в Татарскую слободу к Фуксам, куда был ранее приглашён. Дом Фуков располагался на углу улиц Владимирская и Поперечно-Тихвинская (ныне угол улиц Московская и Г. Камала). Карл Фёдорович — профессор университета, замечательный знаток Казанского края, поведал много интересного о местной истории, о литературе, культуре и быте населения Поволжья. Он представил Пушкина жене Александре Андреевне, племяннице известного поэта Г. Каменева. Благодаря ей в доме Фуков устраивались литературные вечера, здесь находили приют любители отечественной словесности. Взяв дружески руку смущённой хозяйки, Пушкин обратился к ней со словами: «Нам не нужно с вами рекомендоваться, музы нас познакомили заочно...».

По просьбе поэта К.Ф. Фукс рассказал ему за чаепитием обо всём, что знал о взятии пугачёвцами Казани. Затем он отвёз Пушкина к местному купцу «чай-

ных дел», миллионеру Л.Ф. Крупеникову, 76-летнему старику, который в юности был в плену у Пугачёва. Рассказ Крупеникова мало заинтересовал Пушкина.

По возвращении в дом Фуков Карла Фёдоровича, известного в городе врача, вызвали к больному. Поэт остался наедине с его женой. Беседа хозяйки с поэтом затянулась часа на два. В 10 часов вечера приехал К.Ф. Фукс с Э.П. Перцовым. За вскоре последовавшим ужином снова потекла мирная беседа. Только в час ночи Пушкин распростился с хозяевами, поблагодарив их за тёплую, радушную встречу, приглашал к себе в Петербург.

Вернувшись в гостиницу, Пушкин не ложился спать: укладывал вещи, рукописи, книги. Под утро написал торопливое письмо жене, Наталье Николаевне. В письме он с явным удовлетворением подводит итог своим казанским впечатлениям: «Я в Казани с пятого... Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками — современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону».

Когда поэт перечитывал своё письмо к жене (это было утром в начале 7-го часа), к нему вдруг вошёл Е.А.Боратынский, специально прискакавший из Каймар проститься с отъезжающим другом.

В Казани Александр Сергеевич пробыл 2 суток и 7 часов. Выехал из города через Лаишевскую почтовую дорогу в Симбирск.

Посещение Казани помогло Пушкину во многом взглянуть на факты и события по-другому, переосмыслить их. Написанная им «История Пугачёва» явилась необычайно смелым для своего времени произведением, она отразила глубокий историзм Пушкина, его зоркий взгляд художника-реалиста. Казанские впечатления нашли отражение и в повести «Капитанская дочка».

Связь Пушкина с Казанью не прерывалась, он вёл дружескую переписку с А.А.Фукс. Ей же и казанскому историку М.С.Рыбушкину прислал экземпляры своего «Пугачёва».

В личной библиотеке А.С.Пушкина сохранилось 19 книг казанских авторов и тех авторов, кто жил в Казани долгое время. Здесь были произведения А.А.Фукс, К.Ф.Фукса,

Э.П.Перцова, Е.А.Боратынского, П.И.Рычкова, М.С.Рыбушкина, И.Д.Деларю, Г.Городчанинова, газета «Казанские известия» и другие книги.

В Казани к А.С.Пушкину всегда относились с большим уважением и трепетной любовью. Дни, проведённые им в нашем городе, как бы приблизили этого титана духа к нашей повседневной жизни, связали дыхание таких разных эпох. Огромную притягательную силу пушкинского слова, влияние его таланта на собственное творчество отметил в своё время ещё Г.Тукай:

*Если Лермонтов и Пушкин
Каждый солнце в небесах.
Я луною светлой буду,
Их лучи в моих стихах.*

Имя А.С.Пушкина носит одна из центральных улиц Казани. На ней, в полукружии здания Татарского академического театра оперы и балета им. М.Джалиля, установлен памятник великому поэту (скульптор Н.К.Вентцель).

Здесь ежегодно почитатели лирики Александра Сергеевича собираются 6 июня в день его рождения, говорят о литературе, возлагают цветы. Здесь зву-

Памятник А.С. Пушкину

чат стихи, открываются новые поэтические имена. Это ли не лучшая дань памяти потомков писателю, который вот уже более полутора века тому назад

нашёл в нашем городе и новые краски для своих произведений, и искреннее расположение людей, почитавших за счастье личное общение с ним.

А. ДЮМА

**«ЭТО БЫЛО ОДНИМ
ИЗ ЛУЧШИХ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ЗА ВСЮ МОЮ ЖИЗНЬ»**

Граф и графиня Кушелёвы-Безбородко в 1858 году, путешествуя по Европе, встретились в Париже со знаменитым французским романистом Александром Дюма и пригласили его посетить Россию. Дюма с благодарностью принял приглашение. И неудивительно, ведь его страстью были путешествия. 15 июня 1858 года он выехал из Парижа и возвратился из этого путешествия только 2 марта 1859 года. За это время он успел побывать в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Баку, Тифлисе, Потти. Россия восхитила писателя. Результат — четыре громадных тома путевых заметок.

Об этом путешествии Дюма восторженно писал: «Путешествовать — это жить в полном смысле слова, это забыть о прошлом и будущем во имя настоящего. Это дышать полной грудью, наслаждаться всем, овладевать творением как чем-то тебе принадлежащим».

Последуем за Дюма в это удивительное путешествие, раскрыв страницы его путевых заметок о Казани.

«ЗРЕЛИЩЕ САМОЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЕ...»

«27 сентября 1858 года часов в шесть вечера с первыми тенями сумерек мы увидели на хол-

Вид на Кремль со стороны Казанки

ме в шести-семи верстах от реки минареты древнего татарского города. Уже стемнело, когда мы бросили якорь и высадились на крутом берегу, изрезанном оврагами.¹

Мы взяли двое дрожек для себя и телегу для багажа. После десятиминутной тряски по рытвинам и ухабам мы каким-то чудом

без происшествий добрались до места назначения». Как уточняют местные газеты, великий романист остановился в гостинице пароходного общества «Меркурий» в Адмиралтейской слободе.

Далее Дюма пишет: «Казань — один из тех городов, что предстают перед вами в дымке истории. Её татарские воспоминания здесь особенно свежи. Казань с её восточными воспоминаниями и исла-

¹ Дальнее устье реки Казанка.

Протока Булак

мом имеет девятьсот восемьдесят улиц, десять мостов, четыре тысячи триста домов, много церквей, монастырей, десять мечетей, две гостиницы для путешественников, семь трактиров, два кабака, пятьдесят две тысячи двести сорок четыре жителя, из которых пятнадцать тысяч магометан.

Наша гостиница была расположена так, что мы могли увидеть Казань, лишь пройдя

полверсты. Далее была огромная дамба² длиною в пять вёрст, такая прямая, будто её строили по бечёвке.

Увиденная с дамбы Казань словно поднимается из глубин огромного озера. Открываясь взору со своим старым Кремлём, она являет собою зрелище самое фантастическое.

² Ныне Кировская дамба.

Я никого не знал в Казани. Но ничего более мне и не требовалось, на следующий день вся Казань узнала о моём приезде, и мне при местном гостеприимстве уже не о чём было беспокоиться: ни о житейских мелочах, ни о провожатых.

На подступах к Казани мы прошли огромную протоку под названием Булак.

Я не знаю ничего более живописного, чем длинная цепочка деревянных домов, которые выстроены по ту сторону Булака, и сотнями окон каждый вечер загорается огонёк, создавая подобие праздничной иллюминации.

Здесь церковь и мечеть соседствуют и являют пример такого братского дружества меж крестом и полумесяцем, какое, пожалуй, можно встретить только в Казани».

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЦАРИЦА СЮЮМБИКЕ – САМЫЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ЛИЧНОСТИ В КАЗАНИ

Дюма рассказывает, как генерал-интендант Яблоновский, ставший его гидом, показывает ему достопримечательности Казани: «Начали с Кремля, Спаская башня, башня Сююмбике. Здесь Иван Грозный и царица

Сююмбике – самые популярные исторические личности в Казани, один – потому что сделал городу много зла, другая – потому что сделала городу много добра.

Побывали мы и в соборе³, где хранится чудотворная икона, известная всей России как икона Казанской Божьей Матери.

Осмотрев Кремль и собор, мы пошли по лавкам.⁴ Казань славится кожами и мехами. Думаю, что ни в каком другом городе на свете так не выделяют кожу, как в Казани. Привёз домой три-четыре вещи, являющие собой чудо выделки: охотничью сумку, диванную подушку, патронташ, которые мне подарили, и сапоги, которые я сам купил, и всё это оставляет далеко позади лучшие изделия кож Франции и всей России.

После кож идут меха. В Казани есть прекрасные меха всех сортов, от медведя до куницы, белки, голубого песка.

Хорошая медвежья шкура, какая продаётся по пятьдесят рублей в Москве и по четыреста франков в Париже, в Казани

³ Богородицкий монастырь на нынешней ул. Большая Красная.

⁴ Гостиный двор у Казанского кремля.

стоит двадцать рублей (т.е. семьдесят франков).

Познакомились мы и с ректором Казанского университета⁵, осмотрели сам университет, анатомический театр. В университете сто двадцать четыре студента».

ДЮМА НАРАСХВАТ...

А вот что пишет краевед Н. Загоскин: «Дюма нарасхват, его приглашали на обеды, вечера, рауты, просили сняться в только что появившейся перед тем в Казани фотографии. Дюма сделался положительно «модю» казанской общественности. Держал себя французский романист довольно странно: он носил во всё время своего пребывания здесь костюм русского ополченца, весьма бесцеремонно заявляя, что «оставил свой европейский костюм в последнем европейском городе».

Местные газеты писали, что Дюма — добродушный великан (его рост достигал 180 см — редкость по тем временам), преисполнен жизни. Она кипит в нём, кипит и возле него. И хотя ему уже много лет и он полноват, но он ещё красив, с сияющими голу-

быми глазами. И он очень нравится женщинам. Дюма побывал в нескольких «благородных» домах, много ходил по городу, интересовался и книжными лавками. Расспрашивал про свои произведения. В одной из лавок ему предложили «Графа Монте-Кристо» с портретом автора, весьма далёким от оригинала. Громко расхохотавшись, Дюма немедленно приобрёл эту книгу: «Я буду во Франции пугать детей этим портретом!» — воскликнул он.

Вернёмся к рассказу Дюма: «Я не знаю более лёгкого, более удобного и более приятного путешествия, чем путешествие по России. Особенно знаменита в этом отношении Казань. Здесь наперебой устремляются со всякого рода любезностями, осыпают всевозможными подношениями. Мне здесь дарили тюки чаю, заставили увезти с собой образцы всех кож и всех шкур. Это было одним из лучших путешествий за всю мою жизнь.

Пронёсся слух, что я охотник, и поэтому генерал Лан устроил для меня облаву в лесу верстах в тридцати от Казани, как говорили, богатом зайцами. В эту охоту убили сорок шесть зайцев, из них двенадцать были мои.

⁵ Ординарный профессор П. И. Котельников.

По возвращении нас ожидала добрая весть: пароход «Нахимов» прибыл и послезавтра отправляется в Астрахань, куда капитан обещал нас привезти через десять дней.

На следующий день, обременённые пятью-шестью тюками, мы простились с нашими казанскими друзьями и легли спать уже на борту корабля, который ночью 4 октября 1858 года снялся с якоря».

Выезжал Дюма из Казани, снабжённый письмом от Лана к его другу, генералу Беклемишеву, атаману астраханских казаков. В тот же день, 4 октября 1858 года, генерал-лейтенант Львов доносил в Петербург шефу жандармов:

«Секретно. Честь имею донести вашему сиятельству... французский писатель Александр Дюма, во время своего пребывания в Казани... не посещал никакого общества высшего круга — жил всё время в конторе общества «Меркурий» в самой отдалённой части города, посещал дом Жуковского, управляющего Казанскою комиссариатскою комиссией, которому был рекомен-

дован из С.-Петербурга, и часто по целым дням пребывал в семействе подполковника путей сообщения Лан; посетил университет, где два раза был приглашён на чай к ректору... и также делал визит к г-же начальнице Родионовского института... 4 октября Дюма отправился на пароходе через Самару в Астрахань, туда от меня предписано штаб-офицерам — самарскому и астраханскому иметь за Дюма секретное наблюдение...»

Почему же следили за французским писателем?

В 1840 году Дюма издал роман «Записки учителя фехтования», где увлекательно рассказывает о безумных потехах Анны Ивановны и интимной жизни Екатерины II, об убийствах Петра III и Павла I...

Неудивительно, что причин для слежки за писателем было более, чем достаточно. Когда шеф жандармов князь В. А. Долгоруков получил донесение из Казани, он довёл его до сведения императора, после чего появилась запись: «Должено его величеству 19 октября».

Н. Н. ЗИНИН

**ЕГО ИМЯ
ВПИСАНО
ЗОЛОТЫМИ
БУКВАМИ
В ИСТОРИЮ
ХИМИИ**

Зинин Николай Николаевич (1812–1880), выдающийся русский химик-органик, основатель казанской научной школы, родился 13 августа 1812 года в Закавказье, в г. Шуша Елизаветпольской губернии. Родители умерли от эпидемии, и мальчик воспитывался у дяди в Саратове, где закончил гимназию. Занимался Зинин упорно, экзамен сдал блестяще, удивив экзаменаторов своими способностями, памятью и глубокими знаниями, далеко выходящими за пределы курса. Летом 1830 года он едет в Казань для поступления в университет.

Зинин отлично выдержал приёмный экзамен и был зачис-

лен студентом математического факультета. Занимаясь в университете с огромным трудолюбием и настойчивостью, юноша обратил на себя внимание выдающимися способностями и успехами. За время учения в университете он получил две золотые медали: одну — при переходе на третий курс, другую — при окончании университета в июне 1833 года. Его как даровитого студента оставили при университете. Первоначально он преподавал аналитическую механику и гидравлику. Через год был назначен преподавателем химии, и ему было предложено готовиться к занятию кафедры химии.

В 1836 году Зинин блестяще защитил диссертацию и получил степень магистра естественных наук. Вскоре он был избран адъюнктом химии, в 1837 году утверждён в этом звании и получил двухгодичную командировку за границу, которая впоследствии была продлена ещё на один год. За границей Зинин слушал лекции в Берлине, Гиссене, углублял свои знания по химической технологии на заводах Франции, Швейцарии и Эльзаса. Осенью 1840 года возвратился в Россию и в 1841 году защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «О соединениях бензоила и об открытых новых телах, относящихся к бензоиловому ряду», после чего получил учёную степень доктора естественных наук.

Весной того же года Зинин вернулся в Казань и 5 июля был утверждён экстраординарным профессором по кафедре химической технологии. Зинин начал читать курс аналитической химии и курс химической технологии.

Великий русский химик А.М. Бутлеров вспоминал: «Лекции Н.Н. Зинина необыкновенно увлекательны. Его живая образная речь всегда ярко рисовала

в воображении слушателей всё им излагаемое; высокий, как бы слегка крикливый тон, чрезвычайно отчетливая дикция, удивительное умение показать рельефно важные стороны предмета — всё это увлекало слушателей, постоянно будило и напрягало их внимание... Он говорил обыкновенно стоя и с начала до конца держал слушателей под обаянием своей речи».

Эти лекции Зинин читал в новой химической лаборатории, которая по тогдашним временам вполне отвечала требованиям науки. Она «была одною из самых лучших в России, — пишет профессор Меншуткин, — и могла сравниться с любой западноевропейской химической лабораторией».

Химическая лаборатория Казанского университета вскоре становится центром химической мысли в России. Здесь совершает Зинин своё замечательное открытие — в первый же год по возвращении из-за границы он получает анилин из нитробензола.

Открытие Зинина имело неопределимое значение для развития органической химии и для химической промышленности. Его работа произвела огромное впечатление в учёном мире Европы.

Химическая аудитория Казанского Императорского университета

Никто, и менее всего сам Зинин, не предполагал, что открытие анилина положит начало новой отрасли промышленности.

«Никому и в ум не приходило, что новый способ получения анилинов сделается со временем основанием могущественной отрасли промышленности, — отрасли, которая, в свою очередь, неожиданно оказала столь пло-

дотворное воздействие на науку. Было сделано открытие, какие выпадают на долю лишь немногих счастливых. Если бы Зинин не сделал ничего более, кроме превращения нитробензола в анилин, то имя его и тогда осталось бы записанным золотыми буквами в историю химии», — писал впоследствии немецкий химик А.В.Гофман, основатель

красильной промышленности в Германии.

Открытие Зинина сыграло огромную роль в развитии синтетической химической промышленности, к сожалению, не в России, а в Германии. Бурно развивавшаяся синтетическая химическая промышленность Германии создала новые вещества, ещё не известные или не применявшиеся в широком обиходе. Изготавливались разнообразные лекарственные, ароматические и взрывчатые вещества. Особенно расцвела красильная промышленность — производство каменноугольных анилиновых красок.

Зинин работал в Казани до января 1848 года, когда его избрали профессором кафедры химии и физики Медико-хирургической академии г. Санкт-Петербург. Ввиду того, что химическая лаборатория академии была намного хуже, чем в Казанском университете, Зинин организовал домашнюю химическую лабораторию, в которой проработал 19 лет.

В Петербурге Зинин продолжает работы, начатые в Казани, и снова делает ряд открытий.

В 1853 году Н. Н. Зинин верно оценил взрывные свойства нитроглицерина как взрывчатого вещества и пытался внедрить его

в технику русской армии во время Крымской кампании, предложив артиллерийскому ведомству начинать гранаты вместо пороха нитроглицерином.

Однако этому помешала косность тогдашнего русского военного ведомства, и начавшиеся на полигоне опыты были прекращены, а введение нитроглицерина в технику и военное дело оказалось незаслуженно связанным с именем А. Нобеля, который, ранее живя в России, имел возможность узнать о работах Зинина.

Таким образом, вопреки общераспространённому мнению, что впервые нитроглицерин предложил применить в технике шведский инженер Альфред Нобель, эта честь принадлежит именно Н. Н. Зинину.

Н. Н. Зинин вместе с А. А. Воскресенским является зачинателем самостоятельной русской школы химиков. К числу его непосредственных учеников и сотрудников относятся великий А. Бутлеров, такие выдающиеся учёные, как А. П. Бородин, Н. Н. Бекетов, Л. Н. Шишков.

В 1865 году Зинин получает звание академика.

В 1867—1868 годах Николай Николаевич принимал активное участие в организации Русского

химического общества. В течение первых десяти лет существования этого общества Зинин — его президент, а затем — первый почётный член.

Зинин пользовался широкой известностью среди европейских учёных — он был членом-корреспондентом Французской Академии наук, Берлинского и Лондонского химических обществ.

Зинин имел обширный круг обязанностей и поспевал всюду. Вот как характеризует его А. П. Бородин: «Сильный духом и телом, вечно бодрый и весёлый, он умел делить своё время между аудиторией, кабинетом, канцелярией, бесчисленными заседаниями, комитетами и комиссиями, переходя непрерывно от одного дела к другому; отдых заключался для него, собственно, только в перемене занятий. Благодаря обширным сведениям и феноменальной памяти, он был живоюходячею справочною энциклопедией по всевозможным отраслям знания...».

До конца своих дней Зинин оставался передовым учё-

ным своего времени. Умер он в 1880 году — 68 лет от роду.

Имя Н. Н. Зинина прочно вошло в историю русской науки. И ещё раз обратимся к оценке А. М. Бутлерова роли своего учителя в мировой науке: «Зинину обязана русская химия своим вступлением в самостоятельную жизнь... Его труды впервые представили учёных Западной Европы отвести русской химии почётное место».

Казань помнит заслуги этого замечательного ученого — одна из улиц Вахитовского района Казани носит его имя; на здании Научно-исследовательского химического института им. А. М. Бутлерова (ул. Кремлёвская, университетский городок), где создавалась слава казанской химической школы и где работал Зинин, установлена мемориальная доска. В исторической «Бутлеровской аудитории» находится портрет Н. Н. Зинина, его труды, в начале XX века решением Совета университета здесь установлен бюст учёного. Сохранена для потомков и уникальная химическая лаборатория.

АЛЕКСАНДР II

ИМПЕРАТОРСКИЙ СЛЕД В КАЗАНИ

Мы уже говорили о том, что Казань удостаивали своим посещением главы или будущие главы Российской империи. В их числе был и Александр II — один из немногих правителей на Руси, который ещё при жизни получил прозвище «Освободитель».

Это в период его правления отменено крепостное право, проведены университетская и судебная реформы, введено местное самоуправление в городах и сельской местности, построены Невский машиностроительный и Обуховский заводы в Петербурге, текстильные фабрики в Москве, осуществлена финансовая реформа, создан государственный банк,

значительное развитие получили железные дороги, военные реформы, создана новая русская армия. Многие сделано им и в области внешней политики России.

ЗНАКОМСТВО С КАЗАНЬЮ

Уже во время своего первого трёхмесячного путешествия по России в 1837 году молодой Александр со своим отцом-императором Николаем I побывал в главных губернских городах, в том числе и в Казани. Первый визит будущего императора в наш город пришёлся на 21 июня. В путешествии молодого цесаревича сопровождал руководивший его образованием и воспитанием

поэт В. А. Жуковский (вот почему вместо привычной Поперечно-Грузинской на карте города появилось потом новое название улицы — Жуковского, в честь русского поэта-романтика и переводчика Василия Андреевича Жуковского). К заслугам воспитателя-поэта перво-наперво следует отнести то, что, пользуясь собственным авторитетом, он настойчиво ограждал юношу от разрушительного влияния придворной среды. Прикладывая максимум усилий, Жуковский всячески старался избавить наследника престола от тех постулатов, которые пытался вложить в его голову отец. По убеждениям Николая I, царю следует видеть в своём народе только полк, Отечество же стоит воспринимать как казарму и не что иное. Мудрый наставник сосредоточил всё внимание юноши на изучении разных наук и языков. И его подопечный вбирал в себя такого рода знания довольно успешно. В свои девятнадцать Александр знал уже пять языков (русский, французский, немецкий, английский и польский), умело оперировал математическими терминами, шутя расправлялся с задачками по физике, весьма неплохо знал естественную

историю, географию, статистику и правоведение, имел кое-какое представление о военной науке.

Как свидетельствуют исторические документы, когда Александр в числе прочих гостей прибыл в Казань, он встречался с профессорами университета А. К. Казем-Бекем, К. Ф. Фуксом, ректором Н. И. Лобачевским. Кроме всего прочего, Александр почтил своим визитом физический и химический корпусы и библиотеку университета, побывал на занятиях в гимназии, в училище кантонистов (где получали образование солдатские сыновья), в казанском театре слушал оперу А. Н. Верстовского «Аскольдова могила». Не погнушался столь высокий гость и посещением больниц, монастырей, нанёс визиты представителям местных властей. Спустя три дня, 23 июня, Александр с отцом покинули гостеприимный город.

Второй раз Александр прибыл в Казань 27 августа 1871 года уже в качестве законного правителя России Александра II, сам теперь сопровождаемый сыновьями — наследником престола цесаревичем Александром Александровичем и великим князем Владимиром Александровичем. Прямым из Нижнего

Казанский Родионовский институт благородных девиц

Новгорода в Казань императорскую свиту доставил меркурьевский пароход «Цесаревна Мария». Излишне говорить о том высоком гостеприимстве, с которым казанцы встречали российского правителя. Первое, что сделал Александр II, снова очутившись в Казани, посетил Благовещенский собор, где приложился к иконам местных святых. Затем император проследовал во дворец в Кремле, после удостоил вниманием Родио-

новский институт благородных девиц (ныне суворовское училище — ул. Толстого, 14). В институте его встретили особенно тепло. Император чинной походкой проследовал вдоль цепочки воспитанниц на лестнице и далее, по ходу движения почётных гостей, вплоть до самой церкви. При входе в храм высокий гость приложился к святому кресту (хор воспитанниц исполнял при этом «Спаси, Господи, люди Твоя»). Затем Александр II по-

Мариинская женская гимназия

сетил Мариинскую женскую гимназию (ныне школа №6 — ул. Рахматуллина, 2) и крещёно-татарскую школу (ныне дом по ул. Н. Ершова, 20), после чего принял участие в инспекторском смотре на Арском поле, где в его честь состоялось показательное выступление войск с односторонними манёврами. В тот же день после парадного обеда во дворце (приглашения на который получили только самые почётные люди города) вы-

сокие гости покинули Казань и отправились вниз по Волге.

Императору Александру II оставалось править Россией ещё десять лет...

ПАМЯТНИК АЛЕКСАНДРУ II

В марте 1881 года Александр II погиб от бомбы, брошенной в него народовольцем Гриневецким. Спустя месяц казанская Дума приняла решение: соорудить в городе памятник Александру II. По России был объявлен

Памятник императору Александру II

конкурс на лучший проект будущего памятника и открыта подписка для сбора пожертвований на его строительство. Из трёх более или менее достойных проектов был выбран один, его автором оказался академик Владимир Осипович Шервуд (ему же принадлежит идея памятника гренадёрам-героям Плевны в Москве). Торжественное открытие казанского памятника Алек-

сандру II состоялось 30 августа 1895 года. Новый объект культуры разместился на Ивановской площади напротив городского музея и здания городской Думы (примерно на том месте, где сейчас находится памятник Мусе Джалилю). Скульптор изобразил Александра II в весьма величественной позе, во весь рост, с накинутой на плечи порфирой, взгляд императора был обра-

щён к Спасской башне Кремля, и надпись, увенчанная гирляндами из дубовых и лавровых листьев, гласила: «Александр II, Царю-Освободителю». По углам нижней части памятника расположились бронзовые фигурки, изображавшие Зиланта (герб Казани) в окружении всё тех же лавровых гирлянд и венков. Сам памятник был отлит из бронзы на московской фабрике Постникова, гранитный же постамент изготовлен мраморщиком Захаровым из кварцевого песчаника, добытого в каменоломнях Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. В целом такое удовольствие обошлось городу в сумму свыше сорока тысяч рублей (стоит принять во внимание, что основная их часть была собрана народом). Однако до наших дней монументу, отлично вписавшемуся в городской интерьер, не суждено было дожить. После Октябрьской революции большевики варварски поступили с ним: памятник Александру II, равно как и памятник Державину, был разрушен. Бронза от монументов пошла на изготовление тормоз-

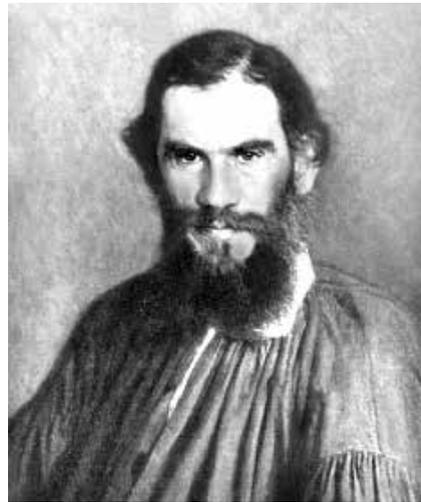
ных втулок для трамвайных колес. Что же касается постамента памятника Александру II, то после Великой Отечественной войны 1941—1945 годов он ещё долго «украшал» склон оврага у Спасских ворот Кремля.

НЕ ТАК УЖ МЫ И ПЛОХИ

И всё же стоит констатировать: здравый смысл, хотя и медленно, но возвращается в наше общество. Не так давно в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга об Александре II. Сегодня в Санкт-Петербурге на канале Грибоедова (место, где был убит император) стоит храм Спаса-на-крови, недавно реконструированный. В главном иконостасе храма — икона Казанской Божьей Матери, хранительницы дома Романовых, выполненная в мозаике. На одном из куполов той церкви, среди множества российских гербов, есть и герб Казани — символ, олицетворяющий жителей города, скорбящих о гибели императора, одной из самых значительных фигур в российской истории.

Л. Н. Толстой

ПОИСКИ ЦЕЛИ ЖИЗНИ

После смерти родителей опекуном осиротевших юных Толстых стала их родная тётка — казанская помещица Пелагея Ильинична Юшкова. В 1841 году Л. Н. Толстой с братьями и сестрой переехал в Казань и поселился у неё (ныне ул. Япеева, 15).

Казань для Л. Н. Толстого была городом хорошо знакомым. Его прадед служил здесь воеводой, дед, Илья Андреевич Толстой (1757—1820), был казанским губернатором (1815—1820), он и похоронен на кладбище Кизического монастыря¹. Отец, Николай

Ильич, участник Отечественной войны 1812 года, выйдя в отставку, тоже поселился здесь, а его сестра, Пелагея Ильинична, вышедшая замуж за отставного гусарского полковника, казанского помещика В. И. Юшкова, постоянно жила в Казани с 1817 года. Старшие братья Льва учились в Казанском университете, а сестра Мария — в Родионовском институте благородных девиц. Для Льва Николаевича были открыты двери всех аристократических домов Казани.

В 1844 году 16-летний Лев Толстой поступил в Казанский университет на философский факультет по разряду восточной

¹ Могила И. А. Толстого — единственная сохранившаяся могила на бывшем кладбище Кизического монастыря.

словесности, но вскоре перешёл на юридический факультет, где его увлекли лекции профессора Д.И.Мейера. Именно у него Л.Н.Толстой стал серьёзно заниматься наукой.

Профессор Казанского университета Д.И.Мейер, кстати, организатор первой юридической консультации в Казани, пишет о Льве Толстом: «...у него такие выразительные черты лица, умные глаза, что я убеждён, что при доброй воле и самостоятельности он мог бы сделаться замечательным человеком». Сохранился портрет Толстого-студента, выполненный карандашом. На нём молодой гений изображён в профиль, в студенческом мундире, без бороды и усов. По хронологии это первый портрет Льва Толстого.

Где обитал тогда студент и якобы будущий юрист? В 1845 году княгиня Юшкова сняла дом Киселевского на окраинной улице Арского поля (сейчас этот дом по ул. Толстого, 25/68 отмечен мемориальной доской, как и иные толстовские места в Казани). Лев Николаевич занимал здесь комнату. В комнате Л.Н.Толстого всё чаще происходили споры на извечные темы: в чём смысл жизни, в чём её правда?

Дом Горталовых, где жил Л.Н.Толстой

И, как выясняется, на тихой улочке Арского поля жил не такой уж беспечный студент юридического факультета Казанского университета, каким многие годы пытались изобразить его историки. Толстой-юноша получал здесь первые жизненные уроки, здесь у него зародились ростки того презрения к праздности дворянского общества, срывание масок с которого впоследствии стало смыслом его неистовой, титанической писательской и общественной деятельности.

Именно в Казани Толстой-юноша активно включается в культурную жизнь города. Он становится постоянным посетителем двух книжных магазинов,

Улица Воскресенская

расположенных на улице Воскресенской (ныне ул. Кремлёвская), где была широко представлена русская и иностранная литература. Здесь, вероятно, он и приобретал прочитанные им в студенческие годы книги А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье... В это время Л. Н. Толстой посещает концерты итальянского тенора Джованни Рубини, спектакли драматической труппы Е. Стрелкова. Огромное впечатление произвело

на Л. Н. Толстого участие в этих постановках замечательного русского артиста А. Е. Мартынова. Особенно неотразим, по мнению Л. Н. Толстого, был А. Е. Мартынов в роли Хлестакова. «За всю свою жизнь, — утверждает писатель уже в старости, — я не видел актёра выше Мартынова».

Кроме всего прочего, Лев Толстой был постоянным посетителем салона директрисы Института благородных девиц Е. Д. Загоскиной, где собирались любители музицировать и петь

(ул. Толстого, 14). Салон был известен тем, что организовывал концерты в залах института и университета. Порою там звучала музыка М.И.Глинки, В.Беллини, Ф.Кальбреннера. Правда, сам Лев Николаевич в числе исполнителей не фигурировал, зато участвовал в постановках водевилей и драматических сцен. Так, в программе университетских концертов числилось два водевиля, оперетта «Кетли» и драма «Матрос». Но совершенно исключительный успех имел вечер «живых картин», состоявшийся в том же зале 19 апреля 1846 года. Согласно документам, в «картинах» принимали участие порядка сорока человек, в том числе Сергей, Лев и Мария Толстые. Афишу того вечера Л.Н.Толстой бережно хранил всю жизнь. Как отмечает писатель, актовый зал Казанского университета навсегда запомнился ему как свидетель его первого сценического успеха.

Стремясь к развитию своих способностей, самоанализу и нравственному усовершенствованию, Лев Николаевич начинает вести в Казани дневник. По всей видимости, такая необходимость назрела. «Я ни-

когда не имел дневника, потому что не видел никакой пользы от него, — пишет он. — Теперь, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития». И новая запись: «Хотя я уже много приобрёл с тех пор, как начал заниматься собою, однако ещё всё я весьма недоволен собою. Чем далее продвигаешься в усовершенствовании самого себя, тем более видишь в себе недостатков». И далее: «Упала завеса, и я увидел этот таинственный, загадочный мир и спросил себя: что я есть на этой земле?».

В 1847 году старший из братьев Толстых, Николай, завершил учёбу в университете. Не окончив второй курс юридического факультета университета, покинул Казань и Лев, получивший в наследство Ясную Поляну. Подписал его прошение об отчислении ректор университета И.М.Симонов. Узнав об этом, помощник попечителя учебного округа Н.И.Лобачевский при встрече со Львом Толстым произнёс: «Было бы очень печально, если бы Ваши выдающиеся способности не нашли себе применения».

За несколько дней до отъезда Л.Н.Толстой прямо ставит

на страницах дневника вопрос: «Какова цель жизни человека?». И тут же пытается ответить на него: «Я был бы несчастливейшим из людей, если бы не нашёл цели для моей жизни — цели общей и полезной. Теперь же жизнь моя будет вся стремлением деятельным и постоянным к этой одной цели». Юноше шёл тогда девятнадцатый год... Он твёрдо верил в успех выбранного им пути.

Много событий пришлось пережить бывшему казанскому студенту. И впечатления отрочества и юности наложили отпечаток на всю жизнь Толстого. Впоследствии Лев Николаевич запишет в своём дневнике, что здесь, в Казани, при всей внешней пустоте великосветской жизни, он в первый раз понял, что ему надо жить самому, самому избирать путь, самому отвечать за свою жизнь перед тем началом, которое дало её.

Уехав из Казани, Лев Николаевич впоследствии посещал её трижды. Проездом на Кавказ в 1851 году он навестил В. И. Юшкову, начальницу Родионовского института Е. Д. Загоскину. Заезжал он в наш город ещё и в 1862, и в 1876 годах.

Уехав из Казани и став всемирно известным писателем, Лев

Толстой не забывал Казань, где он родился как личность и где у него возникла потребность стать писателем. Как Лобачевский открыл новые горизонты для геометрии и нашего мышления, так и Толстой создал неевклидову геометрию человеческой духовности. Истоки его гения не только в генах, но и в атмосфере, окружавшей молодого Толстого. А она связана с Казанью, с культурой города, где прошла его юность и происходило духовное становление.

Казанцы хотели знать как можно больше об этом неординарном человеке, желали поближе познакомиться с его идеями и произведениями. Одна из статей, посвящённых этой теме, называется «Лев Толстой и татары» (автор А. Ахунов, газета «Татарский мир», сентябрь 2003 года). Воспользуемся отдельными выдержками из этой статьи.

Казанские татары не остались в стороне от процесса изучения и популяризации идей Льва Толстого. Переписка Льва Толстого с татарами почти полностью вошла в 90-томное собрание сочинений писателя. О чём же писали татары выдающемуся писателю? Как правило, спрашивали разрешения на публикацию его

произведений, другие выражали ему своё восхищение его творчеством, его твёрдой позицией в противостоянии с официальной православной церковью, их интересовало отношение гениального писателя к исламу.

Перед уходом из жизни Лев Толстой со всё большим расположением относился к исламу и мусульманам. В связи с этим любопытно письмо Е.Е.Векиловой, в котором она просит Толстого дать совет двум её сыновьям, желающим перейти из православия в ислам. Толстой в ответ пишет: «...Я могу только всею душой почувствовать такому переходу... для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтёт магометанство с признанием одного догмата единого Бога и его пророка вместо сложного и непонятного богословия — троицы, искупления, таинств, богородицы, святых и их изображений и сложных богослужений...».

В 1899 году состоялась продолжительная встреча между Львом Толстым и татарским писателем, общественным деятелем Фатихом Карими.

В 1901 году похожая встреча произошла с писателем, только что окончившим татарскую учительскую школу, в будущем известным лидером татарского национально-освободительного движения Садри Максуди. Эта встреча в Ясной Поляне длилась три часа.

Но самая интересная встреча в 1908 году состоялась у Льва Толстого с Гайнанутдином Ваисовым, одним из руководителей ваисовского движения. Гайнанутдин Ваисов пробыл в Ясной Поляне три дня. Внимание Льва Толстого привлекали духовные корни ваисовского движения, поэтому, естественно, в их беседах нередко упоминались вопросы исламской веры. При встрече Лев Николаевич показал Г.Ваисову блестящее знание Корана и расспрашивал лидера движения об его отношении к тем или иным теологическим толкованиям исламского вероучения. Беседы с вождём ваисовцев показали, что суть их движения не в реформе ислама, а в глубоких политических и социально-эконо-

Бюст Л. Н. Толстого

мических преобразованиях в среде мусульманского общества. Впоследствии писатель отмечал в дневнике, что «не совсем усвоил, в чём их религиозное жизненепонимание». Лев Толстой так и не узнал о трагической гибели Гайнанутдина Ваисова: о ссылке, об увлечении мусульманским социализмом, об участии в революции в союзе с большевиками в 1917 году и гибели 28 февраля 1918 года² в дни так называемой «Забулачной республики».

Казанский период жизни Л.Н.Толстого нашёл отражение в его произведениях. Это рассказы «После бала», «Утро помещика», автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность».

...Сегодня портрет гениального писателя украшает актовый зал Казанского (Приволжского) федерального университета. Па-

мять о нём хранят многие места нашего города.

В сквере рядом с домом, в котором некогда жил студент Толстой, в 1949 году установлен бюст писателя, исполненный скульптором В.В.Пинчуком. Лев Николаевич задумчиво вникает бурному ритму современного города, он снова в самой гуще студенческой жизни, так как рядом расположено несколько казанских вузов. А улица, проходящая через «толстовский» сквер, носит имя писателя.

Вернёмся к старому дому на улице Япеева, с которого и начался наш рассказ о пребывании Льва Николаевича Толстого в Казани. Сегодня в этом доме, в бывшей усадьбе Дедевой-Горталова согласно подписанным документам, расположился музейно-образовательный центр имени Л.Н.Толстого. «Дом Горталова против острога», как обозначил его Лев Толстой в «Первых воспоминаниях», дом, где он жил со своими родными в 1841–1845 годах.

² Похоронен Гайнанутдин Ваисов в Казани, в парке Горького, рядом с бойцами, павшими за Советскую власть в августе-сентябре 1918 года.

А.М. БУТЛЕРОВ

**«СДЕЛАЛСЯ
ХИМИКОМ
НЕ В ЧУЖИХ
КРАЯХ,
А В КАЗАНИ»**

С Казанью связана большая часть жизни великого учёного, творца химической школы Александра Михайловича Бутлерова. Он родился 25 августа 1828 года в городе Чистополь. Восьми лет был привезён в Казань, в частный пансион Топорнина, помещавшийся на Верхне-Фёдоровской улице (ныне ул. Пушкина). В этом пансионе и началось первое знакомство Александра Бутлерова с химией. После одного из неудачных опытов, закончившегося взрывом, на грудь юного Бутлерова педагоги повесили чёрную доску с иронической надписью «Великий Химик». Как это нередко бывает, сама жизнь

изобличила «изобретательность» педагогов, ибо их ирония стала впоследствии воплощённой действительностью. Когда пансион Топорнина сгорел, Бутлеров поступил в известную Первую гимназию (ныне ул. К.Маркса, 10). Юноша отличался живым и приветливым характером, преподаватели ценили его выдающиеся способности. Учение давалось ему легко, экзамены он сдавал отлично. Гимназию А.М.Бутлеров закончил в 1844 году.

В 1845 году А.М.Бутлеров стал студентом естественного отделения физико-математического факультета университета. Химией в университете он зани-

Казанский университет

мался с особенной любовью, отдавая предмету большую часть своего времени, и это неудивительно, ведь преподавателями тогда были известные учёные К.К. Клаус и Н.Н. Зинин. Сами с увлечением занимаясь химией, они умели заинтересовать ею и слушателей. Их влияние, несомненно, решило судьбу А.М. Бутлерова. Именно наставники и внушили молодому студенту беспредельную веру в избранную им науку.

В 1849 году А.М. Бутлеров окончил Казанский университет со степенью кандидата. Руководство факультета, давая характеристику А.М. Бутлерову, писало: «факультет совершенно уверен, что он своими познаниями, дарованием, любовью к наукам и химическим исследованиям сделает честь университету и заслужит известность в учёном мире».

Преподавательскую работу 22-летний А.М. Бутлеров сочетал с энергичной научной

Химическая лаборатория Казанского университета

деятельностью. Уже в следующем, 1850 году, он успешно сдал экзамен на степень магистра химии, ещё раз блеснув глубокими теоретическими знаниями.

Вскоре Совет университета избрал А.М.Бутлерова адъюнктом по кафедре химии. Бутлеров показал себя талантливым преподавателем. Вот что пишет

в своих воспоминаниях писатель П.Боборыкин, бывший тогда его слушателем: «Для многих из нас Бутлеров представлялся чем-то совершенно выделявшимся из профессорской братии — и по внешнему виду своему, и по манере держать себя, и по голосу, помимо уже чисто умственных качеств. Его появление в ау-

дитории внесло с собою нечто оживляющее, точно праздничное, чрезвычайно интересное само по себе».

В 1853 году в Московском университете Бутлеров блестяще защитил диссертацию и получил докторскую степень.

1850–1857 годы можно считать началом яркой научной деятельности А. М. Бутлерова: именно в этот момент он упорно стремится к совершенствованию на избранном поприще, добивается успехов в области химии, приобретает всё более глубокие познания.

В 1857 году Бутлеров отправился в заграничную научную командировку. Живой, любознательный, свободно владевший немецким и французским языками, он извлёк из многочисленных знакомств с выдающимися европейскими учёными большую пользу для своего научного развития.

С новой энергией А. М. Бутлеров принимается за научную работу и в короткий промежуток времени выпускает одно за другим несколько первоклассных исследований. У него созревают новые идеи о химическом строении органических тел. Бутлеров чувствует необходимость

обменяться своими взглядами с европейскими учёными. Он получает вторую заграничную командировку и в 1861 году вновь посещает лучшие лаборатории Германии, Франции и Бельгии. В Германии Бутлеров сделал знаменитый доклад «О химическом строении тел», где смело выступил с изложением своих взглядов, которые легли в основу современной теории химического строения органических соединений. Успех принёс учёному уверенность в необходимости дальнейшей научной работы.

Приехав в Казань, Бутлеров почти два года работает над учебником. Книга «Введение к полному изучению органической химии» вышла из печати тремя выпусками в 1864–1866 годах. Она вызвала настоящую революцию в химической науке, была издана на всех основных европейских языках. Известный химик А. М. Зайцев писал, что «эта теория явилась в руках всех химиков той нитью Ариадны, которая их проводит в запутанном лабиринте природных веществ».

Выдающаяся роль в создании нового направления в химии и важнейшие по своему научному значению экспериментальные работы принесли Бутлерову

А. М. Бутлеров с сотрудниками лаборатории органической химии Казанского университета. 1867–1868

громкую известность в России и за границей. Он становится одним из самых передовых европейских химиков.

В 1867 году Совет Петербургского университета, по предложению Д. И. Менделеева, обратился к Бутлерову с предложением занять кафедру органической химии. К великому огорчению казанских коллег Бутлеров принял это предложение. В конце 1868 года Казанский университет прощался со своим талантливым питомцем, тогда же Совет

Казанского университета избрал его своим почётным членом.

Так закончился казанский период жизни и деятельности А. М. Бутлерова.

С Петербургским университетом связаны 16 лет его деятельности.

Жизнь А. М. Бутлерова оборвалась в 1886 году. Похоронен он в своём имении в селе Бутлеровка, располагавшемся недалеко от Камы (ныне село Бутлеровка Алексеевского района Республики Татарстан). А. М. Бутлеров

умер 58 лет от роду, в звании академика, заслуженного профессора Петербургского университета и Высших женских курсов. Александр Михайлович состоял почётным членом Казанского, Московского, Киевского университетов, Военно-медицинской академии и др., был членом нескольких учёных обществ Европы и Америки. Известие о смерти А.М.Бутлерова вызвало искреннюю и глубокую скорбь в российском обществе.

В Казани бережно хранят память о своём земляке — А.М.Бутлерове. Имя Бутлерова носит одна из улиц Вахитовского района Казани. Дом, где жил великий химик в 1852–1864 годы (ул. К.Маркса, 27/11), отмечен мемориальной доской. Установлена мемориальная доска и на здании Научно-исследовательского химического института им. А.М.Бутлерова (ул. Кремлёвская, университетский городок), где в полукруглой аудитории, которая носит название «Бутлеровской», сохранилось всё в том виде, как было при жизни целой плеяды казанских учёных, труды которых составляют золотой фонд мировой

химической науки. В начале XX века в ней установлен бюст А.М.Бутлерова. Там же в соседней комнате — химическая лаборатория, оборудованная им по последнему слову химической технологии того времени. За стеклянными дверцами шкафа, как драгоценные реликвии, хранятся пробирки с препаратами, сделанными руками Бутлерова, его огромная библиотека. В сентябре 1978 года, во время всесоюзной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения А.М.Бутлерова, в Казани состоялось торжественное открытие монументального памятника выдающемуся учёному в сквере неподалёку от университета (скульптор Ю.Г.Орехов, архитекторы В.А.Петербуржцев, В.А.Степанов), ректором которого Александр Михайлович Бутлеров был с 1860 по 1863 год.

Такие люди, как А.М.Бутлеров, по праву могут быть названы великими. Его научные открытия, уникальные разработки, положившие начало современной органической химии, принадлежат мировой науке, они не должны быть забыты благодарным человечеством.

А. П. ЩАПОВ

ОН ВИДЕЛ БУДУЩУЮ РОССИЮ КАК ФЕДЕРАЦИЮ

Выдающийся историк, публицист Афанасий Прокофьевич Шапов был яркой фигурой русского общества 60-х годов XIX века. «Жизнь Шапова включает в себе столько поучительного, что не мешало бы лишний раз напомнить о нём читателям и противопоставить её безмятежному житию наших официальных учёных», — писал о нём Г.В.Плеханов. А вот как образно и ярко говорил о Шапове А.И.Герцен: «Ваш свежий голос, чистый и могучий, теперь почти единственный, отрадно раздаётся среди разбитых и хриплых голосов современных русских писателей и глубоко западает в душу».

Родился А.П.Шапов в селе Анга Иркутской губернии в семье бедного деревенского дьячка в 1831 году. Мать его была буряткой. Мальчик рос в нищете. Учился он на казённый счёт в бурсе (закрытое духовное учебное заведение), затем в духовной семинарии, которую блестяще закончил в 1852 году. На казённый счёт А.П.Шапова отправили в Казанскую духовную академию, где готовили миссионеров для распространения православия среди «восточных» инородцев. Здесь он защитил свою диссертацию «Русский раскол старообрядства» и как лучший из выпускников был оставлен

Духовная академия

в академии при кафедре русской истории.

Вместе с чтением лекций Щапов принимал деятельное участие в организации воскресных школ, хлопотал об учреждении общества для распространения грамотности. Постепенно, под влиянием передовых людей и работы над собой, укреплялось его воззрение и окончательно оформлялись демократические взгляды.

Осенью 1860 года Щапов уже преподаёт на кафедре русской истории Казанского университета. Сохранилось воспоминание об этой поре одного из студентов университета: «На первую лекцию собралось народу столько,

что в большой 7-й аудитории не хватило места. Перешли в актёрский зал. Появился весь учёный совет с попечителем во главе. Перед взорами толпы появилась фигура величественная, при всей своей внешней простоте. С первых же слов лектора вся масса, точно морская волна, набегающая на берег, как-то разом подалась вперёд, и Щапов стоял на своей кафедре, окружённый студентами. Со всех сторон было неподдельное внимание, наэлектризованное вдохновенной речью, затаившее дыхание. В своей лекции будущая Россия представлялась ему в виде федерации отдельных областей, пользующихся

Актовый зал Казанского университета

широким самоуправлением. Он говорил о развитии политического, народного самосознания и самообразования, об идее политического и народного самоуправления.

Онемевшая толпа расступилась перед ним с инстинктивным почтением. И вдруг раздался страшный гром рукоплесканий. Профессора и сам попечитель делали то же. С этих пор Шапов сделался кумиром студенческой массы. С тех пор, когда читал лекции Шапов, все остальные

профессора прекращали свои лекции; клиника и анатомический театр пустели».

А вот рассказ другого слушателя: «Шапов увлекал студентов неслыханной своей откровенностью, искренностью и смелостью. Раз в конце чтения он заявил, что на следующей лекции станет говорить о декабристах. И опять 7-я аудитория была битком набита... Он начал говорить с такой свободой и интересными подробностями. Эту лекцию Шапов закончил стихами:

*Иной восстанет
 грозный мститель,
Иной родится мощный род;
Страны своей освободитель,
Проснётся дремлющий народ.*

Восторженный взрыв рукоплесканий и криков проводил смельчака-доцента».

Это был тогда почти единственный в России факт прочтения лекции о декабристах. Лекция А. П. Щапова о конституции также произвела огромный фурор. Такие воззрения ставили Щапова в ряды лучших передовых людей своего времени и вызывали восхищение смелостью этого человека.

Щапов пробыл в Казанском университете лишь один учебный год (с 1860 по 1861). 12 апреля 1861 года он подаёт прошение о командировке в Москву и Петербург для знакомства с другими профессорами русской истории, такими, как С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, их практическими методами преподавания. Но произошло событие, которое изменило всю его последующую жизнь. «Положение» 19 февраля 1861 года о крестьянской реформе было опубликовано 5 марта. Оно было своеобразно истолковано крестьянами. Крестьяне от-

казывались от барщинных работ и уплаты оброков, кое-где захватывали помещичьи земли и леса. Один из трагических эпизодов произошёл в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, где объявился «толкователь» этого «Положения» — Петров. В Бездне собралось около пяти тысяч человек, так как разнёсся слух, что «царский посол» будет объявлять «настоящую волю». На подавление крестьянского волнения были посланы войска. Командующий войсками дал приказ стрелять в народ. Жертвами стали более 350 человек, из них 57 были убиты. Когда слух о кровавой расправе над крестьянами распространился в Казани, студенты университета и духовной академии устроили панихиду в кладбищенской церкви. Это событие осталось в истории как «Куртинская панихида». По её окончании взволнованный А. П. Щапов со слезами на глазах произнёс яркую речь по убитым крестьянам, которую закончил словами: «...вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»

На другой же день ректор предложил Щапову подать в отставку. Казанские власти, опасаясь

выступлений демократического студенчества, не решились открыто арестовать Щапова. Сам он решил поехать в Петербург для личных объяснений. Но уже в Нижнем Новгороде Щапова арестовали. Так окончился его казанский период жизни.

В Петербурге А. П. Щапова доставили прямо в III отделение на допрос, но вскоре он был освобождён и короткое время работал чиновником в Министерстве внутренних дел России. Затем последовало постановление о ссылке Щапова в монастырь. Когда стало известно это решение царя, поднялись ропот и возмущение. Писатели во главе с Н. Г. Чернышевским составили протест в защиту Щапова. Царь уступил и своим решением от 19 февраля 1862 года «соизволил простить», разрешив не отсылать Щапова в монастырь. Вскоре Афанасий Прокофьевич был уволен из Министерства внутренних дел России.

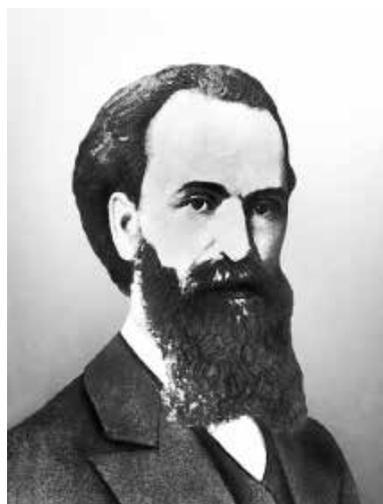
В 1861–1864 годах Щапов сотрудничал с журналами «Век», «Современник», «Отечественные записки» и «Русское слово». В конце концов опального журналиста сослали в Сибирь, «на

место родины», в село Анги Иркутской губернии, куда он и прибыл весной 1864 года, но затем ему разрешили поселиться в Иркутске. Правительство крепко держало Щапова вдали от культурных центров России, не давая ему возможности работать там.

Умер Афанасий Прокофьевич 27 февраля 1876 года от чахотки в возрасте 45 лет, в страшной нищете.

В Казани сохранилось здание бывшей духовной академии, где учился, жил и преподавал А. П. Щапов (ул. Н. Ершова, 2). Сохранилась и церковь на Арском кладбище, где проходила панихида по убитым в Бездне крестьянам. Казанцы помнят о своём благородном соотечественнике: одна из улиц Вахитовского района названа его именем.

Историк-демократ, А. П. Щапов именно в Казани сформировался как передовой учёный, сыгравший важную роль в пробуждении сознания молодого поколения. Он и сегодня близок нам глубоким патриотизмом, любовью к народу, яркой идеей широкого просвещения народа, построения нового, подлинно демократического общества.

*П. Ф. ЛЕСГАФТ***ОСНОВАТЕЛЬ
УЧЕНИЯ
В ОБЛАСТИ
ФИЗИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

Пётр Францевич Лесгафт родился в Санкт-Петербурге в 1837 году в семье ювелира. Отец отдал сына учиться в аптеку, но мальчику эта деятельность оказалась не по душе, и он сбежал оттуда. Рассерженный отец решил больше не заниматься его воспитанием, и юный Лесгафт вынужден был отныне сам «протаптывать» дорогу в жизнь. Что касается учёбы, то здесь у него не было проблем. Благодаря поддержке брата Александра удалось сдать досрочно программу за несколько классов гимназии. Учебное заведение Пётр Лесгафт окончил с серебряной медалью.

По окончании гимназии он поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Начал жить самостоятельно, зарабатывать на существование уроками. Впрочем, иногда судьба оказывалась к нему не так уж благосклонна, и молодому учителю приходилось голодать. Но даже это обстоятельство не побуждало в молодом Лесгафте желания обратиться за помощью к отцу.

С увлечением и необычайной трудоспособностью занимался Пётр в академии. Среди его преподавателей были знаменитые профессора – химик Н. Н. Зинин и анатом В. Л. Грубер. После

окончания учёбы (1861) Лесгафта оставили в академии преподавать анатомию. Обучавшаяся у него Вера Фигнер (бывшая воспитанница казанского Родионовского института благородных девиц) характеризует его так: «Независимый по характеру, страстно любящий свою науку. Сильный и добрый. Простой и серьёзный».

Осенью 1868 года Пётр Лесгафт был избран на кафедру физиологической анатомии в Казанский университет. Профессор университета Н.А.Виноградов по прошествии года работы с Лесгафтом писал: «Он превзошёл все ожидания, какие факультет мог иметь, основываясь на существовавших уже сведениях о преподавательских Лесгафта способностях... Лесгафт соединяет ту энергию при чтении своих лекций, которая свойственна лишь истинному знанию и глубокой преданности предмету. Несмотря на то, что лекции читаются 3 часа, аудитория постоянно полна». А вот впечатление, которое он произвёл на одну из своих слушательниц-студенток: «Удивительно обаяние личности Петра Францевича. Он читает анатомию. Что может быть суше её?

И однако час проходит незаметно, аудитория, переполненная и неподвижная, слушает лекцию с неослабленным интересом. Глубокая почтительность со стороны студентов окружает Петра Францевича. Это центральная фигура для первокурсников: гроза и вместе с тем любимец».

Пётр Францевич по праву может считаться одним из первых организаторов высшего женского образования в России. Ещё в начале своей педагогической деятельности, несмотря на существовавшие ограничения и запреты, он проводит занятия в анатомическом театре.

Такая независимая натура, как Лесгафт, полная энергии, стремлений к новым формам жизни, не могла не встретить противодействия со стороны консервативно настроенной профессуры. Деятельность его в Казанском университете продолжалась около трёх лет и закончилась эпизодом, который известен как «лесгафтовская история».

Новый устав университета, введённый в 1863 году, предусматривал некоторую автономность учебного заведения. Была установлена выборность ректора, благодаря чему увеличивалось значение Совета как

Анатомический театр Казанского университета

коллегии, самостоятельно решающей университетские дела. Но всё это свелось к нулю попечителем учебного округа Шестаковым, человеком консервативных взглядов. Его политика, нарушающая принципы нового устава, вызвала негодование Лесгафта, и он в конце концов не побоялся выступить в январе 1871 года в «С.-Петербургских ведомостях». Статья была направлена

преимущественно против попечителя и обличала новые порядки в Казанском университете. Так как подписи под ней не значилось, решительных мер в отношении Лесгафта принять не осмелились. Осенью того же года в газете появилась вторая статья Лесгафта (на этот раз за полной его подписью) под заголовком «Что творится в Казанском университете». Начиналась она

следующими словами: «Если от произвола и беззакония действий нет защиты, если отказываются не только разбирать, но и слушать о том, что делается, остаётся одно — прибегнуть к гласности». Далее Лесгафт указывал на злоупотребления в университете: «Приведённые факты ясно убеждают, что и в коллегиальном учреждении могут быть ослаблены нравственные отношения между членами его, как скоро нет гласности (ибо протоколы не печатаются, протесты отвергаются, отдельных мнений не принимают), а начальство ещё и поддерживает незаконные действия. Эти ненормальные отношения заставляют некоторых профессоров (Ковалевского, Вагнера, Павлова) оставить университет, кафедры их остаются свободными или же замещаются слабыми силами, и таким образом университет всё более и более клонится к упадку». Эти публикации получили широкий резонанс в стране.

Статья была напечатана 23 сентября, а уже в октябре 1871 года Лесгафт по «высочайшему повелению царя» Александра II был уволен из университета с запрещением вести преподавательскую деятельность.

Вот как рассказывает Вера Фигнер об этом событии: «Нам сказали, что Лесгафт отрешён от профессуры и лишён права дальнейшего преподавания где бы то ни было. За что? Новость казалась чудовищной и нелепой... Было больно за Петра Францевича... Пётр Францевич, учитель по призванию, лишался аудитории, лишался атмосферы, которою дышал...»

В виде протеста против увольнения Лесгафта семь профессоров (Н.А. Головкинский, А.Я. Данилевский, В.Г. Имшеницкий, В.В. Марковников, А.И. Якобий, А.З. Голубев и П.И. Левитский) подали заявления об уходе из университета.

Лишение П.Ф. Лесгафта права вести преподавательскую деятельность в университете и демонстративный уход группы профессоров вызвали волнения среди студенчества. Молодёжь начала писать протесты, организовывать демонстрации, студенты не желали допускать нового преподавателя на кафедру анатомии. И такая ситуация продолжалась в университете вплоть до окончания учебного года. Тем временем Пётр Францевич, будучи изгнанным из университета, отправился в Петербург. Существуют доку-

ментальные свидетельства о том, что с 1872 по 1874 год он руководил занятиями по анатомии первых русских женщин-врачей при лаборатории В. Л. Грубера. С 1874 по 1888 год Лесгафт работал по организации физического воспитания в военно-учебных заведениях. В 1877 году организовал учебно-гимнастические курсы для офицеров. В 1886–1897 годы читал лекции по анатомии в Петербургском университете. В 1893 году организовал биологическую лабораторию, преобразованную впоследствии в научный институт его имени.

Пётр Францевич скончался в 1909 году и похоронен в Петербурге. Но его учение в области физического развития получило продолжение в работах сотрудников Института физкультуры им. П. Ф. Лесгафта.

Имя российского основоположника научной системы физического воспитания и образования, общественного деятеля,

врача увековечено и в нашем городе. На фасаде флигеля анатомического театра, что в университетском городке, установлена памятная доска с текстом, гласящим, что в этом здании с 1868 по 1871 год работал выдающийся анатом, профессор П. Ф. Лесгафт, чьё имя носит одна из улиц в центре Казани.

Исключительная натура Петра Францевича Лесгафта оставила неизгладимый след в истории русской культуры. Два качества, которые он ставил во главу педагогики – мудрость и любовь, – стали основными принципами его отношения к людям. А во главе угла у Петра Францевича всегда стояла человеческая личность. И потому всю жизнь он боролся за её неприкосновенность, уважение к ней, за её гармоничное и полное развитие. Вот почему он дорог нам, и вот почему принадлежит к тем людям, которые, умирая, остаются жить в памяти поколений.

*И. А. БОДУЭН
ДЕ КУРТЕНЭ*

**«СТОЮ ЗА ПОЛНУЮ
НАЦИОНАЛЬНУЮ
СВОБОДУ И
САМООПРЕДЕЛЯЕМОСТЬ
КАЖДОГО
ГРАЖДАНИНА»**

Хочется напомнить нашим современникам о человеке недюжинной натуры, подлинно самобытной личности, кем по праву гордится Казанский университет, чья известность давно переросла границы нашего города. Речь пойдёт об Иване Александровиче Бодуэне де Куртенэ (1845–1929). Потомок французских королей Людовиков, уроженец Польши, он был блестящим теоретиком общего и сравнительно-исторического языкознания, знаменитостью мирового класса, ярчайшим педагогом, крупнейшим полиглотом (знал около 90 языков), основоположником славянской филологии и психолингвистики. Он

учился в Варшавском, Карловом (Прага), Берлинском и Йенском университетах. Впоследствии уже его лекции слышали студенты Петербургского, Казанского, Дерптского, Краковского, Варшавского и других университетов.

Особо отметим казанский период (1875–1883) жизненного пути Бодуэна де Куртенэ. Ему не было и тридцати, когда его, молодого слависта, 12 октября 1875 года приглашают в должности доцента занять кафедру сравнительного индоевропейского языковедения Казанского университета. Через пять месяцев (18 марта 1876 года) его утверж-

дают экстраординарным профессором, а ещё через год — ординарным профессором кафедры сравнительного языковедения. Так началась работа И.А.Бодуэна де Куртенэ в Казанском университете, продолжавшаяся до августа 1883 года, когда по его просьбе он был переведён в Дерпт. За годы работы в Казанском университете И.А.Бодуэн де Куртенэ окончательно сложился как учёный, организатор науки и высшего образования.

Разносторонность и многогранность научных интересов И.А.Бодуэна де Куртенэ нашли отражение в тех лекционных и специальных курсах, которые он читал как профессор Казанского университета: введение в языковедение, сравнительная грамматика индоевропейских языков, сравнительная грамматика славянских языков, русская грамматика, сравнительная фонетика латинского языка, санскрит, немецкий язык и др.

«Лекции Бодуэна де Куртенэ, — вспоминал В.А.Богородицкий, — отличались от лекций других профессоров не только содержанием, именно тем, что Иван Александрович излагал самостоятельно им проработанное, но ещё и внешне тем, что слуша-

тели впервые видели профессора не сидящим за кафедрой и читающим свои лекции по тетради, а стоящим у доски с мелком в руке и живым словом разъясняющим предмет с выписыванием примеров на доске».

Бодуэн де Куртенэ был необыкновенно скромной личностью. О себе, высокоэрудированном человеке, он, например, писал, что «отличался неудовлетворительной научной подготовкой и небольшим запасом знаний». Этого запаса знаний, однако, ему вполне хватило не только для создания ряда глубоко оригинальных трудов, но и на то, чтобы основать знаменитую казанскую школу лингвистов. Среди его воспитанников — крупные учёные-филологи: В.А.Богородицкий, В.В.Радлов, Н.В.Крушевский, А.А.Анастасий, А.И.Александров, А.А.Царевский и другие. Он проводил занятия по немецкому языку со студентами университета, по русскому языку и славянским наречиям — со слушателями Казанской духовной академии. По его же представлению, как свидетельствуют биографические хроники, в университете вводился преподавание тюрко-татарского языка и финских наречий.

Знания щедро передаются ученикам не только в аудиториях, но и на знаменитых домашних семинарах. На заседания в Батурином переулке, где жил Бодуэн де Куртенэ, приходили не только языковеды, но и историки, философы, богословы, востоковеды и другие. «Эти домашние беседы, — свидетельствовали очевидцы, — имели характер настоящего лингвистического научного общества, собиравшегося по субботам, где каждое сообщение вызывало оживлённые дискуссии».

Великолепна работа Бодуэна де Куртенэ над 3-м изданием «Словаря русского языка» В.И. Даля, результатом которой было лексическое дополнение 20 тысяч слов, вследствие чего «Словарь» Даля вырос на 16 процентов.

В Казанском университете И.А. Бодуэн де Куртенэ проявил себя и как активный общественный деятель. Он был членом-учредителем Общества археологии, истории и этнографии при университете, проявлял большую заботу по комплектованию его библиотеки.

Перед Первой мировой войной Бодуэн де Куртенэ высказывает правящим кругам альтернативные взгляды на государственное устройство России. Это была

фактически идея федерализма, путь «к которой так мучителен и долог», сформулированная им в работе «Национальный и территориальный признак в автономии». В этом труде — страстная проповедь в пользу притесняемых национальных меньшинств, вызов самодержавному деспотизму. Такая дерзость обойдётся ему по приговору суда, обвинившего уже всемирно известного в те годы учёного в антигосударственной пропаганде, тремя месяцами заключения в петербургских «Крестах».

Приведём лишь отдельные выдержки из статьи:

«Географическим колоссом является Россия. В современной России имеются, с одной стороны, ясно очерченные области, громадное большинство сознательных жителей которых требует автономии, с другой же стороны, желательна автономизация всего государства вследствие его громоздкости и объективно доказанного вреда централизации.

Необходимо образовать автономные области для отдельных народностей, считая главным признаком народности её родной язык.

Если вся Россия и её отдельные части обеспечат всем пол-

Казанский университет

ную культурную свободу и будут стоять на страже неприкосновенности национальных прав и прав человеческой личности, то без всяких принуждений разовьётся общегосударственная солидарность.

Россия должна идти в направлении, с одной стороны, к полному уравниванию в правах не только всех без исключения вероисповеданий, национальностей и прочих культурных групп и союзов, с другой стороны, к децентрализации, к территориальной автономии отдельных областей и, в конце концов, к федерализации. Иначе ей грозит разложение и окончательная гибель. Гибель

такого государства ни в ком не вызовет сожаления».

Как далеко и мудро мыслил И.А.Бодуэн де Куртенэ. Сегодня Председатель Государственного Совета Республики Татарстан Ф.Х.Мухаметшин говорит: «Свободная и демократическая Россия невозможна без федерализма. Это залог её развития как правового и демократического государства. Если мы поставили перед собой цель — создание в России подлинно федеративного государства, то идти к её достижениям все институты власти как федерального, так и регионального уровней должны, основываясь

на ценностях демократии, признании приоритета прав и свобод всех народов, проживающих в нашей стране».

И, как результат, это нашло подтверждение в новой редакции Конституции Республики Татарстан, где сохранены такие основополагающие принципы государственности, как право многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа на самоопределение, на конституционный договор с Россией, участие в международных отношениях, на два государственных языка, наконец, на республиканское гражданство. Сохранены те принципы, которые прошли испытание временем и позволяют рассматривать Татарстан как полноправное государство, входящее в состав Российской Федерации.

22 сентября 1901 года два ученика Бодуэна де Куртенэ — профессора А. И. Александров и В. А. Богородицкий обращаются в деканат историко-филологического факультета с прошением об избрании ординарного профессора Петербургского университета И. А. Бодуэна де Куртенэ почётным членом Казанского университета. 6 октября того же года Совет университета единодушно

избрал Бодуэна де Куртенэ почётным членом.

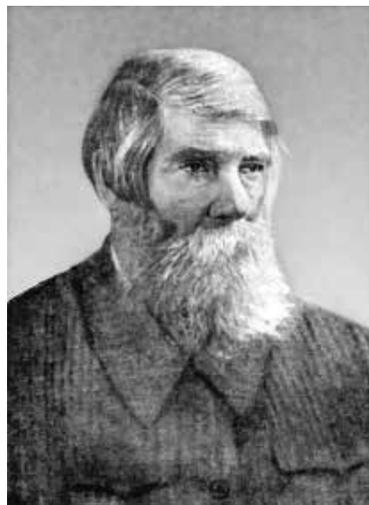
В 1975 году на факультете, где 100 лет назад начал свою профессорскую деятельность Бодуэн де Куртенэ, была проведена научная конференция, посвященная этой знаменательной дате. В 1985 году в университете состоялась межвузовская конференция в честь 140-летия ученого, материалы её опубликованы в книге «Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика». В 1995 году проведена международная научная конференция «Бодуэн де Куртенэ: теоретическое наследие и современность», посвящённая 150-летию со дня рождения родоначальника казанской школы языкознания.

В 2002 году в серии «Выдающиеся учёные Казанского университета» вышла книга, посвящённая И. А. Бодуэну де Куртенэ, деятельности учёного, педагога, мыслителя.

И. А. Бодуэн де Куртенэ оригинальными идеями опередил свое время, сегодня, уже в иных условиях, они получают глубокое осмысление, изучаются новыми поколениями учёных, общественных деятелей, а вся жизнь Бодуэна де Куртенэ — это пример преданного и подлинного служения науке.

В. М. БЕХТЕРЕВ

**«ОДИН
ИЗ САМЫХ
КОМПЕТЕНТНЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ
СОВРЕМЕННОЙ
ЭПОХИ»**

Основатель отечественной научной школы психиатров Владимир Михайлович Бехтерев родился 20 января 1857 года в селе Сорали Елабужского уезда Вятской губернии (ныне село Бехтерево Елабужского района Республики Татарстан) в семье станового пристава.

Окончив в 1873 году вятскую гимназию, поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. С первых же дней обучения проявлял усердие, всё казалось ему интересным, важным, необходимым. Уже в эти годы он столкнулся со сложнейшей и малоизученной областью медицины — наукой о душев-

ных и нервных заболеваниях. В 1877 году, после четвёртого курса академии, Бехтерев в составе добровольческого медицинского отряда участвовал в Русско-турецкой войне. Окончив академию, он оказался в числе тех, кто за весь курс обучения имел более двух третей отличных оценок, после чего был зачислен в запас врачей действующей армии при клиническом военном госпитале — базовом лечебном учреждении академии. 4 апреля 1881 года Бехтерев успешно защитил диссертацию с присвоением степени доктора медицинских наук. Это была его первая большая клинико-экспериментальная

Окружная психиатрическая лечебница

научная работа, утверждающая роль нервной системы в жизнедеятельности всего организма, после чего он получил звание приват-доцента. Интересно, что в это время в центре внимания Бехтерева была история и этнография удмуртского народа, в окружении которого он родился и вырос, что нашло отражение в его научной работе «История происхождения удмуртов».

В мае 1884 года Военно-медицинская академия направила молодого учёного для дальней-

шего совершенствования знаний в страны Западной Европы, уже в то время список его печатных работ составлял 58 названий. После приезда из-за границы 24 июля 1885 года был подписан приказ о назначении В.М.Бехтерева экстраординарным профессором и заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета. В начале осени того же года 28-летний профессор прибыл в Казань.

Кафедру в Казанском университете Бехтереву пришлось созда-

вать заново. Если ранее преподавание психиатрии сводилось лишь к чтению лекций без демонстрации больных, то Бехтерев впервые перенёс занятия со студентами из аудитории в лечебное учреждение, в данном случае Окружную психиатрическую лечебницу (ныне ул. Ершова, 49). Бывало, что на лекциях Бехтерева оказывались люди самых разных профессий: чиновники, лица духовного звания, мастеровые. Среди них можно было увидеть и рабочего булочной Алексея Пешкова — будущего писателя Максима Горького (об этом он вспоминал на страницах повести «Мои университеты»). Лекции Бехтерева были просты и убедительны, сказанное неизменно подкреплялось им очевидными фактами.

Научно-исследовательскую базу — первую в России психофизиологическую лабораторию — Бехтерев организовал в главном корпусе Казанского университета. Фактически она состояла из нескольких лабораторий, в которых изучались строение и функции нервной системы, ставились физиологические и психологические опыты. Это было время изучения Бехтеревым планомерного познания сущности нервной и психической деятельности че-

ловека в условиях нормы и патологии. Именно здесь учёный сделал самостоятельную попытку к созданию оптимальной классификации психических болезней.

Проведённые клинические наблюдения в военном госпитале, губернской и Покровской земских больницах легли в основу многих научных работ по невропатологии, выполненных Бехтеревым в период его пребывания в Казани.

29 мая 1892 года при Казанском университете было создано Общество невропатологов и психиатров, председателем которого был избран В. М. Бехтерев, а в 1893 году стал регулярно издаваться его печатный орган — журнал «Неврологический вестник».

Весной 1893 года Бехтерев получил приглашение начальника Петербургской военно-медицинской академии занять кафедру душевных и нервных болезней. Не так-то просто было покидать Казанский университет, которому отдано восемь лет жизни. В Казани Бехтерев приобрёл большой клинический и научный опыт, преобразовал систему преподавания психиатрии, обеспечил кафедру клиническими базами, добился решения

о постройке специального здания психоневрологической клиники, где проводил различные опыты (сейчас республиканская психиатрическая больница). В этом городе он опубликовал более 100 работ, в том числе первый вариант своей знаменитой книги «Проводящие пути мозга», начал создавать собственную научную школу.

Да, конечно, к Казани Бехтерев привязался душой, однако работа в Петербургской академии давала большую возможность для осуществления жизненных планов находящегося в расцвете сил энергичного, необычайно трудоспособного профессора. Наконец, он возвращался в свою альма-матер, туда, где сам учился, где прошло становление его как врача и учёного.

19 сентября 1893 года произошло последнее под председательством Бехтерева заседание Казанского неврологического общества. Профессор Н.М. Попов был назначен заведующим кафедрой психиатрии Казанского университета вместо Бехтерева. На заседании он говорил о сложности своей миссии преемника такого крупного учёного, как Бехтерев, признавая, что «высокоталантливый исследователь, всеце-

ло посвятивший себя разработке наиболее сложных и запутанных вопросов анатомии и физиологии нервной системы, профессор Бехтерев с полным правом может быть назван одним из самых компетентных специалистов современной эпохи».

31 октября 1893 года Казанское неврологическое общество единогласно избрало Бехтерева своим почётным членом. Связь с Казанью, с университетом Бехтерев поддерживал многие годы, практически всю жизнь. В 1915 году он был избран почётным членом Совета Казанского университета.

Приходится поражаться той поистине неисчерпаемой многогранной деятельности, которая сопровождала учёного в Петербурге. В 1897 году была открыта клиника нервных болезней Военно-медицинской академии (ВМА). В 1899 году – В.М. Бехтерев избран академиком ВМА и награждён золотой медалью Российской академии наук. В 1907 году он получил звание заслуженного ординарного профессора. Бехтерев был организатором и руководителем Психоневрологического института (ныне им. Бехтерева) и Института по изучению мозга и психи-

Памятник В.М.Бехтереву в Елабуге

ческой деятельности. В 1927 году был удостоен звания заслуженного деятеля науки.

Скончался Бехтерев 23 декабря 1927 года.

За всё время творческой деятельности В.М.Бехтеревым было написано несколько десятков книг, обогативших неврологическую науку множеством ценнейших открытий, значение этих фундаментальных трудов трудно переоценить. Эти книги стали настольными для нескольких поколений специалистов. Они не

потеряли своего значения и до настоящего времени.

В недавно вышедшей книге «Сто великих учёных» о людях, которые прославили мир своими открытиями, есть и имя В.М.Бехтерева, упомянутого вместе с другими казанцами — Н.И.Лобачевским, Н.Н.Зининым, А.М.Бутлеровым. Память его увековечена в названии улицы, находящейся в Вахитовском районе Казани. Его имя носит также психоневрологическая больница (ул. Волкова, 80).

С. В. РАХМАНИНОВ

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ПИАНИСТ, ВЫДАЮЩИЙСЯ КОМПОЗИТОР

В тридцати милях от Нью-Йорка есть крохотный городок с суровым тевтонским названием — Валгала. Здесь в апреле 1943 года на тенистом русском кладбище появился белый крест, рядом — две мраморные скамьи. Вокруг тёмные лавровые кусты. В этой могиле вдали от родины покоится один из самых известных и почитаемых композиторов, пианистов, дирижёров России — Сергей Васильевич Рахманинов.

При жизни он хотел быть погребённым в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря, где покоится прах людей, которых он чтит и любил, начиная с А. П. Чехова и кончая консерва-

торским товарищем А. Н. Скрябиным, но судьба распорядилась иначе.

Родился С. В. Рахманинов в имении Онег Новгородской губернии 20 марта 1873 года. В его родословной есть любопытный факт. По «Бархатной книге» («Родословной книге князей и дворян Российских») Рахманиновы ведут свой род от Рахмана из Золотой Орды. Известный казанский историк А. Х. Халиков утверждает, что именно «отсюда и вышли предки выдающегося российского композитора». Уже в раннем детстве Серёжа Рахманинов начал обучаться игре на фортепьяно,

серьёзные же занятия музыкой начались с 1885 года в Московской консерватории, которую он в 1891 году оканчивает по классу фортепьяно, а в 1892 году и по классу композиции, и удостоивается Большой золотой медали. Уже в студенческие годы Рахманиновым были написаны Первый фортепьянный концерт и одноактная опера «Алеко» по мотивам поэмы Пушкина «Цыганы», премьера которой состоялась в Большом театре. Далее последовали Второй концерт для фортепьяно с оркестром (1901), Третий концерт для фортепьяно с оркестром (1909), сочинение одноактных опер «Скупой рыцарь» и «Франческо да Римини» (1903–1904). Он дирижирует в Московской частной русской опере С.И.Мамонтова (1897), в Большом театре (1904), осуществляет первую концертную поездку за границу (Лондон, 1899), за которой последовали и другие зарубежные гастроли.

В конце 90-х годов XIX века Рахманинов знакомится с А.П.Чеховым, впоследствии с Л.Н.Толстым, А.М.Горьким и А.А.Блоком.

После оглушительного успеха концертов в штате Массачусетс, в городах Филадельфия, Балтимор, Бостон, Нью-Йорк

он вновь в родной России. Шёл 1910 год.

Летом в подмосковной Ивановке Рахманинов написал «Литургию св. Иоанна Златоуста» для смешанного хора и Второй цикл прелюдий для фортепьяно.

Зимой этого же года общественная работа привела его в Казань, он инспектировал музыкальные заведения в качестве помощника председателя Главной дирекции Русского музыкального общества. Сергею Рахманинову в это время было тридцать семь лет, но он был уже всемирно известным музыкантом, блистательным пианистом, выдающимся композитором.

В это время Казанское музыкальное училище возглавлял пианист и композитор Рудольф Августович Гуммерт (1861–1921), который в 1891 году сначала открыл частную музыкальную школу, в 1904 году музыкальное училище, а с 1902 года был председателем Казанского отделения Русского музыкального общества. В этой инспекционной поездке Сергей Васильевич присутствовал на концертах учащихся, а затем анализировал их выступления. Делился он своими впечатлениями и с великой княгиней

Вид Казани

Е. А. Саксен-Альтенбургской, которая была президентом Российского музыкального общества. Естественно, что, приехав в Казань, Сергей Васильевич и сам дал концерт 7 декабря 1910 года в Колонном зале Дворянского собрания. Здесь он исполнил несколько своих пьес и прелюдий для фортепьяно, а затем аккомпанировал известной казанской певице, солистке казанского театра В. Пушечниковой. В газетах писали: «Она исполнила его

романсы «Сирень», «Островок», «Здесь хорошо». Эти романсы были в числе самых поэтических созданий русской лирики. В них с особой силой раскрывался облик Рахманинова — певца родной природы. Также были исполнены романсы «В молчании ночи тайной», «Уж ты нива моя», «Полюбила я на печаль свою» и «Весенние воды». Эти произведения глубоко национальны по характеру, проникнуты лиризмом, песенностью».

Дворянское собрание

После отъезда из Казани Рахманинов дирижирует концертами Филармонического общества (1912), даёт концерты в Англии (1914), гастрольюет в России (1915–1917). Это было время, когда многочисленные его поклонники ездили за ним по пятам из города в город, чтобы не пропустить ни единого концерта; время, когда молодёжь проводила ночи возле концертных касс, а толпы людей дожидались его выхода у артистического подъезда.

10 января 1916 года Рахманинов вновь выступал в Дворянском собрании Казани. И снова с восторгом газеты писали, что концерт имел потрясающий успех.

В декабре 1917 года Рахманинов с семьёй покидает Россию и с этого времени живёт в основном в США. С 1919 по 1925 год Сергей Васильевич совершает интенсивные концертные поездки по Америке. В 1926 году он закончил Четвёртый фортепьянный

концерт, потом появились фортепьянные «Вариации на тему Корелли» (1931), «Рапсодия на тему Паганини» (1934), «Симфонические танцы» (1940).

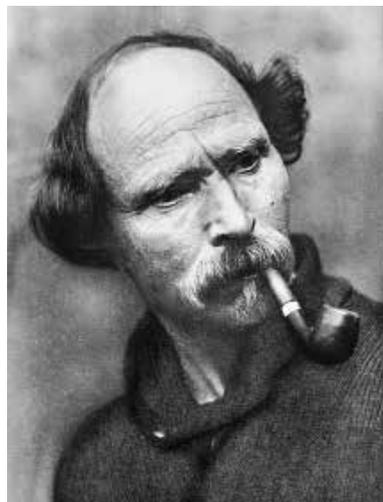
Любовь Рахманинова к родной стране особенно проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда он дал ряд концертов в пользу Советской армии. «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу!» — писал композитор в письме (25 марта 1942 года) советскому консулу в Нью-Йорке. В начале 1943 года он заболел и вынужден был прервать очередную концертную поездку. Скончался С. В. Рахманинов 28 марта 1943 года в Беверли-Хиллс (Калифорния) и похоронен под Нью-Йорком.

Творчество Сергея Рахманинова — одно из ярчайших проявлений русской музыкальной классики конца XIX — начала XX века.

Автору этой книги запомнился эпизод, когда американский пианист Ван Клиберн, с непостижимой искренностью и магическим проникновением в самую душу музыки исполнивший Третий фортепьянный концерт С. В. Рахманинова (он транс-

лировался по радио), получил первую премию на I Международном конкурсе им. П. И. Чайковского в Москве в 1958 году. Позже газеты писали, что по приезде на родину Ван Клиберн высадил на могиле Рахманинова цветущее деревце белой сирени и в кувшине свежие тёмно-пурпурные розы и положил горсть земли, взятую им на могиле П. И. Чайковского в ограде Александро-Невской лавры.

У нас же в Казани, на здании бывшего Дворянского собрания, установлена мемориальная доска в память о пребывании здесь великого сына России Сергея Васильевича Рахманинова. А рядом с этим домом, помнящим триумфальные выступления маэстро, в стенах прекрасного Большого концертного зала им. С. Сайдашева, волшебно звучат музыкальные произведения в исполнении современных артистов, осваивающих школу мастерства С. В. Рахманинова, крупнейшего представителя мирового пианистического искусства. Начиная с 2011 года ежегодно в Казани Государственный симфонический оркестр Республики Татарстан проводит Международный фестиваль имени Сергея Рахманинова «Белая сирень».

*С. Д. ЭРЬЗЯ***НЕПОВТОРИМЫЙ
СКУЛЬПТОР**

Имя скульптора Эрзы широко известно и в нашей стране, и за рубежом. Мордвин Степан Дмитриевич Нефёдов взял себе псевдонимом название одной из групп мордовского народа — эрзы¹. Это не просто знак уважения народу, давшему ему жизнь, но и признание того, что истоки его таланта, неиссякаемая жизнеутверждающая мощь произведений мастера — в их национальной самобытности и исконной народности.

Степан Дмитриевич Нефёдов-Эрзя родился в 1876 году в селе Баев Алатырского уез-

да Симбирской губернии (ныне Ардатовский район Мордовии) в бедной крестьянской семье.

Детские впечатления будущего скульптора — тяжёлый крестьянский труд с раннего детства и, как спасение от него, природа, наполнявшая восторгом впечатлительную душу мальчика. Из речного ила лепил Степан свои первые скульптуры, лёжа на полатях, рисовал углём на стенах и потолке портреты родных и знакомых и писал первые пейзажи. Вместе с отцом зимними вечерами вырезал из сучьев и корневищ причудливые фигурки.

Видя интерес мальчика к творческому труду, отец отдал

¹ Скульптор писал свой псевдоним — Эрзя.

Аргентинка. С.Эрзя. Кебрачо, 1940

его учиться в церковно-приходскую школу села Алтышево.

После школы последовало обучение столярному мастерству. Но Степан мечтал о художественном поприще, поэтому уехал в Алатырь для обучения иконописи.

Мытарства по иконописным мастерским Алатыря, а затем Казани стали для Степана большой жизненной школой.

В Казани Степан провёл шесть лет — с 1892 по 1898 год. Первоначально зиму работал в столярной мастерской паровозного депо, а затем — с весны

1893 года в иконописной мастерской Петра Андреевича Ковалинского на Покровской улице (ныне ул. К. Маркса). Эрзя в своих воспоминаниях называет Ковалинского хорошим мастером. После выполнения первой же работы Ковалинский назначает Степана мастером-живописцем. А ещё через год он становится главным художником мастерской. Ковалинский же похвалялся Степаном, называя его самородком и сравнивая с целой артелью. Иконописная мастерская, где работал Степан, поме-

щалась в одном из домов Щетинкина на Большой Проломной (ныне ул. Баумана).

До 1898 года Степаном было расписано 18 церквей. И всё это время искусство иконописи ему приходилось изучать самостоятельно. Многие поволжские церкви до сих пор хранят следы росписей Эрзы. Он выполнял их по собственным эскизам в новых церквях в городе Унжа Костромской губернии, в соборах уездного города Арск близ Казани, Лаишева, Можаров Майдана Курмышского уезда Симбирской губернии, села Чурвел Царёвококшайского уезда...

Сильнейшим потрясением для впечатлительной натуры Степана явилась встреча с искусством М. Врубеля: «В 1896 году Пётр Андреевич Ковалинский, хозяин иконописной мастерской, взял меня на художественную выставку в Нижнем Новгороде», — узнаём мы из автобиографических записок Эрзы. «Там мы зашли в отдельный большой сарай, выстроенный купцом Морозовым. В этом сарае была картина художника Врубеля. Когда я вошёл, так и застыл на месте. Меня так поразило произведение Врубеля, что я не в состоянии был двигаться, что удивило Петра

Андреевича. Он меня спросил: «Что случилось?». Я сказал ему: «Поеду в Москву учиться и больше иконы писать не буду».

В Казань Эрзя всё же вернулся и работал в иконописной мастерской до 1898 года, после чего уехал из города.

Большой талант, огромное трудолюбие, целеустремлённость и воля помогли Степану Эрзе поступить в 1902 году в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Учителями его были крупнейшие художники С. В. Иванов, Н. А. Касаткин, Л. О. Пастернак, А. Е. Архипов, К. А. Корвин, В. А. Серов, П. П. Трубецкой, С. М. Волнухин. Сначала Степан Эрзя учился на живописном отделении, затем перешёл на скульптурное. А через несколько лет по независящим от него обстоятельствам Степан Эрзя покинул Россию. Художника манила Италия. Лаго-Маджоре, Милан, Венеция, Каррара, Флоренция — вот пункты итальянского маршрута Эрзы, чередовавшиеся с его продолжительными отлучками в Париж и Ниццу.

Пребывание Эрзы в мировых центрах художественной культуры, непосредственное соприкосновение с работами выдающихся

Памятник С. Д. Эрзю в Саранске

итальянских скульпторов, жизнь в Париже, где так живо бьётся пульс эстетических исканий, сыграли большую роль в его творчестве.

В Италии и во Франции Эрзя закончил целый ряд крупных скульптурных работ.

Каких только высоких эпитетов не заслужил Эрзя своим непостижимым мастерством уже в то время! Его называли чародеем и волшебником, титаном и демоном, гениальным и великим, «русским Роденом».

С 1926 года у скульптора начинается аргентинский период творчества, длившийся долгих двадцать пять лет. Здесь его творчество набрало полную силу. В Аргентине Степан Эрзя открыл для себя прекрасные породы субтропического дерева — квебрахо и альгарробо, обладающие красотой, фактурным богатством и прочностью. Тогда газеты Буэнос-Айреса называли Степана Эрзю гениальным художником, его работы единственными и неповторимыми. А некий крупный делец из США на одной из выставок захотел купить за миллион долларов все работы Эрзи, на что мастер ответил: «Не продам!». И тогда ему сказали: «Вы поступили правильно. Все ваши создания принадлежат не вам лично, а вашему народу». «Я тоже так думаю», — согласился Эрзя.

В 1950 году он возвращается в Россию, подарив народу всё, что создал. Труд С. Д. Эрзи получает высокую оценку и признание на родине.

До последних минут жизни не выпускал мастер резца из своих рук. Скончался Эрзя в 1959 году в Москве. Похоронен он, по устному завещанию, на родной мордовской земле, в Са-

Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д.Эрзы

ранске. Знаменитый скульптор С.Т.Конёнков, хорошо знавший и ценивший Эрзю, выполнил мраморное надгробие, бронзовый отлив с которого и установлен на могиле Эрзы. Но лучшим памятником ему является специально построенный в Саранске Республиканский музей изобразительных искусств, который назван его именем. В нём собраны и постоянно экспонируются более двухсот произведений С.Д.Эрзы, являющихся национальным достоянием мордовского народа,

который гордится своим талантливым сыном и глубоко чтит его имя. Перед входом в музей установлен памятник мастеру, знаменитому земляку, чудотворцу земли мордовской и величайшему труженику Степану Дмитриевичу Эрзе.

И всё-таки, говоря о творчестве Эрзы, нельзя не вспомнить, что именно Казань дала ему первые необходимые знания техники живописи, научила мастерству в этой области, дала путёвку в большую жизнь.

П. М. Дульский

**СВОИ ТРУДЫ
ПОСВЯТИЛ
РОДНОЙ КАЗАНИ**

Забытые имена подвижников культуры... Звучит горько, прискорбно. Зато каждое возвращённое народу имя неизменно вызывает интерес, в том числе и новых, молодых поколений. Увы, не только пелена времени скрывает от нас деяния многих служителей науки, искусства. История таит множество неверных, порой необъективных оценок, зависящих от происходящих событий, мнений, некомпетентных лиц. Вообще разыскания, связанные с забытыми именами, подобны археологическим раскопкам — необходимы любовь к исследованиям, большое терпение, умение отличать подлинное

от мнимого, достойное к возрождению от малозначашего, ну и, конечно, нужна удача. Вот так вошёл в мою жизнь Пётр Максимилианович Дульский, знакомый сегодня разве что работникам музеев да искусствоведам. Вошёл в ту пору, когда я всерьёз «заболел» краеведением. С тех пор, не без труда, в моей библиотеке появилось несколько десятков книг П. М. Дульского, многие из них были изданы мизерными тиражами в 200–300 экземпляров. Мне как библиофилу повезло — у меня хранится одна из книг с его автографом.

Уже первые связанные с этим именем поиски натолкнули на

интересные события и факты из жизни этого замечательного искусствоведа, художника, педагога, музееведа. Но самые удивительные находки были впереди. Открывалось всё постепенно, иногда только через несколько лет изучения. А узнал я следующее.

П. М. Дульский родился 8 марта 1879 года в г. Оргеев Бессарабской губернии, учился в кишинёвской гимназии, в одесской рисовальной школе, потом на гравёрном отделении Казанской художественной школы. После её окончания в 1904 году он назначается преподавателем рисования в училище г. Слободской Вятской губернии. В 1906 году командирован в Вену, Берлин и Париж для изучения постановки художественного воспитания. В 1911 году приглашается преподавателем рисования Казанского реального училища. С этого начинается поразительная по масштабам деятельность его в этом городе, продолжавшаяся около 50 лет.

П. М. Дульскому повезло: в Казани был один из старейших университетов в России — с богатой библиотекой, кафедрой по истории искусств. Общество археологии, истории и этнографии, крупные научные силы — всё это

благоприятствовало исследовательской работе. П. М. Дульский начал заниматься изучением истории края, работал в архивах, возвращал забытые уже имена местных архитекторов, художников: М. П. Коринфского, Л. Д. Крюкова, В. С. Турина, Э. П. Турнерелли и других. В 1914 году появляется его первый капитальный труд «Памятники Казанской старины». Книга была сразу замечена далеко за пределами Казани. Кроме нового в содержании, ей были присущи многие характерные для будущих изданий П. М. Дульского черты: 50 снимков видов старой Казани были отпечатаны в Лейпциге, обложку по специальному заказу сделал известному график Г. Нарбут.

П. М. Дульский умел поддерживать дружеские и деловые связи с замечательными людьми, с которыми его щедро сталкивала жизнь, среди них были известнейшие деятели культуры: архитектор А. В. Шусев, живописцы И. И. Бродский, Е. Е. Лансере, И. Э. Грабарь. Он привлекал их талантом, энергией, а главное, конкретными результатами неуёмной деятельности.

Около таких подвижников, как П. М. Дульский, в свою очередь,

Церковь Введения Пресвятой Богородицы в Казанском монастыре. П. М. Дульский, 1917

группировалось ядро интеллектуалов, «умственный цвет» города, — и это совершенно естественно, — а Пётр Максимилианович был как бы его эпицентром, постоянно подзаряжал единомышленников духовной энергией.

Дульский часто покидал Казань, бывал не только в Москве и Петербурге, где у него водилось множество приятелей, но и в европейских странах и, точно пчела с драгоценным нектаром, всегда нёс добытые знания и опыт в казанский улей.

Удивительно, но трудные условия чаще всего не только не останавливали П. М. Дульского, но, наоборот, вдохновляли. Поэтому он особенно много сделал в первые годы после революции.

В 1916 году П. М. Дульский — в числе организаторов выставки и книги с таким же названием — «Художественные сокровища Казани». В 1919 году он был избран заведующим художественным отделом Губернского музея, вообще же во многом способствовал музейному строительству в республике, и сегодня музейщики с пиететом вспоминают об этой яркой личности. Вместе со своим учеником П. Е. Корниловым он явился блестящим организатором большого ряда художественных выставок, среди которых выделяются первые персональные выставки живописцев А. И. Кравченко, Н. Н. Купреянова, В. А. Фаворского, Г. К. Лукомского, А. П. Остроумовой-Лебедевой, А. А. Пластова и других, ставших впоследствии прославленными мастерами. П. М. Дульский занимался пропагандой русского искусства за рубежом, участвуя в организации выставки в Париже (1925). Был он и редактором единственного в своём роде журнала «Казань».

Старая Казань с рисунка Леспинаса. 1767. Фрагмент иллюстрации из книги П. Д. Дульского «Памятники Казанской старины», 1914

ский музейный вестник», членом редколлегии знаменитого журнала «Казанский библиофил». Особенно много он сделал для изучения национального татарского искусства, а его книга «Искусство казанских татар» до сих пор поражает и привлекает свежестью мысли.

В 1936 году П. М. Дульский избирается первым в Татарии председателем правления Союза художников республики. Ему — одному из первых — в 1940 году присвоили звание «Заслужен-

ный деятель искусств ТАССР». С 1941 года он доцент Казанского авиационного института, а с 1948 — доцент Казанского института инженеров гражданского строительства. П. М. Дульский в 1945 году награждается орденом «Знак Почёта», а в 1951 году — орденом «Трудового Красного Знамени».

Поражает, как много успел сделать за свою жизнь один человек. Даже список статей и изданий, к которым Дульский имел непосредственное отношение,

Сибирская застава. Э. Турнерелли, 1839. Иллюстрация из книги П. Д. Дульского «Памятники Казанской старины», 1914

Вид городской больницы с Чёрного озера. В. Турин, 1834. Иллюстрация из книги П. Д. Дульского «Памятники Казанской старины», 1914

превышает пятьсот наименований. Сегодня его книги — большая библиографическая редкость. Назовём хотя бы некоторые: «Памятники Казанской старины», «Казанская книга и её художественная внешность», «Классицизм в казанском зодчестве», «Барокко в Казани», «Э. Турнерелли», «Н. Фешин», «И. Шишкин» и многие, многие другие. Его перу принадлежат книги, анализирующие творчество ведущих казанских художников тех лет: П. П. Бенькова, С. С. Ахуна, П. А. Радимова и других. П. М. Дульский и сам был хорошим художником, его картины экспонировались на 12 выставках в России.

При таком впечатляющем обилии созданного П. М. Дульским обнаруживается грустный парадокс — о нём самом написано до обидного мало. Не привыкли мы ещё воздавать по заслугам своим предшественникам

(что уж говорить о современниках). А ведь П. М. Дульский был щедро награждён от природы различными талантами, он пренебрёг заманчивыми столичными перспективами и всю свою долгую жизнь посвятил родной Казани, подъёму её духовного потенциала.

Умер П. М. Дульский 15 февраля 1956 года и похоронен на церковной аллее Арского кладбища. Его надгробный камень со словами «от Татарского отделения Союза архитекторов СССР и дочери», установлен напротив монументального памятника академикам Арбузовым. Обидно, что дом на улице Федосеевской, где он жил, не сохранился.

Хочется верить, что почти забытое имя истинного подвижника культуры Петра Максимилиановича Дульского займёт достойное место в подлинной истории отечественного искусства, написание которой ещё впереди.

Н. И. ФЕШИН

ВЕРНУЛСЯ ЗНАМЕНЫТЫМ В КАЗАНЬ

Имя Николая Ивановича Фешина — художника самобытного и мощного дарования, приобрело известность ещё при жизни самого мастера и заняло почётное место в плеяде замечательных деятелей искусства конца XIX — начала XX века.

Родился Н.И.Фешин 26 ноября 1881 года в Казани, крещён в церкви Евдокии (ныне ул. Федосеевская, 46). Родители — отец Иван Александрович, мать Прасковья Викторовна. Фешин рос в семье владельца позолотно-столярной иконостасной мастерской. С шести лет — первые опыты самостоятельного составления орнаментов для ки-

отов и иконостасов в мастерской отца, с девяти — поездки с артелью отца по деревням и участие в выполнении заказов, в тринадцать лет — первый самостоятельный заработок. В 1895 году Фешин окончил начальное училище, в декабре он поступает в Казанскую художественную школу (живописное отделение), которую оканчивает в 1901 году. В сентябре этого же года был принят в Петербурге в высшее художественное училище при Академии художеств, где проходит обучение в мастерской у И.Е.Репина. За годы учёбы Фешин многократно был отмечен призами за свои картины. Пришёл и первый

большой успех — в 1908 году за картину «Черемисская свадьба», представленную на академической выставке, Фешину присуждена I премия им. А. Куинджи; его картина «Портрет неизвестной» на международной выставке в Мюнхене получила Малую золотую медаль, а затем была приобретена музеем Академии художеств.

В 1909 году Фешину присуждено звание художника за картину «Капустница», где он изобразил праздничную обстановку семей, которые собираются для рубки капусты. За эту работу он был командирован за границу. Осенью 1909 года Фешин был утверждён Академией художеств в должности преподавателя Казанской художественной школы и только летом 1910 года смог совершить поездку за рубеж — в Берлин, Мюнхен, Верону, Милан, Падую, Флоренцию, Рим, Неаполь, Париж, Вену.

В 1911 году Фешин представил в институте Карнеджи в Америке уже побывавшую на других выставках картину «Увоз молодухи», которая на американцев произвела ошеломляющее впечатление как своей необычной темой, так и своеобразной техникой исполнения.

В 1911 году в селе Надеждино Лаишевского уезда художник начинает работу над полотном «Обливание». Содержание этой картины посвящено деревенскому обряду обливания водой всех проходящих мимо колодца во время летней жары. Этот обычай связан с народным поверьем, которое считает обливание средством, способным вызвать дождь.

К одной из самых известных и прекрасных работ относится фешинский портрет Вари Адоратской. Вот как пишет о нём первый исследователь творчества художника Пётр Дульский: «Это весьма красивая вещь, чуть ли не лучшая из всего исполненного Н. Фешиним, изображает портрет девочки во весь рост, скомпонованный с левой стороны картины. Модель изображена в довольно спокойной позе, усевшись на углу стола. Ровный, серый тон фона служит прекрасной рамкой портрету... Сам же портрет удивительно мягкий, приятный по тонам, хорошо вяжется со всей этой обстановкой, в целом дающей стройное художественное впечатление». К этому периоду деятельность Фешина проявилась не только в области живописи — много времени он отдавал также педагогической

*Казанская
художественная школа*

работе в качестве руководителя мастерских Казанской художественной школы. К тому же Фешин успешно участвует в нескольких зарубежных выставках, в периодических выставках картин Казанской художественной школы.

24 ноября 1916 года, по представлению Н. Дубовского, В. Беклемишева, В. Маковского, утверждённому собранием Императорской Академии художеств, Н. Фешин за «известность на художественном поприще» был удостоен звания академика живописи.

В 1920 году на I государственной выставке картин в Казани было выставлено не вполне законченное полотно мастера «Бойня». Пётр Дульский пишет: «Сюжет картины — время совершения акта резки скота. Здесь изображена сцена в бойне с концентрацией мотива, группировавшегося вокруг ярких эффектов разлившейся крови...».

На всех работах Фешина оставило отпечаток его пребывание в мастерской знаменитого Репина. Он был его воспитанником, остался верен русской художест-

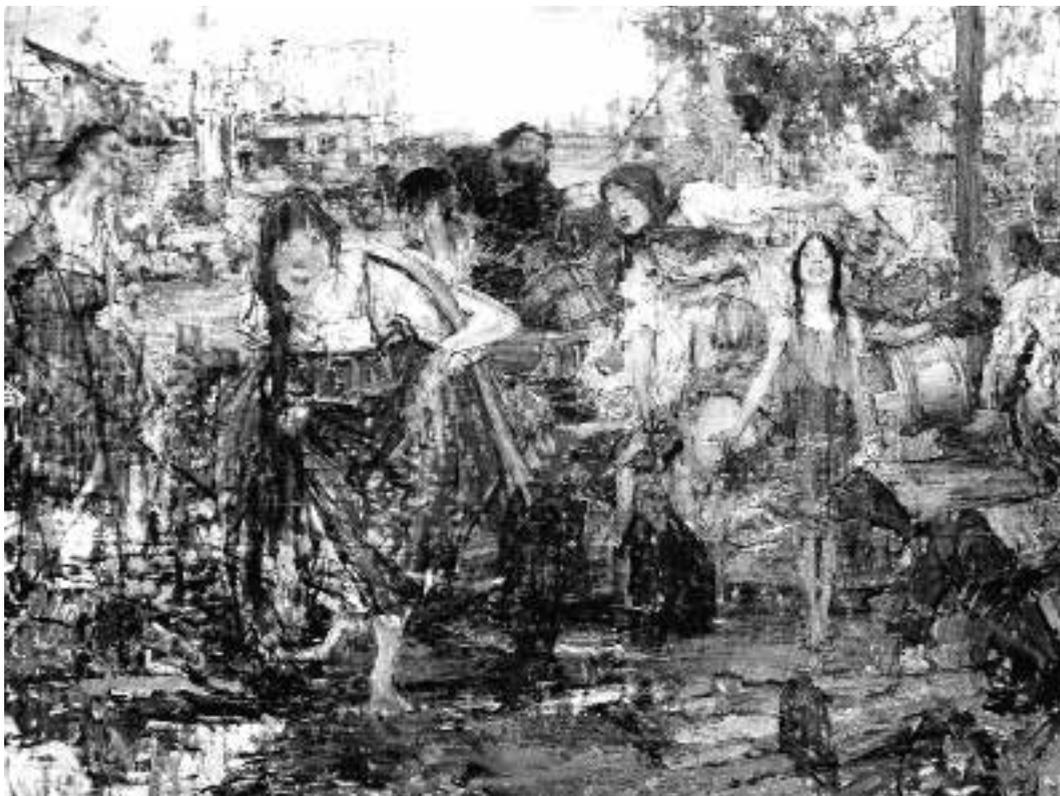
*Н. И. Фешин
среди учеников
художественной школы.
1910-е годы*

венной культуре, её реализму, духовной красоте.

И не вина Фешина, что его неподдельный энтузиазм на ниве преподавательской и творческой деятельности не получил после Октябрьской революции условий для своего развития. К нему приходит сознание невозможности дальнейшего существования на родине. Среди тех, кто вынужденно покидал Казань в надежде сохранить себя как независимую творческую личность, Фешин, безусловно, был первой величиной. Тем очевиднее потери, которые понесла наша культура.

Именно в Америке начинается счастливая пора жизни, где Фешин сразу же приобретает высокую репутацию профессионального, высокооплачиваемого художника. Уже на первых многочисленных персональных выставках его работы, как правило, раскупаются частными коллекционерами.

Построенный самим Фешиным дом в Таосе внесён в 1979 году в Национальный регистр исторических мест США как памятник архитектуры. Этот дом Фешина вобрал в себя исконно старорусские элементы убранства

Обливание. Н. И. Фешин, 1914

теремных покоев, монастырских трапезных.

В России после отъезда в 1923 году Фешина в Америку наступила пора умолчания о художнике. Его имя не упоминалось ни в Большой Советской Энциклопедии, ни в художественных энциклопедиях. Лишь чудо уберегло хранящиеся сегодня в Музее изобразительных

искусств Республики Татарстан полотна Фешина от списания и уничтожения.

Отдавая дань вкладу Н. И. Фешина в отечественную культуру, музей неоднократно знакомил казанцев с его работами на специально организованных выставках. Картины художника: «Обливание», «Портрет Вари Адоратской»,

Портрет Вари Адоратской. Н.И. Фецин, 1914 (?)

«Бойня», «Портрет отца» и другие — представлены в постоянной экспозиции, принадлежат к шедеврам русской классической живописи. Музейное собрание располагает самой большой в стране коллекцией фешинских произведений. Работы Фешина украшают залы Третьяковской галереи, Русского музея и других музеев России.

В 1976 году, согласно завещанию художника, произошло перезахоронение его праха, доставленного дочерью Ией Фешиной-Бренхам из Америки, где он скончался в 1955 году. Могила академика живописи Н.И. Фешина располагается неподалёку от входа на Арское кладбище, рядом с могилой известного казанского художника Кондрата Максимова.

*А.Н. ТОЛСТОЙ***КАЗАНЬ
КАК ПЕРВАЯ
ЛЮБОВЬ**

Каждый день на улице Кремлёвской проходят десятки экскурсий с гостями нашего города. И пусть у только что отреставрированного здания Александровского пассажа, в котором в 1905 году помещалась редакция «Волжского листка», для них прозвучит рассказ о том, как на страницах этой газеты начал свою литературную деятельность выдающийся писатель Алексей Николаевич Толстой. Алексей Толстой — автор широко известных произведений: романов «Хождение по мукам», «Пётр Первый», «Хромой барин», «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина», повести «Гадюка» и др.

Первая встреча Алексея Толстого с Казанью относится к 1901 году. В конце мая 1901 года будущий писатель с хорошими оценками окончил Самарское реальное училище и через несколько дней, после оформления документов и небольшого отдыха, выехал в Петербург, чтобы поступить в Петербургский технологический институт. До Нижнего Новгорода вместе с провожавшей его матерью Александрой Леонтьевной они плыли на пароходе. Во время остановки в Казани Алексей с интересом знакомится с городом.

«Был в Казани — очень понравился город, лучше Нижне-

го, — писал Алексей Николаевич своему отчиму Алексею Апполоновичу Вострому, — на всём лежит аристократический отпечаток, что ни говори — университетский город».

В Петербурге Алексей поступил на механическое отделение Петербургского технологического института. Вскоре туда приехала его невеста — дочь самарского врача В.М.Рожанского Юлия Васильевна. С ней он познакомился на репетициях любительского драматического кружка, сразу влюбился в неё, и через год они обвенчались.

Между тем Рожанские переезжают из Самары в Казань. В казанских газетах появляются объявления о том, что врач Василий Михайлович Рожанский принимает больных у себя на квартире, в доме Авдиевой на Ново-Горшечной, 30 (ныне ул. Бутлерова).

Через год Алексею Толстому вновь удалось побывать в понравившемся ему городе в связи с поездкой на студенческую практику, которую он проходил на Сугинском стекольном заводе, располагавшемся в 95 верстах от Елабуги. Работать здесь Алексею Николаевичу было очень интересно, особенно привлекало

его внимание стеклянное производство, с которым он знакомился детально, интересовали его и глубокие, необычные характеры людей, которых он встречал.

Наступил 1905 год, страну охватило пламя первой русской революции. Борьбу трудящихся поддерживала передовая часть студенчества. В ответ на это царское правительство закрывало высшие учебные заведения. Летом 1905 года в Казань приехал студент закрывшегося Петербургского технологического института вместе с женой Юлией Васильевной, которая училась в Петербургском медицинском институте. Именно в эти месяцы пребывания Алексея Толстого в Казани проходил интенсивный процесс духовного созревания будущего большого художника.

Исследователь жизни и творчества Алексея Толстого В.В.Петелин отмечает: «Писать Алексей Николаевич начал с десятилетнего возраста и уже в юности написал много стихотворений, поэм, баллад, рассказов, детских впечатлений, но относился к этому своему увлечению, как к игре, как к временному занятию: накатывало, начинал писать, а потом всё это забрасывал, забывал. Но этот опыт не проходил

даром. Незаметно для него самого обогащалось его представление о литературном творчестве, о предназначении писателя в обществе. Неизгладимым было влияние на него матери Александры Леонтьевны, Алексей Толстой внимательно следил за её литературными делами, бесознательно вбирая и её опыт, её искания. Александра Леонтьевна печатала свои рассказы, повести и даже романы в Самаре, Москве и Петербурге. Сейчас её опыт ему не понадобится, но придёт время, и всё накопленное им даст богатые всходы. Пока же он пробовал свои силы во всех жанрах, в том числе драматическом. В нём ещё не проснулся писатель, но он уже подмечал детали, одежды, светотени внутреннего мира. Незаметно для него всё наблюденное откладывалось в его духовные запасники, зрело там до поры до времени, чтобы однажды обнаружиться в слитках бесценного житейского опыта».

Алексей Толстой попытался издавать в Казани газету, но разрешения на это не получил. Однако твёрдо решил посвятить свою жизнь писательскому делу. И вот впервые в Казани он выступил в печати: в газете «Волж-

ский листок» 6 декабря 1905 года появилось его стихотворение «Далёкие», 18 декабря – «Сон», 1 января 1906 года – ещё одно, новогоднее.

В письме из Казани от 7 января 1906 года Алексей Николаевич писал матери: «Посылаю тебе одно из напечатанных моих стихотворений, у меня их поместили всего три, и заметку, касающуюся тебя, мама». Это была его первая публицистическая заметка «Письмо в редакцию». Стихи его, написанные в Казани, интересны как отклик на события революции, ценны своей искренностью.

Стихотворение «Далёкие» посвящено политическим ссыльным, которые были гонимы за то, что любили «свой бедный, голодный народ».

*«Мы молоды, сильны и бодры
душою,
Нам горько в тайге умереть,
Меж лесом, болотом и мрачной
рекою,
Нет сил бесконечно терпеть!
Свободы, свободы и яркого
света,
И счастья вступающих в бой!
Душа наша снова любовью
согрета,
Воспрянет к борьбе роковой!».*

Площадь Куйбышева (ныне площадь Г.Тукая)

Казань отвечала на привязанность и любовь писателя взаимностью. В 1919 году, когда Колчак угрожал городу, казанский губернатор издал пьесу «Касатка». Тираж в две тысячи экземпляров был для того времени огромным. В 1946 году в Казани в драматическом театре был поставлен спектакль «Трудные годы» по второй части драматической повести А.Н.Толстого «Иван Грозный», а в 1949 году — спектакль «Хождение по мукам».

Часто бывал А.Н.Толстой в Казани во время Великой Отечественной войны. В 1941 году сюда были эвакуированы многие писатели. Посетил он тогда Жана-Ришара Блока, который жил на улице Куйбышева, 14 (ныне ул. Пушкина), близ «Кольца». К нему-то и приехал А.Н.Толстой в ноябре сорок первого. Вспоминая эту встречу, он говорил: «Сидим, пьем чай без сахара. Настроение отвратительное — враг под Москвой. Наш француз

как всегда бодрый, успокаивает хозяйку-татарку, муж которой был на фронте. «Ничего, Ничего! Мсье Гитлеру обязательно свернут шею. Не думаю, что она у него крепкая». В эти же дни Алексей Толстой посетил поэта Демьяна Бедного, который жил в семье автора статьи на ул. Б.Галактионовская, 17 (ныне ул. М.Горького). Тогда же он дважды выступил перед местными и эвакуированными писателями. Его первое выступление было посвящено теме «Что такое герой и героизм». От общей постановки вопроса А.Н.Толстой перешёл конкретно к героизму татарского народа. Он обещал собравшимся: «Придёт время, и я напишу о героизме в войне представителей татарского народа». Во втором выступлении он говорил о себе, о своём творчестве, интересовался творчеством татарских писателей.

В Казани уже в 1942 году был издан сборник газетных статей писателя «Родина». В него вошли статьи «Кто такой Гитлер и чего он добивается», «Фашисты ответят за свои злодеяния», «Лицо гитлеровской армии» и ещё 10 выступлений Алексея Николаевича, опубликованных в «Известиях», «Красной Звезде», «Правде»...

У автора статьи бережно хранится вторая книга «Родина», изданная уже в 1943 году.

Во время подготовки книги «Родина» к печати А.Н.Толстой приехал в Казань прямо с фронта, чтобы вычитать корректуру сборника, и узнал, что в Чистополе тяжело заболел Борис Леонидович Пастернак. Добраться от Казани до Чистополя было нелегко. Рейсовые автобусы не ходили. На попутной машине А.Н.Толстой доехал до Алексеевского, а там на перекладных и просто пешком в метель добрался до друга.

В 1964 году киностудия им. А.Довженко снимала фильм «Гадюка» по повести А.Н.Толстого. Съёмки проводились в Казани. Режиссёр Борис Ивченко удивлялся: «Выбирать натуру необыкновенно легко, Алексей Николаевич всё описал удивительно точно. Видно, он хорошо знал город...».

Сам Алексей Толстой за год до смерти, во время встречи с казанскими писателями в 1944 году, тепло отозвался о городе: «Казань для меня почти родной город. Здесь я учился. Здесь произошло моё литературное боевое крещение,... здесь же я пережил и свою первую любовь».

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

«КАК ВО СЛАВНОЙ ЛИ ТО БЫЛО ВО КАЗАНИ»

Ефим Алексеевич Придворов, будущий поэт Демьян Бедный, родился в 1883 году на Херсонщине, в деревне Губовка Елисаветградского уезда, в бедной крестьянской семье. Много и упорно занимаясь самообразованием, он в двадцатилетнем возрасте сдаёт экстерном экзамены за гимназический курс и становится студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1909 году на литературном небосклоне появляется новое имя — Е. Придворов, в 1912 году известное как Демьян Бедный.

Молодой интеллигент из народа Демьян Бедный пришёл к времени, став поэтом революции,

непримиримым врагом самодержавия. Он постоянно находился рядом с солдатами, на фронтах, поэтому стихи его были боевыми, их сам он называл «разрывными снарядами».

Впервые Демьян Бедный попал в Казань, когда Красная армия вошла в город, освободив его от белогвардейцев. Это случилось 10 сентября 1918 года. Демьян Бедный пишет стихотворение «Казань»: «Товарищи! С победой! Казань у нас в руках...».

В сентябрьские дни, находясь в Красной армии, Демьян Бедный издавал походную газету «На биваке». В первых трёх но-

Дом на ул. Б. Галактионовская, где жил Д. Бедный

мерах, посвящённых освобождению Казани, были помещены его стихотворения «Расказанское положение» и «Казанское чудо».

В перерыве между боями Бедный создал песню «Как родная меня мать провожала», которая впоследствии была положена на музыку композитором Васильевым-Буглаем. Она имела оглушительный успех, её распевала вся страна. Здесь же, под Казанью, поэт написал марш «Красноармейская звезда», прощальное стихотворение «Казанским товарищам». 14 сентября Демьян Бедный покинул город.

Во второй раз поэт приехал в Казань в годы Великой Отечественной войны. Он жил в нашем городе с 17 октября 1941 года по апрель 1942 года. В то время здесь жила большая группа эвакуированных писателей.

Поэт с семьёй поселился по адресу: ул. Большая Галактионовская, 11/9 (ныне ул. М. Горького, 17). «Устроился удовлетворительно. Со мною жена, дочь и тёща. С питанием бывают зазоры, но мы их преодолеваем, поскольку я для местных властей являюсь по старинке персоной: достаю кое-что, даже папиросы», — сообщал он 26 декабря 1941 года популярному тогда

поэту А.А.Жарову. В Национальном музее Республики Татарстан сохранился документ — список писателей на получение хлебных карточек, в котором значится и Демьян Бедный. Из его писем видно, что несмотря на трудности, оптимизм не оставлял поэта. 3 декабря 1941 года он пишет старому другу Н.Н.Накорякову: «У нас в Казани настроение рабочее, прекрасное. Жена со мною в Казани, приехала тёща с дочуркой. Сын переведён на службу в Казань. Радист».

Семья Демьяна Бедного жила в одной из комнат квартиры, где проживала бабушка автора этой книги, и мне, как очевидцу, посчастливилось видеть Демьяна Бедного. Вот какой колоритной фигурой сохранила его память: высокий, могучего телосложения; большая, лысая голова; всегда в простой и скромной одежде, и, хотя ему было в то время 58 лет, он был подвижным и деятельным. Поэт очень много курил, даже название папирос запомнилось — «Северная Пальмира». Запомнил и то, что получил от него поздравление с днём рождения.

В эвакуации поэт жил активной общественной и творческой жизнью: выступал на многих

собраниях и митингах, на радио. Так, 28 ноября 1941 года в помещении госцирка на общегородском собрании агитаторов он читал стихи, в декабре был на вечере-встрече писателей с Алексеем Толстым.

В газете «Красная Татария» печатались стихи, басни, эпиграммы Д.Бедного, в которых беспощадно разоблачались жестокость, вероломство гитлеровцев. Эти произведения находили отклик в сердцах людей, так как воспитывали ненависть к фашизму, воодушевляли на борьбу с врагом.

В канун 1942 года стало известно о героическом подвиге войск Закавказского фронта и моряков Черноморского флота, освободивших от захватчиков Керчь и Феодосию. На это событие поэт живо откликнулся стихотворением «Победителям», которое было напечатано на первой полосе новогоднего номера за 1942 год.

В этом же номере газеты были помещены его стихотворения «Напоролись!», «Сплошной эрзац», «Болван», «Поделом!». 11 января 1942 года было опубликовано стихотворение «Гвардия», специально написанное для «Красной Татарии».

Дом печати, где находилась редакция газеты «Красная Татария»

Жаль, что многие замечательные казанские стихотворения поэта не вошли в полное восьмитомное собрание его сочинений, изданное в 1963 году.

И в 1941, 1942 годах, как и в далёком 1918, голос Демьяна Бедного звучал молодо и призывно, словно рожок горниста, скликающий бойцов для атаки.

Поэт не ограничивался работой в газете. Он использовал все возможности антивоенной пропа-

ганды: делал надписи к агитплакатам, его стихотворные агитки встречались на театральных и цирковых афишах, на посылках фронтовикам. На табачных подарочных кисетах, отправляемых на фронт, можно было прочитать одну из них:

*Эх, махорочка душиста,
Хорошо её курнуть.
Бей проклятого фашиста,
Не давай ему вздохнуть!*

Пока грохотали пушки, Демьян Бедный не мог оставаться в тылу, требовал отправки на фронт. Знал об этом писатель А.А.Фадеев, который был руководителем Союза писателей СССР и неоднократно бывал в годы войны в Казани, виделся с поэтом в квартире, где тот жил.

О Казани тех суровых лет Д.Бедный писал: «Зимой прелестный город. Весна обещает особое, чисто казанское благорастворение воздушных масс». А.А.Фадеев предложил Бедному принять участие в создании «Окон ТАСС», и поэт тут же согласился. Однако перед самым отъездом из Казани он сломал ногу и вынужден был задержаться в нашем городе до апреля 1942 года. Но и во время болезни не переставал ра-

ботать — таков уж был у него характер.

До самой победы в Великой Отечественной войне из Москвы по-боевому продолжал звучать голос Демьяна Бедного. В 1945 году поэта не стало. Его творчество воплощало в себе народность, было неразрывно связано с жизнью страны, всегда своевременным откликом на самые животрепещущие темы современности. Заслуги Д.Бедного перед литературой, перед страной были отмечены 13 апреля 1963 года в Москве в Большом театре на вечере по случаю 80-летия со дня его рождения. Такие же торжественные мероприятия прошли и в Казани. Одна из улиц Вахитовского района города носит имя Демьяна Бедного.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

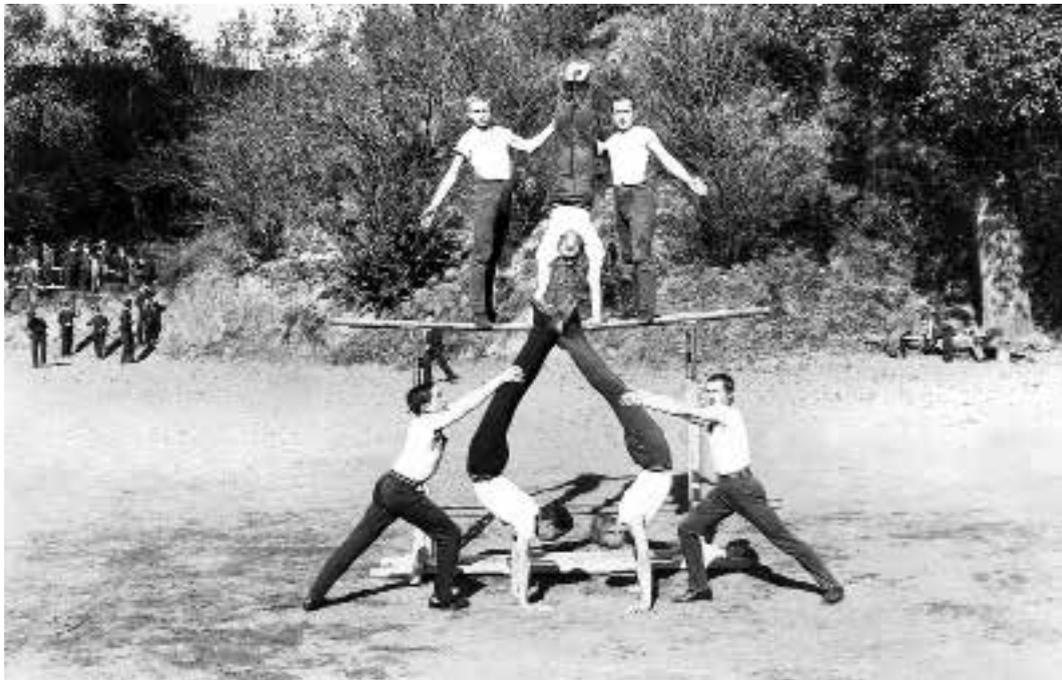
ОН ИЩЕТ СВОЁ «САМОБЫТНОЕ СЛОВО»

Сегодня мы заново открываем для себя этого замечательного поэта. Но чудеса здесь нет: просто человечество помудрело, и ему близка сила хлебниковского таланта, хлебниковской мысли. Начавший как один из ведущих участников движения футуристов в России (ему, кстати, принадлежит и русское название футуристов — «будетляне», т.е. представители будущего), он вырос в сложного и значительного поэта, особым, «звёздным» языком рассказавшего нам о времени, в котором он жил. Недаром В.Маяковский назвал его «Колумбом новых исторических материков».

А начиналось освоение мира этим поэтом-экспериментатором в своё время в Казани, где В.Хлебников прожил почти одиннадцать лет. Здесь он окончил третью гимназию (1898—1903), учился в университете (1903—1908), принимал участие в революционном движении, написал первые научные работы и первые стихи. Именно здесь скромный и застенчивый юноша Виктор становится Велимиром. Казанский период оказал огромное влияние на формирование его личности, мировоззрения и мировосприятия, на всё дальнейшее творчество.

В Казань семья Хлебниковых приехала в 1898 году (отец

Третья мужская гимназия. Занятия гимнастикой

Владимир Алексеевич, мать Екатерина Николаевна и пятеро детей). Остановились они в самом начале тихой и зелёной улицы Третья Гора (ныне ул. Калинина) в двухэтажном каменном доме, построенном в середине XIX века (дом не сохранился). Удобно, что до 3-й гимназии, в которой учился Виктор, было рукой подать. Она располагалась в бывшем доме-усадьбе помещика В.И.Чемезова (ныне Катановский переулок, 1, старое здание школы-гимназии

№4). Кстати, дом этот принадлежит к числу немногих сохранившихся в Казани зданий, являющих собой тип городской помещичьей усадьбы XVIII века.

Сестра Вера пишет о Викторе: «Благодаря своей памяти он считался хорошим учеником, особенно его занимала математика, которая помогала его постоянно работавшей мысли, увлекался он и русской словесностью. Он был в гимназии на хорошем счету и часто ставился в пример».

Его главными друзьями в гимназические годы были книги. Уже тогда юноша увлекался философскими трудами Дени Дидро, Иммануила Канта, Герберта Спенсера, Огюста Конта, В.В.Берви-Флеровского. И, конечно, читал художественную литературу, изучал естественные науки. В Казани Хлебников пристрастился к живописи. Кроме сестры Веры, которая стала отличной художницей, учителями его были П.Беньков, впоследствии известный художник, и Л.Чернов-Плесский. Пробовал своим силы и в музыке. В мае 1903 года Виктор прекрасно сдал выпускные экзамены, особенно блестяще — логику, математику, французский язык.

13 августа 1903 года он становится студентом физико-математического факультета университета, с первых же месяцев увлечённо занимается столь любимой им математикой. В студенческие годы В.Хлебников месяц сидел в тюрьме за участие в революционном движении. Его мать вспоминала: «С этих пор с ним произошла неузнаваемая перемена, он с отвращением ходил на лекции или их совсем не посещал». 24 февраля 1904 года по собственному прошению

Хлебников был отчислен из университета, однако 28 августа этого же года вновь зачисляется, но на естественное отделение физико-математического факультета. Уже тогда у него раскрывается талант вдумчивого наблюдателя, настоящего естествоиспытателя. Недаром ему доверили возглавить орнитологическую экспедицию в Павдинскую дачу на Среднем Урале. Впоследствии результаты экспедиции были опубликованы в отчётах научного общества естествоиспытателей университета, затем появились публикации и других исследовательских работ.

В 1904—1908 годах студент Хлебников успел сдать экзамены только за четыре семестра и закончить второй курс (во время революции 1905 года Казанский университет был закрыт почти два учебных года). Уже в то время всё больше времени и душевных сил занимает властно входящая в его жизнь Поэзия.

Когда Виктор написал своё первое стихотворение — неизвестно. Одно из первых стихотворений «Птичка в клетке» датировано 6 апреля 1897 года, то есть написано ещё до приезда в Казань.

Гимназист, а затем и студент Виктор Хлебников не

рекламирует увлечения поэзией, но летом 1904 года посылает несколько произведений Максиму Горькому.

Знаменитый писатель ответил ему. Этой неожиданной радостью поэт поделился с сестрой: «Как-то, взяв меня таинственно за руку, он увёл в свою комнату и показал рукопись, где стояла подпись «Горький» и где многие места были подчёркнуты. Горький одобрил его, так что вид у Вити был гордый и радостный», — вспоминает она.

С тех пор юноша упорно работал над каждой стихотворной строкой, образом, словом. Он ищет свой путь, хочет сказать своё «самобытное слово», во многом это ему удаётся.

Казанский период жизни В.Хлебникова — это не только годы его поэтического становле-

ния, но и годы первых творческих успехов.

После отъезда в сентябре 1908 года в Петербург В.Хлебников бывал в Казани только наездами. Духовная же связь Велимира с городом, который крепко запал в его память и который он искренне любил, не прерывалась никогда.

Не раз он обращается к Казани в своём творчестве. Так, в поэме «Хаджи Тархан» В.Хлебников ярко воссоздаёт страницы героического прошлого Казани:

*Казани страж — игла Сумбеки,
Там лились слёз и крови реки...*

И этот голос слышала вся Россия.

Казанцы помнят В.Хлебникова: одна из улиц в Кировском районе названа его именем.

*ГАБДУЛЛА***ПЕРВЫЙ
НАРОДНЫЙ
ПОЭТ**

С детских лет меня сопровождали стихи Тукая, которые мне читала моя бабушка. Я ходил по улице, которая названа именем поэта, видел дома, где он жил и работал. Многие из того, что он написал, я знаю наизусть. И гордость, что среди нас, татар, есть великий человек, сопровождала меня всю жизнь. Многие я узнал о жизни Тукая из книги писателя и поэта Ахмеда Файзи и многочисленных встреч с ним у нас дома.

Сибгат Хаким как-то сказал, что он не знает в истории мировой литературы судьбы более трагичной и горькой, чем у Габдуллы Тукая. Чтобы убедиться

в этом, перелистаем несколько страниц его короткой биографии.

Габдулла Тукай родился в апреле 1886 года в деревне Кушлавуч бывшей Казанской губернии (ныне Арский район Татарстана) в семье муллы Мухаметгарифа. Здесь очень короткое время ребёнка окружала родительская любовь. Но не прошло и пяти месяцев, как скончался его отец. В 1890 году умирает и мать — Бибимамдуда.

После Кушлавуча на сиротском пути юного Габдуллы Тукая были деревни Сасна, Училе (где жил дед по матери), два года жизни в Казани у приёмных

родителей, а затем — возвращение в Заказанье, в деревню Кырлай, куда привёз его новый приёмный отец, крестьянин Сагди.

В 1895 году девятилетнего Габдуллу увезли в Уральск. Там прошли детство и юность будущего поэта. Здесь он поступил в медресе, в этом городе начал писать стихи, одновременно работал в типографии корректором и экспедитором.

В последних числах сентября 1907 года Тукай собирается в дорогу в родную Казань — «город науки, просвещения и искусства». «Светозарная Казань» притягивала своей богатой и необходимой поэту культурной средой: газетами, книжными издательствами, театром, кругом людей, родственных Тукаю по мысли и духу.

Очувтившись под небом Казани, поэт почувствовал, что самые заветные чаяния его сбылись.

*О Казань,
ты — как светильник
на горе горишь в ночи,
Словно свечи — минареты,
колокольни, каланчи!
Ярко светишь ты уездам
захолустным и глухим,
Возвышаясь горделиво,
путь указываешь им!*

В Казани Тукай жил необыкновенно деятельно, здесь он состоялся как поэт, журналист, общественный деятель. С этим городом связан расцвет его таланта, человеческой и гражданской зрелости.

«Я доволен Казанью, — писал он в письме к сестре в Уральск. — Много друзей... Каждый день издаются новые книги и газеты. Читаем, сами пишем. Познакомился и с образованными девушками».

Тукай посещает литературные салоны, где собиралась передовая казанская интеллигенция, говорили о политике, спорили о новинках литературы, ставились любительские спектакли, звучали новые музыкальные записи, обсуждались новости городской жизни.

По воспоминаниям современников, у Тукая была большая библиотека. Все углы, подоконники 40-й комнаты в номерах гостиницы «Булгар» (ныне ул. Татарстан, 14/59), где он жил, были заставлены книгами. Они лежали и на полу. В числе первостепенных расходов поэт называл покупку книг.

Казанское окружение поэта — это его современники, близкие, друзья: писатели Фатих Амирхан и Гафур Кулахметов, поэт Сагит

Рамеев, политические деятели Хусаин Ямашев и М.Г. Дулат-Али, основоположники и актеры татарского театра Галиаскар Камал, Ильяс Кудашев-Ашказарский, Габдулла Кариев, первая профессиональная актриса Сахибджамал Гизатуллина-Волжская, которой Тукай посвятил два стихотворения.

Образованные девушки, о которых он сообщает сестре, — это женщины новой судьбы: сёстры Гафура Кулахметова Суфия и Шамсекамар, Амина Терегулова, которой Тукай посвятил некоторые свои юмористические стихи, любимая девушка Зайтуна Мавлюдова.

*Нет! Со мной из всех
влюблённых
не сравнится ни один.
Я люблю стократ сильнее,
чем Фархат любил Ширин.*

Для Тукая всё дорого в Казани: Казанский кремль с многоступенчатым спуском к Булаку, с пёстрой толпой ярмарки «Ташаяк», с многочисленными барабусами¹, грузчиками, куп-

цами, духовенством. «Восточный клуб» (ныне ул. Татарстан, 8), где он часто бывал и выступал с лекциями, — средоточие духовной жизни города. Знаменитый Сенной базар, находившийся неподалёку и давший ему прекрасный материал для создания поэмы «Сенной базар, или Новый Кисекбаш», любимое место прогулок — набережная озера Кабан.

*Чуть про Казань разговор
заведут,
вспомню я место родное.
Озеро то, что Кабаном
зовут,
сразу встаёт предо мною.
Озеро это и город давно
с любовью народом
воспеты,
Все там старинною
славой полно,
хранит вековые заветы.*

В Казани поэт работал в сатирических журналах «Ялт-Йолт» («Зарница») и «Яшен» («Молния»), которые фактически редактировал и в которых публиковались многие его фельетоны, памфлеты, сатирические стихи. Он остался верным поэтическому кредо, данному ещё на заре творчества в 1906 году:

¹ Барабус (от татарского «барабыз» — «поедем») — сезонный промысел татар, крестьян в Казани в XIX — I-й четверти XX века, перевозка людей и грузов.

Гостиница «Булгар» в Старотатарской слободе

*Лишь служение народу
признаю за счастье я,
В этом лучшая отрада,
сладость жизни для меня.*

Тукай работал в татарской демократической печати, в еженедельной газете «аль-Ислах», издававшейся с 1907 года на средства учащихся — шакирдов.

Творчество поэта достигло в Казани наивысшего расцвета. Достаточно сказать, что в течение пяти лет, проведённых здесь,

произведения поэта вышли отдельным изданием 23 раза. За один только 1909 год было издано 9 сборников. Издательство «Магариф» («Просвещение»), организованное братьями Шараф в 1904 году, выпустило почти все прижизненные издания произведений Тукая. В Казани Тукай становится признанным поэтом, которому платили неплохие гонорары. «У него берут в долг и не возвращают, около него кормится множество людей», — пишет

*Ярмарка у стен
Кремля*

*Здание «Шарык
клубы» («Восто-
чный клуб»)*

*Редакция
газеты
«аль-Ислах»
(«Реформа»)
1908*

исследователь жизни и творчества Г. Тукая И. Нуруллин.

При всей активной творческой деятельности и напряжённом труде материальное положение поэта остаётся не из лёгких: он вынужден заниматься корректорской и экспедиторской работой в издательстве «Китап» («Книга»). Ещё с детства подорванный организм сдаёт — Тукай заболевает туберкулёзом лёгких. Даже в таких обстоятельствах поэт продолжает работу, совершает путешествия, едет в Нижний Новгород, посещает Астрахань и Уфу, а впоследствии отправляется

в казахскую степь вблизи Троицка лечиться кумысом. Он успел побывать и в Петербурге, но доктора ввиду обострившейся болезни посоветовали ему как можно быстрее покинуть столицу.

Из Троицка Тукай возвращается в Казань и, несмотря на болезнь, сотрудничает в январе-феврале 1913 года с редакциями газеты «Кояш» («Солнце») и журнала «Анг» («Сознание»).

Вскоре он вынужден лечь в больницу Клячкина на бывшей Вознесенской улице (ныне улица Островского, 11/6), считавшуюся не самой дорогой в городе, хотя

Прижизненные издания Г.Тукая

месячное пребывание здесь обошлось в 150 рублей — сумму по тем временам огромную. В этой больнице с 26 февраля по 2 апреля 1913 года лечился поэт, она явилась последним прижизненным пристанищем Г.Тукая. Но и в больнице до последних своих минут Тукай работал, готовил сборник избранных произведений, подписав договор на его издание. Сборник вышел в 1914 году, когда автора уже не было в живых.

Сохранилась последняя фотография поэта. На больничной койке он запечатлён за 28 часов до кончины. Лицо его спокойно,

и не прочитать на нём сожаления, что так рано, в 27 лет, приходится уходить из жизни. Губы словно повторяют строки из стихотворения «Поэт», написанного ещё в 1908 году:

*Я, распевая песни,
встречу смерть.
Сам Израил² не запретит
мне песни петь.
Спою: «Я уйду,
вы остаётесь», —
Когда настанет время
умереть.*

² Израил — имя ангела смерти, одного из приближённых к Аллаху ангелов.

Похороны Г.Тукая. Прощание у главной мечети, апрель 1913 г.

Во время похорон Тукая десяти-тысячная толпа загрохотала все прилегающие к больнице улицы и переулки вплоть до Булака. Когда похоронное шествие двинулось, начало его было уже возле кладбища в Новотатарской слободе, а конец — ещё в центре города. В этот день все татарские газеты посвятили Тукаю специальные выпуски. Уйдя из жизни в земном смысле, Тукай-поэт не оставил этот мир.

Конец его короткой и яркой жизни был шагом в бессмертие.

Литературовед и историк Гали Рахим в то время писал: «Народ сам нашёл и выбрал своего певца... Он навсегда останется нашим первым «народным поэтом».

«Родной язык» Тукая стал гимном народным, песни его распевали и в Казани, и в Астрахани, и в Оренбурге, в самых глухих деревнях.

Дом Шамиля, где расположен Литературный музей Габдуллы Тукая

путь на кладбище в Новотатарской слободе.

Вполне закономерно, что 11 июня 1986 года именно на этой улице, в доме №74, в красивом здании, известном как «дом Шамиля», был открыт Литературный музей народного поэта Габдуллы Тукая.

С каждым годом Казань хорошеет, её старинные дома, помнящие многие события, реставрируются. А сегодня с раннего утра до поздней ночи по ней спешат люди, невольно замедля шаг у музея поэта, чтобы поклониться ему ещё раз. И так будет всегда!

Памятник Габдулле Тукаю

*А. Н. ТУПОЛЕВ***МАСШТАБЫ
ТУПОЛЕВСКОЙ
МЫСЛИ**

Генеральный конструктор, генерал-полковник-инженер, академик Андрей Николаевич Туполев по праву занимает одно из первых мест в славной плеяде российских конструкторов самолётов.

Крупный учёный, возглавивший новые научные направления, организатор и руководитель большого коллектива, создавшего много типов самолётов и других видов авиационной техники, А. Н. Туполев прожил яркую творческую жизнь.

Родился он в 1888 году в селе Пустомазово Тверской губернии. После окончания гимназии в 1908 году поступил в Техничес-

кое училище (Москва), в 1918 году окончил его с отличием. Участвовал в постройке планёра, на котором самостоятельно совершил перелёт через реку Яуза (1910). В 1916–1918 годах Туполев участвовал в работах первого в России авиационного расчётного бюро, конструировал первые аэродинамические трубы в училище.

Вместе с основоположником современной аэродинамики Н. Е. Жуковским был организатором и одним из руководителей Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ).

С 1922 года – председатель комиссии по постройке метал-

лических самолётов при ЦАГИ. В 1923 году Туполев создал свой первый лёгкий самолёт смешанной конструкции (АНТ-1), в 1924 — первый в Советском Союзе цельнометаллический самолёт (АНТ-2), в 1925 — первый боевой цельнометаллический самолёт (АНТ-3), строившийся серийно.

Туполев разработал и внедрил в практику технологию крупносерийного производства лёгких и тяжёлых металлических самолётов. Под его руководством проектировались бомбардировщики, разведчики, истребители, пассажирские, транспортные, морские, специальные рекордные самолёты, а также аэросани, торпедные катера, гондолы, мотоустановки и оперение первых российских дирижаблей. Так, самолёт АНТ-4 совершил перелёт по маршруту Москва — Нью-Йорк (1929), эти же самолёты спасали экипаж парохода «Челюскин» (1934).

В начале 30-х годов прошлого века руководство страны взяло курс на индустриализацию страны: выдвинуло задачу переоборудования старых и строительства новых авиационных заводов. А. Н. Туполев назначается на пост главного инженера Управления авиационной

промышленности. Именно тогда при его участии был создан Казанский авиационный институт (ныне Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева), а весной 1932 года в северо-восточной части города на Караваевском поле был заложен «Машинострой» (ныне КАПО — Казанское авиационное производственное объединение), который собрал около ста тысяч рабочих, съехавшихся со всей страны. Среди них оказался с семьёй и отец будущего президента России Б. Н. Ельцина. Тогда было решено, что завод будет предназначен для крупного самолётостроения.

Гордостью российского самолётостроения стал самый большой для того времени восьмимоторный самолёт АНТ-20 «Максим Горький», один модернизированный вариант которого был построен в Казани и длительное время эксплуатировался на пассажирских линиях.

В 1937 году А. Н. Туполева необоснованно репрессировали с ложным обвинением в создании им вредительской организации, передававшей чертежи самолётов немецкой разведке, благодаря чему в Германии якобы

создали самолёт, получивший название «Мессершмитт-110». С 1937 по 1941 год он работал в «шараге» ЦКБ-29 НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), располагавшейся сначала в подмосковном Болшеве, а затем на улице Радио в Москве, на месте нынешнего конструкторского бюро «Туполев». Здесь конструктором был создан фронтовой бомбардировщик ТУ-2, доведённый в годы Великой Отечественной войны до серийного производства, ставший одним из лучших образцов оружия Победы. Именно тогда Андрею Николаевичу Туполеву Сталин дал возможность привлечь к работе тех, кого он считал нужным, и учёный составил список из 200 человек. Все эти люди пребывали за решёткой.

Список Туполева многих спас от гибельных для них шахт и лесоповалов. Одним из первых в нём был Сергей Королёв, «доходивший» в лагере. В «шараге» все знали: создадут проект ТУ-2 – выйдут на свободу. Среди освобождённых был и создатель пикирующего бомбардировщика ПЕ-2 В. М. Петляков, так же необоснованно репрессированный и высланный. К сожалению, Петляков погиб в 1942 году во время

перелёта из Казани в Москву для встречи с министром авиационной промышленности. Туполев в то время работал в Омске и специально прилетел в Казань на похороны выдающегося авиаконструктора.

Был и другой случай, уже после войны. Сталин лично вызвал Туполева, чтобы дать задание: на базе американского дальнего четырёхмоторного бомбардировщика «Боинг» Б-29 сделать точную копию – один к одному. Задача, поставленная перед А. Н. Туполевым, была архисложной, так как за годы войны Советский Союз резко отстал от Запада во многих областях авиационной технологии. Сроку же было дано всего два года. И всё-таки ТУ-4 был создан. В Казани было построено 655 таких машин. Это была настоящая стратегическая авиация – носительница ядерного оружия. Сегодня единственная уцелевшая казанская машина ТУ-4 находится в Китае, в авиамузее города Пекин.

После того, как в войне с Кореей появились американские реактивные бомбардировщики «Боинг» Б-47, вновь последовало задание Сталина выдать в ответ нечто адекватное. Результатом

ТУ-22

стало создание самолёта ТУ-16. Первый его полёт был совершён в Москве 27 мая 1952 года. Только в Казани было изготовлено более 800 таких крылатых машин. Некоторые из этих уникальных самолётов служат в небе до сих пор.

И всё же не военные, а пассажирские лайнеры были у Андрея Николаевича самым любимым детищем — он хотел приносить пользу людям, а не создавать угрозу их жизни.

Пассажирская версия ТУ-16 — самолёт ТУ-104Б — был изготовлен в Казани в количестве 99 машин, а вот ТУ-110 (четырёхмоторная версия ТУ-104) — только в трёх экземплярах.

Тогда же, в конце 50-х годов, в ответ на интенсивные разработки сверхзвуковых бомбардировщиков на Западе в Казани началось производство первого советского тяжёлого сверхзвукового бомбардировщика ТУ-22, впервые взлетевшего в Москве 21 июля 1958 года. До конца 60-х годов прошлого века этих машин было сделано более 300 в вариантах ракетноносца, разведчика, постановщика помех и учебно-тренировочного самолёта. Этот туполевский самолёт выпускался только в Казани. Казанский ТУ-22М стал широко известен на Западе под именем «Бэкфайр». Сейчас «Бэкфайр» перестал быть большим секретом.

ТУ-144

А. Н. Туполев обладал редким даром научного предвидения, поэтому, работая над завершением проекта самолёта и осуществляя запуск его в серию, он уже думал о будущем, о ещё более совершенном летательном аппарате. Все эти качества воплощены в новом поколении реактивных пассажирских магистральных самолётов ТУ-114, ТУ-124, ТУ-134 и ТУ-154, которые стали массовыми самолётами Аэрофлота. Коллектив конструкторского бюро под руководством А. Н. Туполева создал первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолёт ТУ-144. Примечательно, что первый вы-

лет ТУ-144 был совершён на два месяца раньше «Конкорда» — 31 декабря 1968 года.

Под руководством Туполева спроектировано свыше 100 типов самолётов, 70 из которых строились серийно. На его самолётах установлено 78 мировых рекордов, выполнено 28 уникальных перелётов, в том числе В. П. Чкалова и М. М. Громова на АНТ-25 через Северный полюс в США.

Выдающемуся авиаконструктору была присуждена Ленинская премия, пять раз он был лауреатом Государственной премии СССР, трижды ему присваивалось высокое звание Ге-

Памятник А. Н. Туполеву

роя Социалистического Труда. А. Н. Туполев был награждён многими правительственными наградами не только Советского Союза, но и иностранных государств.

Андрей Николаевич Туполев ушёл из жизни в 1972 году.

В 1973 году Казанскому авиационному институту было при-

своено имя академика А. Н. Туполева.

В 2014 году в сквере на пересечении улиц Декабристов и Гагарина, состоялась торжественная церемония открытия памятника выдающемуся отечественному авиаконструктору, трижды Герою Социалистического Труда Андрею Николаевичу Туполеву.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

«СКАЗАНИЕМ ВСТАЁТ КАЗАНЬ...»

Владимир Владимирович Маяковский родился 19 июля 1893 года в Грузии, в селе Багдади в семье лесничего. Учёбу в 1902 году начал в кутаисской гимназии, продолжив её в 1906 году уже в Москве, где учился до 1908 года. В 1911 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1912 начали появляться его первые стихи в сборниках футуристов. Футуристы, называвшие себя так потому, что они стремились создать «искусство будущего» («футурум» — будущее), изощрялись в поисках необыкновенных форм и при этом меньше всего заботились о содержа-

нии создаваемых произведений, отрицая традиционную культуру. «Учредителями» футуризма в России были Василий Каменский, Давид Бурлюк и Владимир Маяковский. Эта группа с декабря 1913 по 1914 год и поехала по России с «поэзо-концертами», выступив в 17 городах. В Казани их выступление состоялось 20 февраля 1914 года в Колонном зале Дворянского собрания.

Уже тогда Маяковский стремился к общению с огромной аудиторией, к созданию поэзии «площадей и улиц». Как отмечала тогдашняя казанская пресса, на встречу собралось такое ко-

личество студентов, что «яблоку негде было упасть». Многие в этом выступлении было скандальным, нарочитым и вызывало вопли негодования «чистой» публики. Тройка друзей тщательно и долго распивала чай на сцене, стакан за стаканом, не обращая внимания на публику. Вместо председательского колокольчика в руках у одного из них — огромный пожарный колокол, которым он время от времени зычно благовестил. Скандальность выступлению Маяковского придавали его жёлтая рубашка и жёлтый галстук. Но, когда он начинал говорить, большинство присутствующих было покорено содержательностью, ясностью, выразительностью выступления поэта. Вот как вспоминала 50 лет тому назад об этом незабываемом для неё событии моя школьная учительница литературы Н.Е.Лазарева: «Его речь опиралась на образы, на сравнения, неожиданные и меткие. Даже самые враждебно настроенные или равнодушные подчинились этому голосу. Особенно когда речь Маяковского, сама по себе ритмичная, естественно переходила в стихи. Он знакомил слушателей с новой поэзией. Непонятый многими ревнителя-

ми классической литературы, он привлекал молодёжь своим новаторством, энергией, ломкой традиционных представлений о поэзии, что и выделяло его из всех и так привлекало к нему».

Позднее в доме братьев Барановых (ныне ул. Вишневского, дом не сохранился) Маяковский встретился с членами студенческого литературного кружка.

Вскоре футуристические «скандалы» кончились. Определяющими для Маяковского были всё же не футуризм, не программа маленькой эстетической группы, а огромные социальные потрясения, переживаемые страной. Теперь у Маяковского основное направление творчества — ощущение грядущей революции, громадных преобразований в обществе. После Октябрьской революции он пишет: «Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет» — и « всю свою звонкую силу поэта » отдаёт борьбе за утверждение нового строя. В рамках лекционной поездки по городам он посетил наш город в 1927 году. В эти годы он уже признанный поэт-трибун.

В Татарском театре (ныне Татарский театр драмы и комедии им. К.Тинчурина, ул. М.Горького, 13) 20–21 января 1927 года

Татарский театр

состоялись два больших творческих вечера, на которых поэт делился своими мыслями о литературе, читал стихи. Встреча Владимира Маяковского с казанской публикой вылилась в настоящий праздник. Вот как вспоминал об этом сопровождавший его в поездках П. И. Лавут в статье «Маяковский едет по Союзу»: «...билеты на оба вечера расхватили в один день. Театр осаждён — толпа катастрофически разрастается. Появляется конная милиция — такое я наблюдал впервые. Студенты требовали входных билетов, и дирекции

пришлось согласиться. Толпа хлынула в театр... Пора начинать, а Маяковского нет. Странно, и на него не похоже. Догадавшись, что он не может попасть на свой собственный вечер, я зываю к милиции. Его извлекают из толпы, уже изрядно помятого. Но он приятно возбуждён... Маяковскому долго не давали начать: буря аплодисментов, которую не могла остановить ни его поднятая рука, ни призывы...».

Газета «Красная Татария» писала о Маяковском: «Такой же большой и мощный, как и его образы. Над переносицей вер-

Редакция
газеты
«Красная
Татария»

тикальная морщина. Тяжёлый, слегка выдающийся подбородок. Фигура волжского грузчика. Голос — трибуна... На эстраде чувствует себя как дома. К аудитории относится дружески-покровительственно». 21 января днём В. Маяковский выступал в университете. В тот же день Маяковский побывал в редакции газеты «Красная Татария», где встретился с журналистами (ныне дом № 29/1 на углу улиц Дзержинского и Театральная, отмеченный мемориальной доской). Маяковский призвал делать газету ярче, доходчивее, больше работать над

текстами статей и их заголовками, чаще печатать стихи.

Уезжая, поэт обещал: «Обязательно ещё раз приеду сюда». И он сдержал своё слово. 23 января 1928 года Маяковский читал в Казани поэму «Хорошо!», своего рода программное произведение. На следующий день утром он, как и в предыдущем году, выступил в университете, где, как бы давая поэтический отчёт перед читательской аудиторией о своих поездках по стране, о многочисленных встречах, в том числе и в Казани, прочитал новое стихотворение «По

городам Союза». В тот же день состоялась дружеская встреча с журналистами города в номере гостиницы «Казанское подворье» (ныне жилой дом, ул. Н.Баумана, 9/10), где в оба свои приезда останавливался поэт. С большим интересом Маяковский знакомился с достижениями молодой татарской советской литературы. Он встречался с татарскими писателями — А. Кутуем, Х. Туфаном, Р. Ишмуратовым, Г. Минским. Интересно, что с А. Кутуем Маяковский познакомился ещё в 1925 году, когда тот на татарском языке прочитал Владимиру Владимировичу переведённый им «Левый марш», за что получил крепкое рукопожатие в виде благодарности. У Маяковского в стихотворении «Казань» описан такой эпизод:

*Входит татарин!
«Я
на татарском
вам
прочитаю
«Левый марш»*

Так вот эти известные поэтические строки написаны именно о литераторе Аделе Кутуе.

Встречи с нашим городом и его людьми Маяковский ораз-

ил и в стихотворении «Три тысячи и три сестры».

К сожалению, Владимир Маяковский ушёл из жизни в самом расцвете сил — 14 апреля 1930 года. Ему было всего 36 лет.

В Национальной библиотеке Республики Татарстан бережно хранятся его книги: первый сборник избранных произведений «Просто как мычание», вышедший в 1916 году в издательстве «Парус», пьеса «Мистерия-буфф» издания 1919 года, второе издание пьесы «Клоп».

В память о пребывании поэта на гостеприимной казанской земле одна из улиц нашего города названа его именем.

В Казани нет, наверное, дома, где бы не было томика Маяковского на русском или татарском языках. С его именем неразрывно связаны наши представления о нём как о поэте-новаторе. И сегодня, словно гимн древнему городу, по-особому мощно и величественно звучат слова поэтического кумира многих поколений, который приветствует своих читателей уже третьего тысячелетия:

*Сказанием
встаёт Казань,
столица Красной Татарии.*

Л. М. РЕЙСНЕР

**ВАЛЬКИРИЯ
РЕВОЛЮЦИИ**

Лариса Михайловна Рейснер родилась в 1895 году в польском городе Люблине в семье прогрессивного учёного-юриста, в то время профессора, знатока государственного права Пулавской сельскохозяйственной академии.

Раннее детство Ларисы Рейснер прошло в Томске, где отец преподавал в университете. В 1903 году за поддержку студенческих беспорядков М. А. Рейснер был уволен, и семья уехала в Германию.

В 1907 году Рейснеры возвращаются в Россию. В Петербурге Лариса заканчивает с золотой медалью женскую гимназию и становится студенткой Пси-

хоневрологического института, в качестве вольнослушательницы посещает университетские лекции по истории политических учений. Её привлекала политика, она сочиняла стихи и мечтала стать поэтессой:

*Апрельское тепло
не смея расточать,
Изнеможённый день
идёт на убыль,
А на стене всё так же
мёртвый Врубель,
Ломает ужаса
застывшую печать...*

Видно, что это не женское письмо...

Лариса была красавица. Предоставим слово мужчинам, видевшим её.

Вадим Андреев: «Когда она проходила по улицам, казалось, что она несёт свою красоту, как факел... Не было ни одного мужчины, который прошёл бы мимо, не заметив её, и каждый третий врвался в землю столбом и смотрел вслед».

Эндрю Ротштейн, английский журналист: «Я совсем не был готов, входя в купе, к красоте Ларисы Рейснер, от которой дух захватывало, и ещё менее был подготовлен к чарующему каскаду её весёлой речи, полёту её мысли, прозрачной прелести её литературного языка».

Юрий Лебединский, поэт: «Это была не то античная богиня, не то валькирия немецких саг...».

Удивительно: Лариса Рейснер — воплощение женственности, а по внутреннему складу была иной, решительной и даже резкой, и гордилась своим «мужским складом ума». Она словам предпочитала поступки. Любила споры. Всегда находила веские доказательства. Любила побеждать. В том числе и мужчин...

Николай Гумилёв — поэт, капитан, рвущий из-за пояса пистолет, настоящий мужчина-во-

ин. Они встретились осенью 1916 года в «Привале комедиантов» — артистическом кабачке на Марсовом поле. Скоротечный роман протекал под сенью восточных образов и символов. В их райском саду его звали Гафиз, её — Лери.

«Я не очень верю в переселение душ, — писал он ей, — но мне кажется, что в прежних своих переживаниях Вы всегда были похищаемой Еленой Спартанской, Анжеликой из Неистового Роланда и т.д. Так мне хочется Вас увезти. Я написал Вам сумасшедшее письмо, это от того, что я Вас люблю. Ваш Гафиз».

Вместо похищения была встреча на Гороховой в «доме свиданий». Лариса Рейснер признавалась: «Я так его любила, что пошла бы куда угодно». Гумилёв предлагал Ларисе пожениться, но она отказалась. Потом узнала, что у него роман с Анной Энгельгардт, которая и стала второй женой поэта (первой, как известно, была Анна Ахматова).

Разрыв был окончательный. В одном из своих последних писем к Гумилёву Рейснер писала: «...В случае моей смерти все письма вернутся к Вам. И с ними то странное чувство, которое нас

связывало, и такое похожее на любовь...».

И пожелание поэту: «Встречайте чудеса, творите их сами. Мой милый, мой возлюбленный... Ваша Лери».

...Рейснер бросилась в революцию, как в стихию. Не в поэзии, не в литературе она утвердилась, нашла саму себя, а именно в огне и крови революции, где надо было убеждать, командовать, повелевать, рисковать жизнью — всё это будоражило её кровь. Она была рождена не поэтессой, а отважным комиссаром.

Лариса Рейснер выехала на фронт, в Казань, вместе с Фёдором Раскольниковым, которого 27 июля 1918 года назначили командующим всей охраной и обороной водных путей на Волге, а её — комиссаром разведки штаба 5-й армии. Став комиссаром, она действительно упивалась этой новой значительной ролью. Появлялась в своей чёрной шинели среди матросов, словно олицетворение нового мира. На неё взирали с робостью и восхищением. Потрясающая была женщина! Она проходит с Волжской боевой флотилией весь её трёхгодовой крестный путь, начавшийся в Казани.

23 августа 1918 года в газете «Известия» было опубликовано «Письмо с Казанского фронта». Автором его была Лариса Рейснер. Не верится, что ей всего двадцать с небольшим, — у неё перо зрелого человека, безумно талантливого...

6 августа Казань была захвачена белочехами и белогвардейцами. Части Красной армии отступали, красноармейские отряды охватила паника, многие покидали фронт. Но некоторые бойцы и командиры не успели уйти из города. И для того, чтобы разведать обстановку и узнать о судьбе оставшихся товарищей, в стан врага направляется Рейснер. В Казани её арестовали, и лишь везение и собственная находчивость спасли её от смерти.

Вот как описывает мрачными красками дни разгула белого террора Лариса Михайловна в книге «Фронт»:

«Русская провинция вообще ободрана, безобразна и скучна. Все её города и городишки похожи друг на друга, как чёрствые калачи... Арбузы, пыль, дощатые заборы, дома, в которых нет ничего, кроме вывесок и витрин. И мостовая из каменных желваков, мозолей, гранитных флюсов.

Ни один патруль не остановил нашу телегу — и в Адмиралтейскую слободу мы въехали, едва веря своей удаче, хотя непреклонное уродство улиц и домов со всех сторон спешило нас уверить, что это уже не сон, а сама кривобокая, скуластая, охваченная белогвардейским бредом Казань...

Знакомые улицы, знакомые дома, и всё-таки их трудно узнать... Офицеры, гимназисты, барышни из интеллигентных семейств в косынках сестёр милосердия и разухабистая, почти истерическая яркость кафе — словом, вся та мишура, сыпь, которая выступает на теле убитой революции...

Телега въехала в пыльную широкую слободскую улицу. Деревянный тротуар, во всех его щелях простодушная трава, одноэтажные деревянные домики, ворота с петухами и скрипом, зелёные и белые, всегда сонные ставни. Словом, сплошная голубизна купеческого неба, облачка, как пар от послеобеденного самовара, городок Окуров в шёлковых, ярких и жирных красках Кустодиева...».

И далее:

«...В предместье трамвай медленно, с грохотом тащился вдоль

забора, обклеенного плакатами: «Вся власть Учредительному собранию». Вероятно, люди, налепившие это конституционное враньё, не думали, что их картинки станут частью циничного, общепонятного революционного плаката.

Белый штаб помещался на Грузинской улице (ныне ул. К.Маркса, 64). У всех дверей часовые — гимназисты, мальчики пятнадцати-шестнадцати лет. Вообще вся провинциальная интеллигенция встрепенулась, вооружилась и занялась государственными делами в масштабе любительского Красногостского Креста, любительского шпионажа и самопожертвования на алтарь Отечества, декорированного лихими галифе, поручьими шпорами и усами.

Боже, как хорош белый режим на третий день от своего сотворения! Как бойко стучат машинистки, какие милые, интеллигентные лица над ремингтонами. У дверей кабинета два лихача-солдата. Вроде тех, что каменели в старину у царской ложи...

Два дня продолжались мои визиты на Грузинскую, от нескольких секретарей и дежурных удалось окончательно узнать список расстрелянных и бежав-

ших друзей. Пора было подумать об обратном исходе...

Всё шло хорошо, пока пристав-черносотенец, где я остановилась, настоятельно предлагает проводить меня в штаб «для справок», а я без гроша денег и без паспорта. Пришлось пойти. В штабе, где я часами справлялась о мифических родственниках, меня сразу узнали. Сравнили фамилии — не сходятся. Ваш паспорт? Нету. Начало ужасающее, серый долгий допрос. Допрашивал офицер. Никогда не забыть канцелярию, грязный пол, уже «оконченных» людей по углам.

На минуту мой палач ушёл в соседнюю комнату. У часового потухла папироска, он пошёл закурить. Осталась большая зимняя дверь посередине. Я её рванула и оказалась на лестнице, потихоньку сошла вниз и пошла на улицу. Тихим шагом до угла, потом на извозчика. Куда ехать? И вспомнила Булыгина, белогвардейца, с которым ехала когда-то в Казань. Застала дома — они дали мне платье кухарки, 5 рублей, и я скоренько побежала в предместье. В четырёх верстах, отштутившись неприличными шутками от двух патрулей, набрела на нашу цепь. Так

чудом спаслась... В Свияжске узнала, что Раскольников жив...».

Первая глава книги «Фронт» — единственная, где Лариса Рейснер ещё рассказывает о себе. Потом люди и события гражданской войны будут перенасыщать её очерки. Но вот маленькая деталь, где живо высвечивается её характер:

«...И вдруг какой-то комендант озлобленно плюёт на открытую рану: «Ну, Ваш-то, наверное, цел — напрасно беспокоитесь. До Парижа успел добежать». Через минуту он стоит, облитый горячим чаем, красный, удивлённый и злой, но это ничего не меняет. Всё окрашивается в чёрный цвет, во всяком вопросе чудится обидный намёк...».

Первый военный опыт — полная неразбериха поражения, никакой связи между отрезанными друг от друга и от штаба отрядами и слухи, слухи... Лариса оказалась одним из первых разведчиков, если не первым, добывшим важные сведения. В письме родителям Лариса Михайловна пишет:

«Троцкий вызвал меня к себе, я ему рассказала много интересного, что я назначена приказом по армии комиссаром разведывательного отдела при штабе,

что набрала и вооружила для смелых поручений тридцать мадьяр, достала им лошадей, оружие и от времени до времени хожу с ними на разведку. Говорю с ними по-немецки».

А вот как описала встречу с Ларисой Рейснер Елизавета Драбкина в своей книге «Чёрные сухари»:

«Впереди на вороном коне скакала женщина в солдатской гимнастёрке и широкой клетчатой юбке, синей с голубым. Ловко держась в седле, она смело неслась по вспаханному полю. Это была Лариса Рейснер, начальник армейской разведки. Прелестное лицо всадницы горело от ветра. У неё были светлые глаза, от висков сбегали схваченные на затылке каштановые косы, высокий чистый лоб пересекала суровая морщина. Ларису Рейснер сопровождали бойцы приданной разведке роты Интернационального батальона...».

Ещё неделю назад Лариса писала о лошади: «Но, боже мой,.. что делать потом с ногами, к которым не без умысла привинчены громадные шпоры? Поехали шагом — ничего. Потом рысью — мучение и страх. А проехать надо все 40 вёрст. В первый же день знакомства с рыжим «Красав-

чиком» началась наша с ним нежная дружба, длившаяся три года» (из главы «Казань»).

В те же дни Лариса писала родителям: «Жизнь спешит безумно. Сильно страдаем от грязи и насекомых. Бесконечно благодарна за ножички и остальное. Вышлите с первой оказией шляпу и моё осеннее пальто. Хожу в невообразимом виде и мёрзну. Все вещи остались в Казани. Адрес: Свияжск, штаб 5 армии, политкому отдела разведки Раскольниковой».

Всеволод Вишневский так объясняет, почему он взял прообразом комиссара в «оптимистической трагедии» Ларису Рейснер: «Служа на корабле «Ваня», я встретил друга на всю жизнь — пулемётчика Петра Попова, а также Ларису Рейснер. Лариса Рейснер — петербургская культура, ум, красота, грация. Человек, который как-то пришёл на флот и как-то сумел подчинить реакционную группу офицерства. Когда она пришла к нам, мы ей сразу устроили проверку: посадили на моторный катер и попёрли под пулемётно-кинжальный огонь белочехов. Даём полный ход. Катер идёт, мы наблюдаем за «бабой». Она сидит. Даём поворот. Она: «По-

чему поворачиваете? Рано, надо ещё вперёд». И сразу этим покорила. С того времени дружба. Ходили в разведку. Человек показал знание, силу. Мы сначала не верили: «Пришла какая, подумаешь!».

Очень активная, очень напряжённая, напористая и очень простая. Я помню такой случай. 1 октября 1918 года наш корабль погиб. В живых осталось тридцать человек. Мы сидим, греемся, дают кофе, спирт. Подходит Лариса: «Расскажите». Меня толкают: «Валяй, ты умеешь». Рассказал. Она выслушала, потом подошла и... поцеловала в лоб. Парни заржали, она посмотрела, и все утихли. Это было просто, и у меня осталось на всю жизнь...».

Я должен признать, что наличие в армии таких женщин, как Лариса Михайловна, даже очень желательно.

Лариса Рейснер в гражданскую войну была бесстрашной, раскованной, смотрела смерти в глаза. И там она нашла своего истинного воина, рыцаря революции, красного командира Фёдора Раскольникова. Любовь родилась в бою. Общий враг. Единые цели. Оба тяготели к литературе. Они поженились в апреле

1921 года и после того, как Раскольников назначили послом в Афганистан, в июле 1921 года направились туда. Кстати, Лариса Рейснер ехала не только как жена посла, но и как корреспондент газеты «Правда».

Афганистан после голодной России казался райским местом. Сытно и красиво. Фонтаны и розы. Как бы там ни было, но молодая женщина стала томиться в этом райском уголке, вдали от бурных событий. Материал для своей будущей книги уже собрала, больше делать нечего. Уехала домой вроде ненадолго, проведать родных. Однако, уехав, пропала. Сообщила мужу в письменной форме, что между ними всё кончено. Тому имелись причины личного характера: в её жизни появился другой мужчина.

Этот другой – известный журналист Карл Радек. Внешне неинтересный, низкорослый, зато, когда начинал говорить, казался красавцем. Человек парадоксального склада ума, блистательного остроумия, недюжинного таланта. Радек стал неофициальным супругом Ларисы Михайловны (он вообще-то был женат). А официально пришлось отступить.

«Мне кажется, что мы оба совершаем непоправимую ошибку, — писал Фёдор Раскольников в своём последнем письме Ларисе, — что наш брак ещё далеко не исчерпал всех заложенных в нём богатых возможностей. Боюсь, что тебе в будущем ещё не раз придётся в этом раскаиваться, но пусть будет так, как ты хочешь. Посылаю тебе роковую бумажку...».

Речь шла о согласии на развод.

В это время она пишет книгу «Афганистан». Это первая книга, где Восток показан через увеличительное стекло революционного сознания.

С Радеком Лариса уехала в Гамбург, где пишет книгу «Гамбург на баррикадах». Далее в её судьбе значатся Урал, Донбасс и книга «Уголь, железо и живые люди».

Всё оборвалось трагически. Глоток сырого молока — и Ларисы Рейснер не стало. Она умерла от брюшного тифа 9 февраля 1926 года в Москве, не дожив трёх месяцев до 31 года.

«Зачем было умирать Ларисе, великолепному, редкому, отборному человеческому экземпляру?» — патетически вопрошал Михаил Кольцов.

Фёдор Раскольников выразил соболезнование семье Ларисы, и в его сдержанных словах ощущалось так и не избывшее себя чувство к жене.

«Гроб стоял в Доме печати на Никитском бульваре, — вспоминал Варлам Шаламов. — Двор был забит народом — военными, дипломатами, писателями. Вынесли гроб, и в последний раз мелькнули каштановые волосы, кольцами уложенные вокруг головы. За гробом вывели под руки Карла Радека... Немало слов произносилось. Но едва ли не вернее всех сказал кто-то из почитателей её таланта: «Она потеряла не житьё-бытьё, а жизнь...».

Пули, миновавшие её, убили тех, кто её любил. Первым — Гумилёва: причислен к участникам контрреволюционного движения и в 1921 году расстрелян большевиками. Вторым — Раскольников: в 1938 году был объявлен «врагом народа» и в 1939 году в Великобритании покончил жизнь самоубийством, бросившись со второго этажа в психбольнице. Третьим — Карла Радека: заговорщик, шпион всех иностранных разведок, наймит всех империалистов, расстрелян в 1938 году.

*Б. И. УРМАНЧЕ***БАКИ –
ЗНАЧИТ
«ВЕЧНОСТЬ»**

Замечательные слова сказал о Баки Урманче выдающийся деятель татарской культуры Наки Исанбет: «Баки Урманче – патриарх нашего изобразительного искусства, голова, аксакал. Когда нас спрашивают, кто основоположник татарской поэзии и музыки, мы отвечаем: Тукай и Сайдаш. Когда нас спрашивают, кто основоположник татарского изобразительного искусства, мы отвечаем: Баки ага Урманче».

Баки Идрисович Урманче родился 23 февраля 1897 года в деревне Куль-Черкен Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Буинский район Татарстана).

Первоначальное образование получил в духовном училище-медресе «Мухаммадия» в Казани.

Творчество Б.И.Урманче начиналось в эпоху бурных революционных преобразований 20-х годов прошлого века. После окончания Московского художественно-технического института он в 1926–1929 годы возглавлял Казанскую художественную школу, возрождению и укреплению которой отдал много сил.

Так уж сложилась судьба Баки Идрисовича, что он познал репрессии, был сослан на Соловки, отбывал административную ссылку в Казахстане, жил в Узбекистане. Но и в те трудные

Купание коней. Б. И. Урманче, 1975

Сенокос в Салтыке. Б. И. Урманче, 1979

годы не оставлял кисти, интересовался архитектурой. Поэтому в 1930–1950 годы Урманче сыграл видную роль в художественной жизни этих регионов.

Его самобытное художественное дарование наиболее полно раскрылось после возвращения в Казань в 1958 году. Как родная земля помогала легендарному Антею побеждать, так и казан-

ская земля придала творчеству Баки Урманче новый импульс. Здесь в расцвете творческих сил он создаёт неповторимую великолепную портретную галерею исторических героев, деятелей культуры и искусства. На этом этапе высокой художественной зрелости, широкой известности, прочно завоёванного авторитета и народного признания творчест-

во Баки Урманче развивается более многогранно, охватывая такие важнейшие области художественной культуры, как скульптура, живопись, графика, театральная декорация и костюм, искусствознание.

Произведения Б. И. Урманче постоянно экспонируются на выставках, его картины и скульптуры представлены во многих музеях нашей страны, памятники, авторами которых он является, украшают улицы и площади городов и сёл.

Когда я познакомился с Баки Урманче в 1958 году, он работал в полуподвальной комнатке Дома культуры госторговли (ул. Пушкина, 18). Именно здесь создавалась одна из лучших работ мастера – скульптура Мусы Джалиля, которая ныне установлена в фойе Татарского академического театра оперы и балета им. М. Джалиля. Признаюсь откровенно, не в должной мере осознал тогда масштаб его личности.

Полное осознание величия мастера пришло ко мне уже после многократных встреч с ним в семье, в его доме, на многочисленных выставках его работ.

Баки Идрисович Урманче – явление. Живописец, скульптор,

график, создававший сотни произведений в разных жанрах. Но не количеством работ измеряется его значение. Всех, кто был знаком с ним, поражала его титаническая работоспособность, жадный интерес к жизни, добрый взгляд на всё окружающее, высокий профессионализм во всём, за что бы он ни взялся. Все эти качества не могли не снискать огромного уважения, притягивали к нему.

Его творчество – своеобразная исповедь перед лицом жизни, перед тем, что он видит и чувствует в ней, что о ней знает.

Пристальный взгляд во внутренний мир человека особенно наглядно проявляется в его портретном жанре. Галерея портретов, выполненных художником, ярка и впечатляюща. Он показывает главное в человеке, в жизни его души, раскрывает творческое начало, воссоздавая в пределах одного изображения эпоху, в которой живут его герои. Б. Урманче оставил в наследство целую скульптурную портретную галерею деятелей татарской культуры – средневекового поэта Кул Гали, учёных, просветителей Ш. Марджани, К. Насыри, поэта Дэрдменда, писателя Ф. Амирхана и др.

Штиль. Б.И. Урманче, 1958

Природа наделила художника разными талантами — и, к счастью, очень щедро. Но именно скульптура воздействует на его почитателей особенно сильно.

Так, из неодошевлённой, грубой природной материи возникает образ старца с приметами многотрудной, поучительной жизни, скорбный и величавый образ его вызывает невольное

уважение и сострадание. Это «Сагыш». Здесь раздумье, тоска, разочарование, грусть, забота и даже философия. Пожалуй, основное всё-таки — раздумье. Автор этой статьи рад, что маленькую копию скульптуры он получил из рук самого Мастера. Когда смотришь на эту работу, так и хочется расспросить старика о жизни, поговорить о веч-

ном. А вот другое чудо! Оно возникло из золотистого древесного ствола, который мастер оживил своим вдохновением. Образ царственной женщины, жившей несколько столетий назад. На милостивом тонком лице Сююмбике, в полузакрытых глазах — неуловимая тайна. И вот образ уже нашего времени, символ юности — девушка, источающая радость и счастье. Её мастер назвал «Нафиса». Она — само олицетворение изящества и гармонии, прекрасна и чиста, как лёгкое девичье дыхание...

А разве можно остаться равнодушным к архитектурно-мемориальному комплексу Г. Тукая, сотворённому руками и душой Баки Идрисовича в селе Новый Кырлай Арского района? Он подарил нам причудливый мир героев произведений Тукая в память о поэте, перед талантом которого преклонялся всю жизнь.

И как прав был Мастер, который говорил: «Настоящее произведение искусства не вызревает на бесстрастной, не сдобренной человеческим чувством почве. И бывают такие мгновения, которые безмерно окрыляют, доставляют невыразимую радость... Скажем так: в бесчувственном грубом материале под твоими ру-

Сагыш (Раздумье). Б.И.Урманче, 1966

ками вдруг начинает биться живое сердце, проявляются черты, возникают красота, изящество, плоть, характер... Образ, который сладко тяготил твою фантазию, обретает, наконец, свою реальность, осязаемость. Помогите, это в нашей работе самые увлекательные, счастливые мгновения. А если этому образу ещё и дано стать совершенным, войти

Открытие памятника Б. И. Урманче в сквере на ул. Б. Красная в 1997 году

в обиход духовной жизни народа — это великое счастье для мастера».

Баки Урманче ушёл из жизни в 1991 году. Ему было 94 года. Он внёс огромный вклад в развитие татарского и советского многонационального искусства, которому отдал весь свой яркий щедрый талант. Ему были присвоены почётные звания народного художника РСФСР и ТАССР, присуждена Государственная премия ТАССР им. Г. Тукая.

В 1997 году на открытии памятника Баки Урманче (автор Махмуд Гасимов) в сквере на ул. Б. Красная, очень верные и точные слова сказал мэр Казани Камиль Исхаков: «Урманче — блистательный мастер... Баки Идрисович одним из первых был удостоен звания «Почётный гражданин Казани». Не случайно у него такое символическое имя — Баки, что означает «вечность», и всё его яркое самобытное творчество направлено

Памятник Б. И. Урманче

в будущее. В год, когда мы отмечаем 100-летний юбилей Мастера, памятник — только первый шаг в увековечении его имени».

В марте того же года на фасаде скромного дома №29/8 по улице Мухаммадьярова, где жил с 1958 по 1990 год один из основоположников татарского изобразительного искусства Баки Урманче,

была установлена мемориальная доска. И снова в марте, но уже 1999 года, в уютном особнячке, что на ул. Шапова, 20, открыт музей Баки Урманче. Это искренняя дань памяти жителей города заслуженному художнику России, замечательному татарскому графику, живописцу, скульптору.

М. И. ЖАРОВ

**«ОДИН СЕЗОН
ЗДЕСЬ СТОИЛ
НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ
ПРЕБЫВАНИЯ
В ТЕАТРАХ
МОСКВЫ»**

Михаил Иванович Жаров — известный советский актёр, чьё имя снискало огромную популярность у многих поколений зрителей театра и кино. Сын типографа-печатника, он родился в Москве 14 октября 1900 года. Осенью 1918 года поступил в открывшуюся в Москве Студию синтетического актёра Художественно-просветительского союза рабочих организаций. Первыми учителями Жарова в актерском искусстве были выдающиеся Ф. Ф. Комиссаржевский и В. Э. Мейерхольд. Неудивительно, что после окончания студии Жаров пришёл именно в театр В. Э. Мейерхольда. Од-

новременно с работой в театре (1924—1926) снялся в нескольких знаменитых немых картинах («Аэлита», «Мисс Менд»). Два сезона (1926—1928) работал в Бакинском рабочем театре, затем сезон 1928—1929 года — в Казанском драматическом театре.

1928 год в истории Казани ознаменован крушением провинциального театра с его рутинной и утверждением новых театральных принципов и методов — от формирования репертуара до организации зрителей.

Вновь сформированную в том году труппу возглавил талантливый режиссёр, ученик В. Э. Мейер-

хольда Алексей Львович Грипич. Одержимый художник, он был уверен в том, что здесь можно осуществить великолепные постановки, не уступающие по уровню художественного мастерства столичным. Ему удалось собрать очень интересный коллектив, богатый яркими дарованиями, неповторимыми творческими индивидуальностями.

Тот сезон открыли 26 октября 1928 года спектаклем «Бронепоезд 14–69» по пьесе В.Иванова. В нём были заняты великолепные актёры, будущие народные артисты СССР и Российской Федерации М.Астангов, М.Жаров, П.Герага, заслуженные артисты РСФСР И.Бодров, артисты Е.Адамайтис, Н.Выгодская, А.Шестаков.

Михаил Иванович играл молодого партизана Ваську Окорочка — «крестьянского парня, беззаветно отдающего жизнь за будущую свободную Россию». Сочно и полнокровно написанный автором образ Васьки давал актёру возможность сказать своё слово о современнике.

Исследователь творчества М.И.Жарова А.А.Гершкович писала: «О работе Жарова над образом Васьки можно говорить без конца. В этой работе

по-настоящему с необычайной полнотой раскрылся талант, мастерство актёра и глубокое проникновение в психологию героя. В этом образе чётко и точно определилась творческая позиция актёра, «генеральная линия всего его творчества».

Сам Михаил Иванович в своих воспоминаниях «Жизнь, театр, кино» признавался: «Мне приходилось встречаться с подобными парнями, когда я ездил по Сибири. Я видел их в армии, в кружках художественной самодеятельности. А главное — я сам недалеко от них ушёл. Казалось, я чувствовал Ваську всем своим существом. Это не балагур во имя балагурства, какие встречаются среди ребят. Я понял, что Васька острит и веселит друзей в те самые трудные минуты, когда нужно поднять дух. И мне раскрылся человек, кругозор которого широк и ясен. Васька-Окорочек был той счастливой ролью, которая стала переломной и помогла мне уверовать в себя. Я впервые так полно жил в роли, что мог делать в ней всё, что захочу. И тогда я почувствовал себя счастливым хозяином роли».

О его последующих сыгранных ролях в театре заслуженный работник культуры ТАССР

Улица Большая Проломная

И. Г. Ингвар, игравший с ним в эти годы в театре, писал: «Помнится интересно сыгранный им в «Грозе» Тихон Кабанов, по-детски наивный, но в то же время ухватистый и цепкий парень, в котором проглядывали черты будущего Дикого. Нельзя не упомянуть и созданного в плане иронического гротеска Василия Леонидовича (Вово) в «Плодах просвещения» Л. Толстого. Уже первое появление его на сцене в белом ночном колпаке с кисточкой, длинной до пят ночной рубахе с наусниками, фальцетом зовущего прислугу вызвало в зрительном зале гомерический хохот. Для Жарова,

актёра сугубо реалистического плана, эксцентрический образ Вово был необычен и поэтому неожиданен так же, как сладострастный фарисей Людовик XI в ярком спектакле «Собор Парижской Богоматери». А рядом с ним – чудаковатый Епиходов в «Вишнёвом саде» А. П. Чехова, озорной матрос Орёл в спектакле «Амба» З. Чалой, шалопай и плясун Злобин в спектакле «Рельсы гудят». В каждой из сыгранных им ролей было органическое слияние в созданных им характерах высокой позиции и жизненной психологической правды и вдохновенной импровизационной стихии его творчества.

М. Жаров в роли Васьки Окорока в спектакле «Бронепоезд 14–69» Вс. Иванова

Таким он мне запомнился, когда работал в нашем театре».

О том, чем была Казань, театр в творческой жизни М. Жарова, он написал сам: «Казань — город университетский. Казанская публика необыкновенно театральная. У театра много подлинных друзей, собственно, вся городская интеллигенция — друзья те-

атра. Нас посещали за кулисами, принимали участие в обсуждениях наших постановок и очень часто приглашали на дружеские встречи к себе. И это было проявлением не просто любви к театральному искусству, а необыкновенно горячего патриотизма по отношению к своему Казанскому драматическому театру.

Первые спектакли обычно принимались торжественно, нас задаривали цветами. Казанские зрители жали нам руки на улице, благодарили за новые спектакли.

Один сезон здесь стоил нескольких лет пребывания в театрах Москвы. Чтобы сыграть только казанский репертуар, нужно просидеть в Москве не менее десяти лет».

После Казани актер ещё сезон работал в Бакинском рабочем театре, осенью 1930 года вернулся в Москву, где начался новый этап в его жизни. В 1931–1937 годах он артист Московского Камерного театра, с 1938 года – М. Жаров работает в Малом театре, где им сыграны роли Прохора («Васса Железнова» М. Горького), Лебедева («Иванов» А. Чехова), Митрича («Власть тьмы» Л. Толстого) и многие другие. В Малом театре особенно раскрылась широта творческого диапазона актёра. В театре и кино

Жаров стал играть наряду с комедийными острохарактерные, а также драматические роли. Комедийная лёгкость соединилась в его исполнении с психологической глубиной; при создании отрицательных персонажей ярче проявилась их сатирическая заострённость.

М. Жаров был одним из крупнейших российских киноактёров. Среди лучших ролей в кино – Жиган («Путёвка в жизнь», 1931), Кудряш («Гроза», 1934), конторщик Дымба («Возвращение Максима», 1937), Анархист («Выборгская сторона» 1939), Меншиков («Пётр I», 1937), Еропкин («Близнецы», 1945), Анискин («Деревенский детектив», 1969) и другие.

И нам, казанцам, приятно осознавать, что с именем народного артиста СССР, Героя Социалистического труда Михаила Ивановича Жарова связана одна из страниц истории Казанского драматического театра.

*С. З. САЙДАШЕВ***НАВЕЧНО
В ПАМЯТИ
НАРОДА**

Открытие мемориального музея Салиха Сайдашева, одного из основоположников татарской профессиональной музыки, состоялось в 1993 году. От здания консерватории, через площадь Свободы прошёл по улице духовой оркестр, играя знаменитый Сайдашевский «Марш Советской Армии». У музея сменяли друг друга симфонический оркестр под управлением Т. Ахметова и оркестр народных инструментов под управлением А. Шутикова. Праздник, начавшийся во дворе музея, продолжился в его музыкальном салоне, где звучали признания любви к композитору, воспоминания о нём. В музее

собрались те, кто знал Сайдашева, почитатели его таланта и неизбывного обаяния его личности.

Салих Замалетдинович Сайдашев родился в Казани 3 декабря 1900 года. Музыкальное дарование его проявилось рано. В 1913 году он оканчивает школу-медресе «Мухаммадия» и на следующий год начинает занятия в Казанском музыкальном училище. Ещё через год Салих начал участвовать в качестве пианиста в национальных ансамблях народных музыкантов при труппе «Сайяр». В 1918 году в Буинске Сайдашев открывает музыкальную студию, при которой организует татарский и чувашский

хоры. С 1919 по 1921 год — служба в рядах Красной армии. После демобилизации, в 1921 году, Сайдашев был назначен заведующим Восточной музыкальной школы Оренбурга. По его инициативе открывается класс духовых инструментов, организуется духовой оркестр. Одновременно он преподаёт и работает концертмейстером. С возвращением в Казань Сайдашев начинает работу в Татарском государственном драматическом театре. 18 декабря 1922 года здесь состоялась премьера комедии «Башмагым» («Башмачки») Х.Ибрагимова с музыкальным оформлением С.Сайдашева. Это была первая его работа в Казани. В Татарском театре под руководством Сайдашева были созданы оркестр и хор. В 1925 году была поставлена первая татарская опера «Сания» С.Габаши, Г.Альмухамедова и В.И.Виноградова, а в 1930 году состоялась премьера второй татарской оперы «Эшче» («Рабочий»). Повторными постановками этих опер в 1930—1931 годах дирижировал Сайдашев.

Наряду с работой в театре, на радио С.Сайдашев преподавал теорию музыки в театральном и педагогическом техникумах.

С 1923 по 1933 год он делает музыкальное оформление к нескольким десяткам спектаклей Татарского драматического театра. Среди них: «Казан солгесе» («Казанское полотенце»), «Сунгэн йолдызлар» («Угасшие звёзды») — 1924 год, «Галиябану», «Голубая шаль» — 1926 год, «Наёмщик» — 1928 год и другие. Его музыкальное сопровождение не только воссоздаёт жанровые картины жизни и быта татарского народа, но и раскрывает образы героев, помогает выявить основную идею произведения. С.Сайдашев по праву считается основоположником татарской музыкальной драмы.

Для повышения профессионального мастерства уже известных по своей исполнительской и творческой работе татарских музыкантов и подготовки новых кадров в феврале 1934 года при Московской консерватории была открыта татарская оперная студия. Туда был направлен на учёбу и С.Сайдашев. Он занимается у ведущих профессоров Г.И.Литинского и В.В.Соколова. Педагоги отмечали его необыкновенную талантливость и абсолютный слух. В 1937 году С.Сайдашев возвратился в Казань. В 1939 году ему было присвоено

Мемориальный музей-квартира С.З.Сайдашева

почётное звание заслуженного деятеля искусств ТАССР.

Окрылённый признанием, композитор продолжает успешно трудиться. Значительными произведениями предвоенного периода являются музыкальные оформления драм «Бишбулэк» Т.Гиззата и «Кузлэр» («Очи») Х.Фаткуллина.

В годы Великой Отечественной войны Сайдашев написал музыку к комедии «Хафизалэм — ир-

кэм» («Милая Хафиза») Г.Камала, к пьесе «Изге аманэт» («Священное поручение») Т.Гиззата, создал марши «Родина», «Походная песня». Он часто выступает в симфонических концертах как дирижёр. Концерты проходили при переполненных залах, а сбор поступал в фонд Советской армии.

В послевоенные годы Салих Сайдашев вновь обращается к песне, но уже как

Памятник С.З.Сайдашеву

к самостоятельному жанру. Победу в Великой Отечественной войне он приветствует песней «Дан сезгэ, жинучелэр» («Слава победителям») на слова М. Садри. Из лирических песен выделяются «Халиса» на слова Г. Хузи, «Чишме буенда» («У ручья») на слова М. Садри и др.

В 1948–1949 годах С. Сайдашев пишет музыку к пьесе «Чын мэхэббэт» («Настоящая любовь») Т. Гиззата.

В 1948 году в Татарском театре оперы и балета была поставлена музыкальная драма «Наёмщик» во второй редакции.

В 1939 году был создан оргкомитет Союза композиторов ТАССР. С. Сайдашев принимал активное участие в его деятельности. Ему была оказана честь открыть I съезд композиторов республики, на котором он был избран заместителем председателя правления созданного Союза композиторов ТАССР.

11 января 1951 года в помещении Татарского государственного академического театра им. Г. Камала общественность республики торжественно отметила юбилей С. Сайдашева: 50-летие со дня рождения и 30-летие творческой деятельности композитора.

Президиум Верховного Совета ТАССР присвоил Салиху Сайдашеву почётное звание народного артиста ТАССР.

У С. Сайдашева было много творческих замыслов. Но в 1954 году резко стало ухудшаться состояние его здоровья (причина – опухоль в лёгких). Музыкальное оформление пьесы Г. Насыри «Кадерле минутлар» («Дорогие минуты») – последняя работа композитора для театра.

16 декабря 1954 года Салих Сайдашев скончался в московской клинике им. А. В. Вишневского. 19 декабря его хоронили на татарском кладбище Казани.

В те скорбные для народа Татарстана дни люди, близко знавшие Салиха Сайдашева, вспоминали о нём. Артист Хаким Салимжанов рассказал о встрече с учащимися и учителями одной из татарских школ в дни 50-летнего юбилея Салиха Сайдашева, куда были приглашены сам композитор, поэт Мухаммед Садри и Хаким Салимжанов. Одна из учительниц обратилась к С. Сайдашеву с таким вопросом: «Салих-абый, отчего ваша музыка так близка сердцу народа, не можете ли вы мне это объяснить?». Ответил ей Хаким Салимжанов, рассказавший о Салихе, о народном

характере его музыки и закончивший словами поэта Аделя Кутуя: «То, что в литературе – Тукай, в музыке – Сайдаш».

Интересно говорила о композиторе народная артистка ТАССР Галия Кайбицкая: «Я много лет работала вместе с Салихом. Задумчивый, голубоглазый, очень предупредительный, приветливый и мягкий по характеру, Салих мне и сейчас кажется живым. Он умел говорить непринуждённо и весело. Люди, слушая его, отвечали: «Сайдаш и в разговоре, как в музыке, – слушать его приятно и легко».

Автор книги, от детских до студенческих лет знавший Салиха-абый, полностью присоединяется к этим словам, которые были сказаны от души, от сердца.

Салих Сайдашев является самой яркой личностью на вер-

шине татарского музыкального искусства.

Как дань памяти композитору в Казани есть улица его имени. Один из лучших концертных залов страны, Большой государственный концертный зал Казани, по справедливости назван именем Салиха Сайдашева. Памятник выдающемуся деятелю татарского музыкального искусства стоит перед зданием К(П)ФУ и рядом с очагом татарской культуры – театром им. Г. Камала (скульптор Р. Нигматуллина).

Сегодня в эфире, на сцене, в душах людей живут песни, музыка Салиха Сайдашева. Нет сомнений, что пройдут десятилетия, века, но его творческое наследие, гениально отразившее духовный взлёт человека, будет вечно живым, столь же близким и любимым народом.

*М. А. ЛАВРЕНТЬЕВ***КАЗАНЬ –
НАЧАЛО
ВСЕХ НАЧАЛ**

Стою на улице Лаврентьева в Ново-Савиновском районе Казани, спрашиваю прохожих: «Кто такой Лаврентьев, почему улица названа его именем?». Из двадцати опрошенных только трое ответили. Первый: «Он учёный, академик». Второй: «Он создал Академгородок в Новосибирске». Третий: «Он родился в Казани, учился здесь. Создал в Сибири крупный научный центр».

Между тем это имя широко известно в научном мире не только в нашей стране, но и за рубежом. М. А. Лаврентьев создал новые направления в теории функций, теории дифференциальных урав-

нений, механике сплошной среды и прикладной физике.

И Казань – начало всех начал в жизни и выдающейся научной, педагогической, научно-организационной деятельности Михаила Алексеевича Лаврентьева.

Дед и бабушка, отец и мать Михаила Алексеевича были коренными жителями Казани. В раннем детстве большое влияние на него оказала бабушка, начитанная и обладавшая исключительной памятью. Она пересказывала ему романы Жюль Верна, Майн Рида и многое другое. Отец, Алексей Лаврентьевич, обучался в Первой Казанской гимназии, которую закончил

Коммерческое училище

с золотой медалью в 1893 году. После окончания физико-математического факультета Казанского университета в 1897 году за отличные успехи получил диплом первой степени, а потом стал профессором университета. Мать, Анисия Михайловна, окончила приходскую школу и до замужества работала портнихой.

Михаил Алексеевич родился 19 ноября 1900 года. С раннего детства запомнились ему раз-

говоры и споры собиравшихся у них знакомых по различным научным проблемам. Он рано проникся сознанием значимости науки, и это наложило отпечаток на всю его жизнь. Десятилетним мальчиком оказался с родителями в Германии, в Гёттингене изучал немецкий язык, затем в Париже — французский. Образование в то время он получал домашнее. После возвращения из-за границы семья снова по-

селилась в доме на «даче Новиковой», которая представляла собой лесной массив с естественными границами — глубокими оврагами и рекой Казанка. Там было построено около двадцати деревянных домов на одну, две и четыре квартиры. Семья Лаврентьевых жила в четырёхквартирном доме (ныне это территория бывшего санатория «Казанский» и части Центрального парка им. М. Горького).

В 1912 году мальчик поступил во второй класс коммерческого училища (ныне Казанский государственный аграрный университет), которое считалось лучшей школой Казани. Здесь у него пробудился истинный интерес к математике и физике. Преподаватели живо интересовались наукой, увлекали учеников не только своим предметом, но и рассказывали много интересного из смежных областей. Особенно большое влияние на юного Михаила оказал преподаватель математики М. Н. Ивановский.

В конце 1916 года в связи с войной резко ухудшилась жизнь в Казани. Михаил Алексеевич вспоминал: «Я прирабатывал колкой дров — эти навыки мне сильно помогли во время эвакуации в Великую Отечественную

войну и особенно в первые годы жизни в Сибири».

В 1918 году, имея диплом о шестиклассном образовании, Михаил Алексеевич поступил на физико-математический факультет Казанского университета (после Октябрьской революции, согласно декрету, в университет можно было поступать по свидетельству о рождении в возрасте 17 лет). Занятия проводились вечером, так как большинство студентов работали. Однокурсниками Михаила Алексеевича были Х. М. Муштары, М. М. Сегель, Б. Л. Лаптев, которые впоследствии стали известными казанскими педагогами и учёными. В то время на первом курсе учились около 40 человек, большинство без законченного среднего образования. Основные курсы — аналитическую геометрию, математический анализ, физику — читали крупные учёные Д. Н. Зейлигер, Н. Н. Парфентьев, Д. А. Гольдгаммер, Е. А. Болотов и др.

Большую работу со студентами вёл Н. Н. Парфентьев. В постановке обучения, разработке новых курсов лекций, выборе перед старшеклассниками и сотрудниками тем для исследований в эти и последующие годы

он сыграл большую роль. В условиях нехватки преподавателей, уже на третьем курсе Михаил Алексеевич был принят ассистентом в механический кабинет и вёл занятия с первокурсниками. По предложению известного математика Н.Н.Лузина, который дружил с Лаврентьевыми ещё с Германии, в семье решают переехать в Москву. Михаил Алексеевич стремился сдать как можно больше экзаменов, чтобы в Москве заняться только интересующими его предметами. Переезд состоялся в конце 1921 года. Таким образом, Михаил Алексеевич в Казанском университете изучил программу фактически четырёх лет обучения.

Как вспоминал его однокурсник М.М.Сегель, семья Лаврентьевых была гостеприимна, любила отдыхать на Волге. В личной жизни отец Михаила Алексеевича был прост и доброжелателен. На большом двухпарном ялике они ходили под парусами и на вёслах по Волге даже в сильный ветер. Зимой часто катались на лыжах. Компания молодёжи у Михаила Алексеевича была большая, весёлая и разношёрстная, но все были на равных. Такое простое и товарищеское отношение к друзьям молодости

Михаил Алексеевич сохранил на всю жизнь.

Позже, в годы Великой Отечественной войны, семья Михаила Алексеевича и его родители некоторое время снова жили в Казани.

В конце семидесятых годов Михаил Алексеевич с женой Верой Евгеньевной приезжал из Москвы в Казань. Он нашёл «дачу Новиковой», встречался с однокурсником Х.М.Муштари, побывал на заводах, знакомился с исследователями по механике в Казанском физико-техническом институте, выступил с лекцией в университете. К этому времени научные достижения математика и механика, академика АН СССР (1946) и АН УССР (1939) М.А.Лаврентьева были отмечены Ленинской премией (1958), Государственными премиями СССР (1946, 1949), Золотой медалью АН СССР им. М.В.Ломоносова (1978). М.А.Лаврентьев вместе с С.А.Лебедевым стоял у истоков первых советских ЭВМ, которые с 1959 года начали изготавливать в Казани.

Подвигом же всей жизни Михаила Алексеевича была организация в Новосибирске Сибирского отделения АН СССР и длительное руководство им.

На Волге

Казанцам приятно отметить, что в становлении и развитии Сибирского отделения АН СССР сыграли видную роль академики А.А.Трофимук, В.М.Матросов, члены-корреспонденты РАН А.К.Ребров, В.Н.Монахов, В.В.Фомин и другие выпускники казанских вузов. За создание Сибирского отделения АН СССР М.А.Лаврентьев в 1967 году был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

15 октября 1980 года Михаила Алексеевича Лаврентьева не стало. До своего 80-летия он не дожил всего месяц.

Одна из улиц Ново-Савиновского района Казани названа именем учёного. В музее истории Казанского университета имеется стенд, посвящённый Михаилу Алексеевичу. В Казани многократно проходили международные Лаврентьевские чтения по математике, механике и физике.

В. А. КОЗИН

**ОПАЛЬНЫЙ
ОРФЕЙ**

Так называла Вадима Алексеевича Козина мировая пресса. По количеству и тиражам пластинок в довоенные годы с этим певцом не могли сравниться даже Леонид Утёсов, Изабелла Юрьева, Клавдия Шульженко — кумиры публики. Такое народное признание было обусловлено своеобразием исполнительской манеры артиста, мелодичностью песен, музыку ко многим из них писал он сам. Да, действительно, Вадим Козин был певец милостью Божьей. Это один из корифеев нашей отечественной эстрады XX века.

Вот интересный факт из его биографии. Как известно, в конце ноября — начале декабря

1943 года состоялась Тегеранская конференция глав правительств трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. 30 ноября, помимо прочего, участниками конференции отмечался день рождения У. Черчилля. Английскому премьер-министру удалось собрать на торжество выдающихся артистов, звёзд мировой эстрады: Марлен Дитрих, Изу Кремер, Мориса Шевалье. Черчилль попросил Сталина, чтобы от СССР на вечере выступил Вадим Козин. Сталин несколько удивился такой просьбе, но настроение у него по случаю достигнутых договорённостей было прекрасное, и он не стал возражать. Черчил-

ль отправил в Москву спецсамолёт. Днём Козин вылетел в Иран, вечером выступил перед «Большой тройкой», а на следующий день тем же самолётом вернулся в Москву.

Но в мае 1944 года, когда Вадим Козин был занят плодотворной концертной деятельностью, по доносу стукача он оказался в стенах страшной своей известностью Лубянки. 10 февраля 1945 года его осудили на восемь лет лишения свободы и отправили по этапу в Магадан. Так артиста убрали из активной жизни и пытались вычеркнуть его из истории советской эстрады. Но, даже будучи в положении заключённого, Козин давал концерты на Колыме. В сентябре 1950 года с формулировкой «за хорошую работу и примерное поведение» заключённый Козин был досрочно освобождён. Возвратиться на материк он не захотел. Лишь в 1955–1958 годах артисту разрешают гастроли по стране. В конце 1957 года Вадим Алексеевич выезжает в центральные районы. Его сопровождают пианист Б.Тернер, скрипач А.Дзыгар, чтица З.Трояновская. И что же! Выступления «полузабытого» Козина сопровождаются сплошными аншлагами. Щемя-

щий ностальгический мотив, звучащий в голосе певца, заставлял сжиматься сердца людей, будя воспоминания о молодости, любви, пережитом.

В апреле 1958 года выступление Вадима Козина состоялось в Казани в Большом русском драматическом театре им. В.И.Качалова. В те годы вокалисты выступали без микрофонов и фонограмм. Автору этой книги посчастливилось «живьём» видеть и слушать замечательного исполнителя. Местная пресса писала: «Главный сюрприз — это участие в концерте известного в прошлом эстрадного исполнителя Вадима Алексеевича Козина. Его голос не потерял выразительности и по-прежнему звучит молодо и проникновенно. Репертуар Вадима Козина весьма обширен и разнообразен. Однако гвоздём программы являлись старинные цыганские и русские романсы, а также собственные лирические песни, исполненные певцом с большим мастерством».

От себя скажу, сколь велика была магия его чарующего голоса. Но, когда под изящный аккомпанемент Б.Тернера он исполнил свой знаменитый шлягер, в зале начало твориться что-то невообразимое.

В музыкальном салоне Музея-квартиры В.А.Козина в Магадане

тами и с присущим ему юмором рассказывал всякие смешные истории из своего прошлого.

Час времени, что мы пробыли у него, пролетел как миг, тепло попрощавшись, мы отбыли на корабль...

В декабре 1994 года в Казань из Магадана пришло скорбное сообщение — ушёл из жизни 92-летний Вадим Козин, так и не дождавшись присвоения ему звания народного артиста. Впрочем,

ему это и не нужно было, для публики он и был истинно народным артистом.

Сегодня его квартира в Магадане преобразована в «Музей-квартиру им. В.А.Козина», она стала святыней для горожан и объектом паломничества для всех приезжающих. А в Москве на «Площади звёзд» в числе первых, самых именитых грандов российской эстрады навсегда запечатлено имя В.А.Козина.

Н. Г. ЖЕРЕБЦОВ

ВОЛЖСКИЙ БОГАТЫРЬ

Старожилы Казани помнят рекламные щиты, на которых были расклеены афиши, приглашающие казанцев в старый цирк возле Чёрного озера на матчи французской борьбы (так тогда называлась классическая борьба). На многих афишах был изображён во весь рост всеобщий любимец Николай Верден — стройный, с рельефной мускулатурой. Тогда мало кто знал, что это не настоящая фамилия атлета, а цирковой псевдоним Николая Жеребцова. Он был правнуком волжских бурлаков и родился в 1904 году в семье рабочего обойщика в непосредственной близости от старого

Казанского цирка, который он посещал систематически. Николаю Жеребцову хотелось стать сильным, как Иван Поддубный, Иван Заикин, Михаил Шемякин. Щедро одарённый от природы, Николай хорошо учится, сочиняет стихи, увлекается сценическим искусством, мечтает о цирковой карьере. Настойчиво совершенствуя свои богатые природные данные, молодой атлет достигает истинно физического совершенства, становится отменным борцом-классиком, блестящим гиревиком и штангистом. В 1928 году на I Всесоюзной Спартакиаде в Москве казанский богатырь стал чемпионом среди тяжело-

весов и рекордсменом СССР и мира в жиме двумя руками. Позднее он существенно улучшает результат олимпийского чемпиона Арнольда Лухайэра.

Николай Жеребцов окончил Московское высшее техническое училище, сохранив две страсти — цирк и спорт. И горячая любовь к цирковому искусству, подкреплённая успешными выступлениями на арене, взяла своё.

Когда в цирке возобновили свою деятельность столь популярные некогда чемпионаты борцов-профессионалов, Н. Жеребцов, принявший псевдоним «Верден», начал в них участвовать. Было это в 1933 году. «Верден» продолжал бороться до 1943 года.

И всё же Николай Жеребцов из борьбы ушёл. В 1944 году, в труднейшее военное время, он подготовил и выпустил уникальный атлетический аттракцион «Русский богатырь», в котором стремился показать неодолимую мощь русского народа. Отбросил он и «красивый» псевдоним: на афишах появилась его подлинная фамилия — Жеребцов.

Номер Николая Георгиевича привлекал массу горожан и пользовался неизменным успехом. Молодцеватый, в подпоя-

Государственный цирк

санной зелёной косоворотке и красных сапожках, он выходил на арену под плавные мелодии старинных волжских напевов и выглядел в самом деле былинным, сказочным богатырём. На своих могучих плечах Жеребцов вращал карусель: на неё усаживалась дюжина парней и девчат, и карусель вращалась. Затем следовал заключительный — самый эффектный трюк. Встав на высокий помост, силач, нагнувшись, надевал специальные лямки, ведущие к платформе, на которой находились два быка. Артист распрямлялся, и помост с двумя быками, с тонной живого веса, повисал на его плечах. Это было впечатляющее зрелище.

А уж с трёхпудовыми гирями он «расправлялся» буквально играючи.

Да, в то суровое лихолетье необходимо было именно такое цирковое представление, вселявшее в сердца людей уверенность в собственных силах, веру в неизбежность победы над врагом... И ещё долгие годы этот аттракцион оставался «гвоздём» цирковой программы.

В 1960 году Жеребцов решил вновь выйти на борцовский ковёр, схватиться с цирковыми профессионалами. В то время в Казани борьба пользовалась, думаю, ничуть не меньшей популярностью, чем коррида в Испании. Бывало, к 22 часам, к парадному выходу борцов, в цирке не оставалось ни одного свободного места. И так каждый вечер, пока проходили матчи.

Силовым аттракционом нашего земляка восторгались не только во многих городах Советского Союза, но и в зарубежных странах.

Вошедший в историю советского цирка заслуженный артист ТАССР Николай Жеребцов остался в памяти народной легендарным силачом, Артистом с большой буквы.

Николай Жеребцов скончался в Казани в 1979 году.

В целях увековечения памяти выдающегося богатыря и спортсмена в апреле 1980 года в Казани были проведены соревнования по гиревому спорту на приз Николая Жеребцова. Первые два года эти состязания носили местный характер, но уже с 1982 года турнир памяти Николая Жеребцова стал известным далеко за пределами нашей республики. С 1994 по 1998 год мемориал Н. Жеребцова проводился в ранге Кубка мира. Приятно и то, что в личных соревнованиях больше всех побед одержал богатырь Татарстана Фанис Салахiev — на его счету семь побед. На пяти прошедших Кубках мира (1994—1998) команда гиревиков Татарстана неизменно занимала второе место, уступая только сборной команде России. С 1999 года ежегодно проводятся открытые традиционные соревнования по гиревому спорту посвящённые памяти легендарного богатыря Николая Жеребцова.

В 2000 году на Аллее Славы Арского кладбища состоялось открытие нового памятника Н. Жеребцову. Николай Георгиевич изображён на надгробной стеле во весь рост таким же мощным, сильным, мускулистым, каким его запомнили многие любители «железной игры».

К. И. ШУЛЬЖЕНКО

**СИНИЙ
ПЛАТОЧЕК**

Во время войны песня «Синий платочек» стала визитной карточкой Клавдии Шульженко. Солдаты шли в атаку со словами: «За Родину, за Сталина, за «Синий платочек». Но мало кто знает, что текст этой популярной песни принадлежит военному журналисту Михаилу Максимову, который во время военных гастролей подарил его любимой певице.

С чего начать рассказ о Клавдии Ивановне Шульженко? Пытаюсь вспомнить, когда впервые услышал её имя, её песни, звук её голоса... В памяти картины детства.

...В соседней квартире с фронта на побывку приехал сосед

с товарищем. В комнате соседа устанавливают единственный старенький патефон, его пришлось долго и тщательно заводить, терпеливо крутя изогнутую ручку, чтобы завода хватило на всю песню. А пластинка была одна: на одной её стороне была «Ягода», на другой – «Не тревожь ты себя» в исполнении Клавдии Шульженко. ...Как-то уже после войны тот же сосед с женой поздним вечером вернулись с концерта Шульженко, который прошёл в Доме Советской армии (ныне Казанская ратуша). Они смеялись, и пели, и без конца рассказывали, какие она песни пела: «Дядя Ваня хороший

Татарский государственный театр оперы и балета им. М.Джалиля

и пригожий», «Руки», «В вагоне поезда». Вокруг спрашивали: «Что ещё она пела? Какое платье было на ней?».

...Ещё запомнился выпускной вечер в школе №4, которая находилась в то время на ул.Бутлерова, 7, в 1951 году, где опять же под радиолу – любимые «Шульженковские»: «Записка», «Портрет», «Челита», «Синий платочек», «Старинное танго».

Спустя много лет мне удалось попасть на концерт, который прошёл в августе 1958 года в Театре

оперы и балета им. Мусы Джалиля.

Первая песня – «Давай закурим» (музыка М.Табачникова, стихи И.Френкеля) – своеобразный эпиграф, заставка ко всему концерту. Её голос мечтательно уплыл куда-то в далёкое, незабываемое: «...часто вечерами эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать...». Вот она с улыбкой вспомнила, как охотно с ней поделились табачком, и Шульженко начинает скручивать воображаемую «козью ножку»: ак-

куратно оторвёт клочок газеты, бережно его разглядит, проведёт по краю языком, потом примет пальцами и... радостно выдохнет: «Давай закурим, товарищ, по одной, давай закурим. Товарищ мой!».

В исполнении К.И.Шульженко «Три вальса» (музыка А.Цфасмана, стихи Л.Давидович и В.Драгунского) — песня-откровение, притча о том, что жизнь человека, даже самая благополучная, вбирает в себя радость и горе, любовь и смерть. Это новелла о женской доле, в которой всё было: и счастливый смех первого юного чувства и долгой семейной жизни, и грустная боль неизбежной старости.

Также с восхищением зрители слушали её новые песни «Обещайте мне» (музыка Э.Левиной), «Ежовы рукавицы» (музыка О.Фельцмана), народные песни «Тарантелла», «Вишнёвая шаль», «Кто ты», «Кастаньеты» и песню-балладу, тонкую остроумную легенду «О чёрте и его дочерях» (обработка композитора Ф.Крейтнера). Певица исполнила её чуть иронически, насмешливо, но в то же время словно говорит слушателям: а ведь в этой шутке есть доля правды...

В конце выступления К.И.Шульженко на бис исполнила песню «Синий платочек» (музыка И.Петербургского). Как она пояснила, эта песня ей очень дорога, так как во время войны эту песню приходилось исполнять по три-четыре раза в каждом выступлении. Откуда-то в руках у неё появился синий платочек, последовал шквал аплодисментов, крики восторга. Некоторые из зрителей плакали, некоторые счастливо улыбались. «Синий платочек» — это символ творчества Шульженко. В песне — рассказ о том, как прощаются влюблённые, как клянутся в верности, как быются за свою любовь, как надеются никогда не потерять её... В этой песне — гармоничная красота и простота мыслей, слов, мелодии, доступных, понятных, близких каждому.

После концерта я зашёл за кулисы и поблагодарил Клавдию Ивановну за чудесный подарок, который она преподнесла городу, — свой концерт; получил автограф: «Клавдия Шульженко. 9.08.58 г. г. Казань».

Через несколько дней, 17 августа 1958 года, в газете «Советская Татария» появилась статья журналиста Г.Клячкина «Поёт Клавдия Шульженко», где

есть такие слова: «...В концертах, которые с большим успехом прошли на днях в Казани, актриса всесторонне раскрыла своё дарование, познакомила нас с новыми своими работами, а также исполнила ряд произведений из прежнего репертуара, хорошо знакомых и горячо любимых слушателями...

...Словом, концерты Клавдии Шульженко ещё раз показали, что в её лице наша эстрада имеет талантливого зрелого мастера.

Успех певицы по праву разделил Борис Мандрус – отличный пианист и опытный аккомпаниатор, работающий с Шульженко долгие годы...».

С именем К. И. Шульженко связаны яркие достижения отечественного музыкального искусства. Своим творчеством она внесла неоценимый вклад в развитие советской песни, патриоти-

ческое воспитание подрастающего поколения.

К. И. Шульженко родилась 24 марта 1906 года в городе Харьков. Более полувека она отдала «беззаветному служению эстраде».

21 июня 1984 года газета «Правда» сообщила, что «советское искусство понесло тяжёлую утрату. После продолжительной болезни скончалась выдающаяся, народная артистка СССР Клавдия Ивановна Шульженко».

Некролог был подписан руководителями страны и представителями музыкальной общестственности. Её похоронили на Новодевичьем кладбище.

Сегодня её квартира в Москве на Ленинградском проспекте преобразована в «Музей-квартиру им. К. И. Шульженко», её имя навсегда запечатлено на «Площади звёзд».

Н. Г. ЖИГАНОВ

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЮТ, ИГРАЮТ, СЛУШАЮТ, ИЗУЧАЮТ, ЛЮБЯТ

Стою в светлой, большой комнате, где всё, как и при нём, Назибе Гаязовиче Жиганове: рояль, шкафы с партитурами, за стеклом много фотографий, одна из них от композитора Арама Хачатуряна с надписью: «Талантливейшему Назибу в знак дружбы, глубокого уважения и сердечной расположенности». В этой комнате, где он творил прекрасную музыку, сегодня музей, здесь бережно хранят его память.

Родился композитор Назиб Гаязович Жиганов 15 января 1911 года в Уральске в рабочей семье. Рано потеряв родителей, провёл десять лет в детских домах.

Позже композитор вспоминал эпизод, когда он вместе с другом своего детства, Ваней Павловым, в возрасте пятнадцати лет решил поступать в Саратовскую консерваторию. Были у них на двоих одни ботинки. На комиссию входили по очереди, поскольку приходилось под балконом на улице переобуваться. Не приняли их тогда... Через много лет, когда Назиб Гаязович стал ректором и профессором, он оказался в Саратовской консерватории председателем экзаменационной комиссии. Стоял на том же балконе и вспоминал прошлое. Вдруг один из старых профессоров говорит всерьёз: «Товарищ

Жиганов, почему же Вы не пришли тогда ко мне? Я был в то время директором». «Но я не был Жигановым», — услышал он в ответ.

В 1928 году Назиб переехал в Казань и поступил в музыкальный техникум. Прочувшись два года, по мудрому совету старшего коллеги и друга Александра Сергеевича Ключарёва он едет в Москву и поступает на композиторское отделение областного музыкального техникума.

Творческие успехи Назиба были столь убедительны, что после окончания техникума он был принят сразу на третий курс Московской консерватории, которую блестяще закончил.

Спустя годы его учитель, профессор Генрих Ильич Литинский, напишет: «...Я благодарен судьбе за то, что она в своё время, в начале моего творческого пути, подарила мне такого ученика, как Н. Жиганов!.. В лице Н. Жиганова музыкальная культура Татарстана приобрела мастера чрезвычайно большой ценности». Жизнь подтвердила справедливость этих слов.

В 1937 году Первой симфонией молодого композитора Н. Жиганова начинается свою концерт-

ную деятельность Государственная филармония Татарии, а его дипломной работой — оперой «Качкын» («Беглец» — либретто А. Файзи) 17 июня 1939 года открылся Татарский государственный театр оперы и балета.

Уже вскоре Н. Жиганов в оперных и балетных партитурах предстает крупным мастером музыкально-сценической драматургии, подлинным певцом героико-патриотических устремлений народа. Опера «Алтынчеч» (либретто М. Джалиля) была удостоена Государственной премии СССР в 1948 году и Государственной премии ТАССР им. Г. Тукая в 1958 году.

Государственной премией СССР были отмечены и «Сюита на татарские темы» Н. Жиганова в 1950 году, а через 20 лет композитор был удостоен уже третьей государственной премии за симфонию «Сабантуй».

Выступив в 1940 году одним из инициаторов создания в республике композиторской организации, Назиб Гаязович Жиганов почти четыре десятилетия возглавлял её в качестве председателя правления. Благодаря его огромным усилиям в Казани при консерватории появились средняя специальная музыкальная

В 1945 году здесь состоялось открытие Казанской государственной консерватории

школа и Актный зал с органом, по его приглашению созданный симфонический оркестр возглавил знаменитый дирижёр Натан Рахлин.

Особая строка в биографии Н. Жиганова — Казанская государственная консерватория, которая открылась в 1945 году и где он 43 года был бессменным ректором и профессором специального класса инструментовки, отдавая много энергии и душевных сил воспитанию молодых музыкантов.

О музыке Н. Жиганова лучше всего скажут музыканты. Вот как пишет великий Д. Шостакович: «...общенародными становятся,

как правило, те произведения, чьи авторы сумели приобщиться к достижениям музыкальных культур других народов, не потеряв при этом своей индивидуальности и национальной почвенности. Достаточно вспомнить, например, оперу «Джалиль» татарского композитора Н. Жиганова».

Всемирно известный композитор София Губайдулина, прославившая своим оригинальным творчеством Казанскую консерваторию и своего первого учителя, подчеркнула, что именно Жиганов открыл ей «красоту татарской музыки, богатые возможности пентатоники».

Кабинет в мемориальном музее-квартире Н.Г. Жиганова

Добрые слова в адрес Назиба Жиганова произнёс профессор Казанской консерватории С. Казачков: «Таланты рождаются не часто. Ещё реже талантливому человеку удаётся достигнуть вершины, к которой он стремится. Назибу Гаязовичу это удалось!». Такое признание Н. Жиганов получил при жизни: Герой Социалистического Труда, он был удостоен звания «Народный артист

СССР», был награждён двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почёта».

Основные сочинения Н. Жиганова – 8 опер (среди них опера «Алтынчеч» и опера-поэма «Джалиль»), 3 балета, 17 симфоний, симфонические поэмы, увертюры, сюиты, камерно-инструментальные произведения, романсы, песни.

Музыка Н. Жиганова развивает драгоценное наследие исконно татарского музыкального творчества. Национальное богатство народа — его музыка — становится, таким образом, интернациональной принадлежностью, понятной, близкой всем.

Назиб Гаязович ушёл от нас после триумфального успеха — концертного исполнения оперы «Джалиль» в Уфе, 2 июня 1988 года. При огромном стечении народа он был похоронен на Аллее Почёта на Арском кладбище Казани. На могиле композитора установлено надгробие работы выдающегося скульптора М. К. Аникушина.

Данью памяти замечательному композитору к 90-летию со дня его рождения было открытие мемориального музея-квартиры на улице Малая Красная, дом

14, квартира 11, присвоение Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова. В гимназии №93 создан музей композитора Назиба Жиганова. Слава композитора переросла границы Земли: одна из малых планет носит его имя.

Можно бесконечно много рассказывать об удивительном человеке — музыканте, педагоге, общественном деятеле Н. Г. Жиганове, которого автор статьи знал издавна, ещё с 1939 года, многократно с ним встречался и многое из жизни композитора видел воочию.

Имя Назиба Жиганова навсегда останется в истории татарской и отечественной музыкальной культуры. Жизнь музыки Жиганова продолжается. Его произведения поют, играют, слушают, изучают, любят...

В. С. ВЫСОЦКИЙ

НЕПРЕВЗОЙДЁННЫЙ
БАРД

Весть о смерти артиста театра и кино, поэта, исполнителя собственных песен Владимира Высоцкого быстро облетела Москву. Стоял жаркий июль 1980 года. Автор этой публикации в то время присутствовал на московских Олимпийских играх в качестве туриста и видел собственными глазами Таганскую площадь, где проходило последнее прощание с Владимиром Высоцким. Его хоронила вся Москва. За ней, по сути, стояла вся страна. Это были очень светлые похороны. На Таганской площади море людей — притихших, возвышенных, объединённых единым чувством. Море людей и море цветов.

Поэт как будто почувствовал свою кончину, когда за два дня до смерти написал стихи, в которых звучали такие слова:

*Я пел и грезил, и творил,
и многое успел:
Какую женщину любил!
Каких друзей имел!
Прощай, Таганка и кино,
прощай, зелёный мир!..
И песни, что для вас сложил,
переживут века.*

Это о Высоцком на его похоронах актёр Михаил Ульянов сказал: «Он был замечательным актёром, одним из интереснейших актёров современности. Он был

и великолепнейшим певцом. Его песни были как крик, эти песни были как стон сердца. Его песни любили, его песни не любили, его песни шокировали, восхищали, удивляли, но они были выражением каких-то народных струн, которые сегодня проявились в полной мере...».

В конце семидесятых годов уже прошлого XX века Высоцкий выступал в переполненных залах с концертами в Казани: в химико-технологическом институте, университете, во Дворце спорта, Доме актёра и Молодёжном центре. Я был зрителем на концерте в Молодёжном центре.

Зал переполнен... Высоцкий буквально влетел на сцену, роста среднего и сложения не богатырского, он вызывал у тех, кто его видел впервые, даже удивление — откуда этот могучий, яростный, а временами нежный, узнаваемо-хриплый голос. Но вот артист отчаянно рванул гитарные струны, и зритель словно услышал боевой клич:

*На братских могилах
не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают —
К ним кто-то приносит
букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.*

Этой песней он начал своё выступление, а потом добавил: «Я нарочно начал с этой песни, чтобы у вас исчезли сомнения, что перед вами тот самый, кого вы ждали».

Он поёт песни одну за другой, почти без пауз.

Голос Высоцкого носится над залом, словно дух воспетых им гор.

*Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал.
Лучше гор
могут быть только горы,
На которых ещё не бывал.*

Пел от себя и от имени участников Отечественной войны. Он был так правдив и смел, что, услышав его песни о войне, бывшие фронтовики порой думали, что Высоцкий — их однополчанин.

*Почему всё не так?
Вроде — всё как всегда:
То же небо опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух
и та же вода,
Только — он не вернулся из боя.*

Никакой физиологии, что ныне стало обычным на сцене, в его песнях о любви. Любовь — личное достояние каждого из нас.

Но, объединяя двоих, любовь объединяет и человечество, страны, времена в единую Страну Любви. Любя одну, он любит всех любящих.

*Я поля влюблённым постелю —
Пусть поют во сне и наяву!..
Я дышу, и значит — я люблю!
Я люблю, и значит — я живу!*

Он пел и игриво:

*Ну почему аборигены
съели Кука?
За что, не ясно.
Молчит наука.
Мне представляется —
совсем простая штука:
Хотели кушать и съели Кука.*

И вот, наконец, его знаменитая «Охота на волков», которая впервые исполнялась в связи с убийством президента Америки Джона Кеннеди.

*Рвусь из сил — и из всех
сухожилий,
Но сегодня — опять, как вчера:
Обложили меня, обложили —
Гонят весело на номера!*

После рождения этой песни поэт Евгений Евтушенко прислал с Севера, где он гостил у моря-

ков, телеграмму: «Слушали твою песню «Охота на волков» двадцать раз подряд. Становлюсь перед тобой на колени».

Следующая песня о чувстве физической невозможности и дальше существовать вот так — без воздуха и надежды:

*Спасите наши души!
Мы бредим от удушья,
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышите нас, на суше
Наш SOS — все глуше, глуше.
И ужас режет души
Напополам...!*

Каждая песня вызывала оглушительную реакцию слушателей.

Высоцкий прерывает свою песню и начинает разговор с аудиторией: «Хорошо бы зажечь свет в зрительном зале, чтобы я видел глаза, а то так будет похоже на какое-то банальное действо... Авторская песня — тут уж без обмана, тут будет стоять перед вами весь вечер один человек с гитарой, глаза в глаза... И расчёт в авторской песне только на одно — на то, что вас беспокоят точно так же, как и меня, те же проблемы, судьбы человеческие, одни и те же мысли...».

Отвечал он и на вопросы:

— Как вы относитесь к популярности?

— Я её не очень сильно ощущаю, популярность. Дело в том, что когда продолжаешь работать, то нет времени на то, чтобы как-то обращать внимание на эти вещи... Так что я избавлен от того, чтобы замечать, когда стал популярным...

— Печатаетесь ли вы?

— Чем становится просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания, как переделывать строчки и т.д., лучше сидеть и писать.

Его спрашивали:

— Человеческие недостатки, к которым вы относитесь снисходительно?

— Физическая слабость.

— А недостатки, которые вы не прощаете?

— Таких много... Жадность. Отсутствие позиции, которое за собой ведёт очень много других пороков...

— Какой вопрос вы бы хотели задать самому себе?

— Хотел бы знать ответ, сколько мне осталось лет, месяцев, недель, дней и часов для творчества.

— Если бы вы не были Высоцким, кем бы хотели быть?

— Высоцким.

Концерт закончился. Ему долго рукоплескали и не хотели отпускать.

Слушая Высоцкого, я, в сущности, впервые понял, ощутил, так сказать, чисто физически, что Орфей древнегреческий, играющий на струнах собственного сердца, — никакая не выдумка красивая, а самая настоящая правда. Если уж одно исполнение актёром своих песен производит такое потрясающее впечатление, то какой же ценой, какими нервами, какой кровью они создавались!

Когда Владимир Высоцкий, которому было всего 42 года, ушёл из жизни, стало понятно, что он сам был сплошной обнажённый нерв («Нерв» — таково название и первого сборника его стихов, вышедшего уже после его смерти), что жизнь его была самосожжением, которое, понятно, не может происходить долго. Увы, тот, кто горит, и сгорает быстрее.

Бесспорно, В. Высоцкий ушёл рано. Больше всего он боялся, что уйдёт и не допoeт свою песню. Допел, в том-то и суть дела. Сказал всё, что должен сказать человек, чтобы иметь право уйти, оправдав своё появление на «белый свет». Да, он мог бы многое

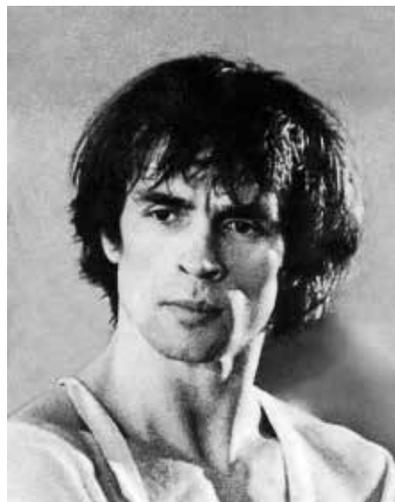
ещё написать, сыграть, спеть, сказать. Но и того, что сделал, спел, вполне достаточно, чтобы проникнуться к этому человеку чувством огромной благодарности и искреннего восхищения. Трудно припомнить такую оглушительную славу, которую уже при жизни снискал этот человек у самых разных слоёв населения — от «высоколобых» интеллектуалов до бичей, как в те годы называли нынешних бомжей. Долго ещё будет сопровождать современников, да и последующие поколения его хриплый баритон — и в работе, и в любви, и в минуты мужских решений и поступков.

В 1986 году одна из малых планет была названа именем «ВладВысоцкий». В 1987 году Высоцкому Владимиру Семёновичу (посмертно) была присуждена Государственная премия СССР за создание образа Жеглова в телевизионном художественном фильме «Место встречи изменить нельзя» и авторское исполнение песен.

И по сей день 25 июля, в день смерти Владимира Высоцкого, тысячи людей приходят на Ваганьковское кладбище Москвы,

чтобы почтить его память. Их встречает надгробный памятник замечательному поэту и актёру работы скульптора Александра Рукавишникова. Могила поэта на Ваганьковском кладбище продолжает держать рекорд по посещаемости, она, можно сказать, стала культовым местом для людей. А песни его звучат почти в каждой квартире, записи его песен не залеживаются на прилавках магазинов, сборники стихов и воспоминаний о нём не выходят из разряда острodefицитных.

В Москве на Страстном бульваре установлен памятник Владимиру Высоцкому, в театре на Таганке в 2002 году был поставлен спектакль «Люблю тебя сейчас» по сценарию его супруги Марины Влади, рядом с этим театром открыт музей Владимира Высоцкого. В Набережных Челнах, куда с гастролями приезжал популярнейший Московский театр драмы и комедии на Таганке, в труппе которого выступал артист Высоцкий, на площади Владимира Высоцкого установлен памятник в виде гитары-колокола поистине народному барду.

*Р. Х. НУРИЕВ***«МОЁ ЖЕЛАНИЕ –
ТАНЦЕВАТЬ
ВО ВСЕХ
ТЕАТРАХ МИРА»**

Нуриев Рудольф Хаметович – танцор, «апостол культуры XX века», как его называли при жизни, родился, как он пишет в своей автобиографии, в поезде 17 марта 1938 года, недалеко от Иркутска. Семья ехала во Владивосток, где служил его отец. Обстоятельства столь необыкновенного рождения, видимо, наложили свой отпечаток на жизнь Нуриева – танцовщика и балетмейстера, который многие годы провёл в гастрольных разъездах по земле, воде и воздуху.

Его отец, кадровый военный, родился в деревне близ Уфы, а мать, домохозяйка, родилась в Казани. По этой причине Ру-

дольф считал Казань «своим городом». Позже он вспоминал: «Не могу точно сформулировать, что для меня значит быть татарин, но я ощущаю это всей своей плотью. Во мне татарская кровь бежит быстрее, всегда готовая закипеть. С другой стороны, мы – более томные, более чувственные. У нас есть своеобразная азиатская мягкость и в то же время сильный темперамент наших предков, этих суровых всадников. Татары мгновенно загораются, готовые вступить в бой. В то же время они непритязательны. Это сложный народ – таков и я».

Перед войной отца из Владивостока перевели в Москву, семья,

как водится, поехала за ним. Кроме Рудольфа, в семье были три девочки – Роза, Резеда и Лидана. И, когда отец ушёл на фронт, до 1946 года мама – Фарида апа – воспитывала детей одна.

В 1943 году семья переехала в Уфу. В эти годы они жили очень трудно.

Впервые Рудольф попал в театр во время войны в Уфе. В те дни в уфимском театре нашли приют эвакуированные артисты московского Большого и ленинградского Кировского театров. Первая встреча с балетом у Рудольфа была любовью с первого взгляда. «Первый поход в театр, – пишет он, – зажгёт во мне особый огонь, принёс невыразимое счастье. Что-то уведило меня от убогой жизни и возносило к небесам. Только вступив в волшебный зал, я покинул реальный мир и меня захватила мечта. С тех пор я стал одержимым, я услышал «зов». В то время я учился в школьном хореографическом ансамбле, добивался всё новых успехов и мечтал поступить в Ленинградскую хореографическую школу. Примерно лет с восьми я жил как одержимый, слепой и глухой ко всему, кроме танца».

Вскоре Рудольфа принимают в танцевальный кружок Дома

пионеров, где педагоги и заложили фундамент хореографических основ будущего артиста. Потом на него обратил внимание балетмейстер уфимского театра оперы и балета и предложил участвовать в балетных спектаклях.

1955 год – один из этапных в творческой биографии Р.Нуриева: проходила Декада литературы и искусства Башкирии в Москве. Здесь юный Рудольф танцевал в балетных спектаклях, но пока ещё отнюдь не ведущие роли.

В семнадцать лет его приняли в Ленинградское хореографическое училище. Его преподаватель, Пушкин Александр Иванович, отзывался о Рудольфе: «Талантливейший человек! Таких одарённых людей я не видел. Никогда. К тому же он очень упорный и целеустремлённый парень. За три года окончить полный курс хореографического училища, согласитесь, что такое далеко не каждому по плечу».

В 1958 году Р.Нуриев сдал выпускные экзамены в хореографическом училище и был приглашён в Кировский театр оперы и балета, где за два года подготовил десять ведущих партий в балетных спектаклях. За

это же время он выучился играть на пианино, а после гастролей в Египте засел за английский и довольно быстро его освоил. В те же годы Рудольф не вылезал из музеев, театров и филармоний. Он прекрасно понимал ущербность своего провинциального воспитания и, не жалея сил, ликвидировал многочисленные пробелы.

Наступил 1961 год, и Кировский театр оперы и балета отправился на гастроли в Париж, а затем в Лондон.

Успех Нуриева за рубежом был ошеломляющий, парижские газеты писали: «Русские привезли танцовщика с Луны», — этим, очевидно, подчёркивался высокий, как бы парящий в невесомости прыжок, мягкое «кошачье» приземление. После каждого выступления публика его не отпускала, буквально неистовствовала.

16 июня 1961 года после окончания гастролей в Париже Нуриев обратился к французским властям с просьбой о предоставлении ему политического убежища. По тем временам такой поступок требовал большого мужества. Здесь полностью проявился независимый характер артиста. С мелочью в кар-

мане Рудольф Нуриев оказался один — в незнакомой стране, среди чужих людей.

Именно в этот момент независимая частная балетная труппа маркиза де Куэвоса взяла опального артиста к себе. В этой труппе Нуриев танцевал три месяца, исполняя партии принца Дезире в «Спящей красавице» П.Чайковского и Фавна в «Послеполуденном отдыхе Фавна» на музыку Клода Дебюсси.

После этого он получил приглашение от всемирно известной балерины Марго Фонтейн приехать на посвящённый ей балетный вечер в «Ковент-Гарден» (Королевский балет Великобритании). Это были знаменательные дни.

Шёл 1962 год. Р.Нуриев стал солистом Королевского балета Великобритании. Блистательный хореографический дуэт Рудольфа Нуриева и Марго Фонтейн на протяжении долгого времени был событием для искусства всего мира. Вот что писал хореограф Нинет де Валуа о спектакле «Жизель», где в главных ролях встретились Р.Нуриев и М.Фонтейн: «Никто не забудет то, что видел. Они слились в один образ, как будто они были созданы друг для друга». Сама Фонтейн

рассказывала: «Это счастье — танцевать с таким партнёром. Работать с ним — сплошное наслаждение: он очень романтичен, чувствителен, человечен, работоспособен».

В результате этой встречи М. Фонтейн и дала сценическую жизнь Р. Нуриеву на Западе.

Нуриев хотел танцевать и танцевал всё — классику, неоклассику, «модерн». Среди спектаклей классического наследия это «Сильфида» — Джеймс, «Жизель» — Альберт, «Спящая красавица» — Дезире и Голубая птица, «Лебединое озеро» — Зигфрид, «Щелкунчик» — Принц, «Корсар» — Конрад, «Дон Кихот» — Базил...

Успешно осваивал Нуриев неоклассику с выдающимся американским балетмейстером Джорджем Баланчиным, он много работал в хореографическом стиле «модерн» с хореографами Полом Тейлором и Мартой Грехем.

Артист был молод, красив, прекрасно обучен, владел высокой техникой танца, замечательными природными данными, фантастической работоспособностью (он танцевал по 360 спектаклей за сезон) — такого на Западе в то время не было.

В июле 1983 года в Лондоне, перед тем, как поехать в Париж в качестве художественного руководителя балетной труппы «Гранд-опера», в своём интервью журналисту он говорил: «Я приехал вовсе не для того, чтобы мир мною восхищался, я не принимал себя за самого выдающегося. Моё желание танцевать во всех театрах, во всём мире огромно. И я достиг этого».

Имя Нуриева связано не только с исполнением танца, но и с его постановками в труппах разных стран. Во всех его балетмейстерских работах чувствуются мера, такт, вкус. Отметим, что именно Нуриев оказал решающее содействие творческой судьбе молодого танцора из казанских татар — Ирека Мухамедова, выдвинув его на мировую сцену.

После происшедшей в 1980-е годы в стране перестройки Нуриев посещал СССР неоднократно: в 1987 году приезжал в Уфу проститься со смертельно больной матерью, в 1989 танцевал «Сильфиду» в Мариинском театре (Кировский театр оперы и балета).

Казань «открыла» Рудольфа Нуриева в марте 1992 года. Здесь он навещил родственников, у которых взял фотографию

своего отца. В Татарском академическом театре оперы и балета им. М. Джалиля дирижировал балетом «Ромео и Джульетта», явив ещё одну грань богатой творческой натуры. В беседе с артистами театра Нуриев говорил: «К балетным высотам шёл упорно с детства, но, несмотря на все свои старания, всё время ощущал какой-то барьер, который не мог преодолеть. Если бы я не уехал на Запад, то никогда бы не раскрылся полностью. Там я делаю всё, что хочу».

Кто-то спросил: «Но почему же вы тогда решили дирижировать оркестром?»

«Я получил рекомендацию от самого фон Караяна», — ответил Нуриев. «Дирижёры, — добавил он, — самые долгоживущие в искусстве люди. А я ещё хочу пожить».

Планов у него было действительно много.

Казань Нуриеву очень понравилась, и он собирался побывать здесь ещё.

Приехав во второй раз в 1992 году, 22 мая он выступал в качестве дирижёра балета «Щелкунчик» П.И. Чайковского на VI фестивале классического балета. Спектакль получился ярким, праздничным. В этот

день в театре был аншлаг, атмосфера настоящего ажиотажа. Цветы, крики «Браво!», фоторепортёры и телекамеры... Ныне высок престиж этого фестиваля, он стал международным фестивалем классического балета и получил имя Рудольфа Нуриева. На Нуриевском фестивале зрителей всегда притягивает выставка в центральном фойе, рассказывающая об удивительной, трагичной и прекрасной судьбе великого танцовщика XX века. Нуриевский фестиваль высоко котируется среди деятелей балета, лучшие танцовщики страны считают за честь участвовать в нём.

Слава никогда не выпускала из своих объятий этого одержимого танцем человека. Триумфальное шествие Нуриева по странам и континентам можно проследить даже по заголовкам газет: «Живая электростанция» («Нью-Йорк Таймс»), «Феномен высочайшей производительности» («Цюрихское время»), «Новое измерение танца» («Вашингтон Пост»)..

Однажды публика аплодировала ему 40 минут стоя, занавес поднимался 89 раз. Это стало достоянием книги рекордов Гиннеса. Всего Нуриев исполнил

Дуэт Рудольфа Нуриева и Марго Фонтейн

120 балетных партий, снялся в 29 фильмах и стал в 1983 году почётным гражданином Австрии. В ноябре 1992 года министр культуры Франции Джек Ланг вручил Рудольфу Нуриеву орден Командора искусств и литературы. Эта награда присуждается за особо выдающиеся заслуги. Нуриеву воздавались поистине царские почести, каждый его шаг фиксировался журналистами. Документальными фильмами о его поездках не один год кормилось мировое телевидение...

«Самый богатый в мире татарин», как называли его и как назвал себя сам Нуриев, основал Международный фонд помощи больным и травмированным танцовщикам. Всё, что он заработал прижизненно, а это имущество на один миллиард долларов — ценнейшие полотна художников прошлого, скульптуры, антиквариат, апартаменты в Париже и Нью-Йорке, вилла в Карибском море — артист завещал на

осуществление его собственного проекта — «Памятника славянской культуры: последний век первого тысячелетия».

Рудольф Нуриев умер в январе 1993 года после тяжёлой болезни, которой болел последние восемь лет. Он похоронен под Парижем на русском кладбище Сент-Женевьев-дэ-Буа. Роскошный мусульманский ковёр лежит надгробием на его могиле, как груда драгоценных камней. Такого памятника не было ни у кого. Рудольф и здесь преуспел. Танцевавший всё, что хотел, покупавший всё, что хотел, живший, где хотел...

По случаю десятилетия со дня смерти Нуриева в парижском «Гранд-опера» в январе 2003 года с оглушительным успехом прошёл вечер его памяти.

Сегодня его имя стало легендой. Рудольф Нуриев был настоящим поэтом танца, его гением, посвятив своей музе всю жизнь без остатка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафонов Н. Казань и казанцы. Казань, 1906–1907, ч. 1, 2.
- Аксаков С.Т. Собрание сочинений. М., 1966, т. 5.
- Алишев С.Х. По следам минувшего. Казань, 1986.
- Ахмеров Г. Избранные труды. Казань, 1998.
- Баки Урманче. Каталог выставки. Казань, 2007
- Баженов Н. Казанская история. Казань, 1847.
- Белокопытов В., Шевченко Н. Их именами названы улицы Казани. Казань, 1977.
- Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1936, ч. 1.
- Бикбулатов Р.Х., Мустафин Р.А. Казань и её слободы. Казань, 2001.
- Бобченко Т., Гарзавина А., Синицина К. Казань. Путеводитель. Казань, 1970.
- Боборыкин П. Воспоминания. М., 1965, т. 1.
- Бушканец Е.Г. Казань. Путеводитель. Казань, 1964.
- Валишевский К. Пётр Великий. Книга III. М., 1990.
- Владимиров В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии XVIII столетия. Казань, 1867.
- Воробьёв Н.И. Казанские татары: Этнографическое исследование дооктябрьского периода. Казань, 1953.
- Газиз Г. История татар. М., 1994.
- Герберштейн Н.С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908.
- Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества. СПб., 1777–1806, ч. 2.
- Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Державин Г.Р. Сочинения. Л., 1987.
- Дубин А.И. Старая Казань и её окрестности. Казань, 2011.
- Дульский П.М. Памятники Казанской старины. Казань, 1914.
- Дюма А. Путешествие по России. Л., 1998.
- Елизарова М.Н. Пушкин в Казани. Казань, 1975.
- Загоскин Н.П. Спутник по Казани. Казань, 1895.
- Заринский П. Очерки древней Казани. Казань, 1887.
- Знаменитые люди о Казанском крае. 1 часть. Казань, 1987. 2 часть. Казань, 1990.
- Из глубины столетий. Казань, 2000.
- История Татарии в материалах и документах. М., 1937.
- История Татарской АССР. Казань, 1968, т. 1,
- История Татарстана. Учебник. Казань, 2001.
- История Казани. Книга первая. Казань, 1988.
- История Казани. Книга вторая. Казань, 1991.
- Источники по истории Татарстана. Казань, 1993.

- Источники по истории Татарстана. Вып. II. Казань, 1994.
- Казанский М. Путеводитель по Казани. Казань, 1899.
- Казанская история Николая Баженова. Казанская губерния. Казань, 1947, ч. 3.
- Казанская история (историческая повесть XVI в.) под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1954.
- Казань в памятниках истории и культуры. Казань, 1982.
- Казань с планом. Путеводитель. Казань, 1913.
- Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань, 1955.
- Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. От начала возникновения до 60-х гг. XIX в. — 2-е изд. Казань, 1992.
- Кузьмин В.В., Смыков Ю.И., Халиков А.Х. Казань. Путеводитель. Казань, 1977.
- Кривцов В.Н. Отец Иакинф. Л., 1978.
- Мавзолеи Казанского Кремля (опыт историко-антропологического анализа). Казань, 1997.
- Нигмедзянов М.Н. Музыкальный Татарстан. Казань, 1970.
- Николай Фешин. Каталог выставки. Казань, 2007
- Нугманова Г. Путеводитель по Казани. Казань, 1998.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906.
- Остроумов В.П. Казань. Казань, 1978.
- Памяти профессора К.Ф. Фукса. Казань, 1996.
- Покровский И. Окраины города Казани в XVI—XVIII веках. Казань, 1905.
- Пинегин М. Казань в её прошлом и настоящем. СПб., 1890.
- Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Казань, 1993.
- Рыбушкин М. Краткая история города Казани. Часть I и II. Казань, 1843.
- Салихов Р., Хайрутдинов Р. Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII — начало XX веков). Казань, 1995.
- Старая и новая Казань. Казань, 1927.
- Степан Дмитриевич Эрьзя (Нефёдов). Саранск, 1981.
- Турин В. Перспективные виды губернского города Казани, рисованы с натуры и литографированы. М., 1834.
- Турнерелли Э.П. Собрание видов города Казани, рисованных с натуры. СПб., 1839.
- Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. Казань, 1995.
- Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1817.
- Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.
- Фиринат Халиков. Вечная Казань. Казань, 2005
- Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII — начала XIX веков. М., 1991.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990.
- Шпилевский С. Указатель достопримечательностей г. Казани. Казань, 1873.

СОДЕРЖАНИЕ

МАХМУД-ХАН. Первый правитель Казанского ханства.....	4
ОЛЕАРИЙ. «Голштинский Плиний» дважды побывал в Казани... 9	9
ПЁТР I. Великий реформатор в Казани	14
ЕКАТЕРИНА II. Её здесь звали «Эби-патша».....	24
Г.Р. ДЕРЖАВИН. «Отечества и дым нам сладок и приятен...» ...	34
ПАВЕЛ I. «Казань встречала его колокольным звоном»	40
А.ГУМБОЛЬДТ. «Пребывание в этом живописном городе интересно»	46
К.Ф. ФУКС. «Клянусь верно и нелицемерно служить пользе государственной...»	50
АЛЕКСАНДР I. «От этой фигуры веяло благородством»	56
Н.Я. БИЧУРИН. Отец Иакинф.....	60
С.Т. АКСАКОВ. Первый студент университета.....	65
НИКОЛАЙ I. Казанская площадь названа в честь императора Российского	71
А.С. ПУШКИН. «Не напрасно посетил эту сторону».....	76
А. ДЮМА. «Это было одним из лучших путешествий за всю мою жизнь»	83
Н.Н.ЗИНИН. Его имя вписано золотыми буквами в историю химии.....	89
АЛЕКСАНДР II. Императорский след в Казани	94
Л.Н.ТОЛСТОЙ. Поиски цели жизни.....	100
А.М.БУТЛЕРОВ. «Сделался химиком не в чужих краях, а в Казани»	108
А.П.ЩАПОВ. Он видел будущую Россию как федерацию.....	114
П.Ф.ЛЕСГАФТ. Основатель учения в области физического развития	119
И.А.БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ. «Стою за полную национальную свободу и самоопределяемость каждого гражданина»	124

В. М. БЕХТЕРЕВ. «Один из самых компетентных специалистов современной эпохи»	129
С. В. РАХМАНИНОВ. Блистательный пианист, выдающийся композитор	134
С. Д. ЭРЬЗЯ. Неповторимый скульптор	139
П. М. ДУЛЬСКИЙ. Свои труды посвятил родной Казани	144
Н. И. ФЕШИН. Вернулся знаменитым в Казань	150
А. Н. ТОЛСТОЙ. Казань как первая любовь	156
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. «Как во славной ли то было во Казани» ..	162
ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ. Он ищет своё «самобытное слово» ..	167
ГАБДУЛЛА ТУКАЙ. Первый народный поэт	171
А. Н. ТУПОЛЕВ. Масштабы Туполевский мысли	182
В. В. МАЯКОВСКИЙ. «Сказанием встаёт Казань...»	188
Л. М. РЕЙСНЕР. Валькирия революции	193
Б. И. УРМАНЧЕ. Баки – значит «вечность»	201
М. И. ЖАРОВ. «Один сезон здесь стоил нескольких лет пребывания в театрах Москвы»	208
С. З. САЙДАШЕВ. Навечно в памяти народа	213
М. А. ЛАВРЕНТЬЕВ. Казань – начало всех начал	219
В. А. КОЗИН. Опальный Орфей	224
Н. Г. ЖЕРЕБЦОВ. Волжский богатырь	228
К. И. ШУЛЬЖЕНКО. Синий платочек	231
Н. Г. ЖИГАНОВ. Его произведения поют, играют, слушают, изучают, любят... ..	235
В. С. ВЫСОЦКИЙ. Непревзойдённый бард	240
Р. Х. НУРИЕВ. «Моё желание – танцевать во всех театрах мира»	245
Список использованных источников и литературы	252

Бикбулатов Р. Казань. Знаменитые люди. Книга первая. –
Казань: Издательство «Заман», 2015. – 256 с., ил.

Ответственный за выпуск: Л. З. Миннуллина
Дизайн, вёрстка: Г. С. Яковлева
Обработка иллюстраций: Г. С. Яковлева, Г. А. Саморядова
Корректор: М. Ф. Киямова

Издательство «Заман»
Республика Татарстан, 420111, г. Казань, ул. Астрономическая, 8.
Тел.: (843) 292 29 69, 246 02 21.

e-mail: indo@zaman-izd.ru. www.zaman-izd.ru

Тираж 2000 экз.

Заказ